

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

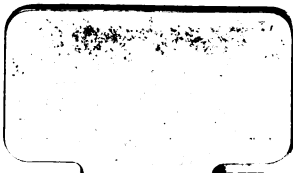
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet. D14. S276. 085

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

И

Фаддеемъ Булгаринимъ.

ЧАСТЬ СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типогра-
фіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь
экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣ-
дуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Декабря
1 дня 1828 года.

Цензоръ Надворный Советникъ

П. Гаевскій.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1828. No. XXI и XXII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отрывки изъ Романа: *Врачъ Исповѣдникъ*

(Сочин. Виктора Дюканжа.) (*)

Героиня романа.

Около осьми часовъ ушра, сквозь небольшую щель въ ставнѣ, проглянулъ солнечный лучъ въ комнашу Доктора Рокевиля, и напомнилъ ему, что пора сойши внизъ къ госпожѣ Марселень.

Я говорю: сойши внизъ, пошому, что уже сорокъ лѣтъ занималъ Докторъ, въ качествѣ поспояльца, двѣ комнашки въ шрепельмъ этажѣ наследственнаго дома госпожи

(*) Le Médecin confesseur ou la jeune émigrée. 1825. Изъ этого, очень пріятнаго Романа взяли мы два отрывка. Одинъ знакомитъ съ героиней Романа, молодою эмигрантскою, и почти со всеми дѣйствующими въ немъ лицами, а другой, кромѣ очерковъ характера, знакомящихъ съ героемъ Романа, представляетъ очень занимательную сцену изъ революціонной войны.

Марселень, а завтракъ обыкновенно подавали внизу, въ небольшой горницѣ, довольно шемной, сосавляющей заднее отдѣленіе магазина. Эту горницу величали госпиною, потому что въ ней стояли два кресла краснаго дерева, чепыре сшула подь красное дерево, часы съ кураншами и два мраморные подсвѣчника съ бронзою. Такія вещи, въ эту эпоху, могли назваться роскошью. Лишь только золошой лучъ солнца коснулся сонныхъ глазъ Докшора, онъ вскочилъ съ постели, шоропливо накинулъ на себя халатъ изъ голубой камки, надѣлъ жедшыя сафьянные туфли, скинулъ свой бѣлый колпакъ, и нѣсколько припудрилъ ошашокъ рѣдкихъ волосъ на головѣ своей. Тогда, подхвастивъ подь мышку журналы, съ лицемъ, оживленнымъ улыбкою, пошелъ онъ и занялъ свое мѣсто за круглымъ съ мраморною доскою столикомъ, прошивъ госпожи Марселень, кошорая въ бѣломъ капощѣ съ шюлевою оборкою, наливала въ фарфоровыя съ золошыми рубчиками чашки горячій кофе, безъ кошораго ни одна чеспная душа не можеть обойтись въ Парижѣ.

Кажеться, не лишнее будеть сказаць, кто шаковы эти почтенные люди.

Госпожа Марселень была швея, содержательница магазина, въ улицѣ Сень-Дени, подь

вывѣскою *трехцвѣтнаго голубя*. Покорно прошу не удивляться и не смущаться: я рассказываю о дѣлахъ, происходившихъ въ IV годъ Республики, во время правленія Исполнительной Директоріи, кошорая, помнишся, была исполнительна болѣе для самой себя, нежели для дѣлъ государственныхъ.

Хозяйка трехцвѣтнаго голубя была дамочка, недурная собой, кругленькая, добренькая, бойкая и живая, предлюбезнаго характера, прекрасной души и разсудка здраваго, хошя и не очень образованнаго. Торговъ свой онаправляла она искусно, дѣшительно и очень честно: никогда не запрашивала лишняго, не обмѣривала, не скрадывала вершковъ подъ аршиномъ, и за всѣмъ шѣмъ, говоря языкомъ шорговцевъ, умѣла набивашъ своей карманъ. Капипалъ достался ей въ наслѣдство отъ родителей; въ двадцашъ лѣшъ вышла она за-мужъ, въ двадцашъ семь лишилась, умнаго шрудолюбиваго, наилучшаго изъ мужей, а въ продолженіе девашнадаши носила уже бремя вдовшва: все эшо доказываешъ, какъ я думаю, что ей было сорокъ шесшъ лѣшъ.

Въ эши девашнадашъ лѣшъ, кошорыхъ нельзя же было все проплакашъ, усшояла она швердо прошиву всѣхъ предложеній, и

даже пропиву всѣхъ искушеній вшораго бра-
ка, не потому, чшобъ не могла уже нра-
вишься или чшобъ въ ней недоспавало чув-
ствительности (никогда не бывало шор-
товки - швей безъ достаточнаго запаса ко-
кетства); но, потому, чшо у хозяйки шре-
двѣшняго голубя былъ сынъ, котораго она
обожала. Эшого сына послалъ ей Богъ че-
резъ годъ по выходѣ за-мужъ, и за нимъ уже
не было ни одного плода супружеской нѣж-
ности, сдѣдственно онъ вполнѣ пользовался
горячностію машеринскою; онъ былъ един-
ственнымъ надеждою имени, начершаннаго зо-
лотыми буквами надъ ея лавкою; за шо и
воспитали его, какъ Принца. Виновашь! со-
всѣмъ нексташи упошребилъ это сравненіе,
забывши, что въ шо время шрого запре-
щалось шакъ выражашься. И шакъ надобно
было бы сказашь: господинъ Марседень —
нѣшъ, все не шо; надобно было бы сказашь:
гражданинъ Павелъ Марседень былъ вскорм-
ленъ республиканскими науками, шо ешь,
какъ молодой защитникъ ошечества, дол-
женствовавшій посвятившъ Республикѣ, шо
ешь дѣлу публичному, свои шаланпы и
свое мужество. Такъ шочно онъ и сдѣлалъ:
уже полшора года находился онъ подъ зна-
менами Бернонвиля, Пишегрю, Бернадотта,
Журдана, Моро, Клебера и другихъ респу-

бликанскихъ Генераловъ, кошорые всѣ, вѣдъ предѣловъ Франціи, сражались за свободу, кошорая совсѣмъ не сущесствовала внушри, или только мелькомъ проглядывала, подобно шѣмъ обманчивымъ призракамъ, какіе, подѣ жезломъ магика, шакъ скоро появляющся и пропадаютъ, что не успѣешь разсмошрѣшь ихъ, и оспаешься одураченъ. Но возвращимся къ шрещвѣшному голублю.

Такова-шо была госпожа Марселень: нѣжная мать, смышленная продавица, распорядишельная хозяйка, добрая, любезная, умная, и она-шо, въ бѣленькомъ капощѣ, наливала въ эшу минушу кофе своему посшольцу, сосѣду и нахлѣбнику.

Что касается до него, Докшора Рокевиля, сошедшаго съ шрешьяго эшажа, въ хаашѣ, въ шуфляхъ, съ живою на лицѣ улыбкою и съ журналами подѣ мышкою, онъ просто былъ другъ дома и человекъ, истинно почщенный. По врожденной склонности, посвятилъ онъ себя съ шакимъ рвеніемъ на пользу рода человѣческаго, что совершенно не имѣлъ времени подумашъ о самомъ себѣ, и невзначай оспаелся холосшымъ до шесшидесяши лѣшъ, а въ эши годы конечно нельзя уже было и думашъ о женишѣбѣ. Доходами своими шакже мало онъ занимался, какъ и прекраснымъ подомъ. Охощникъ копашься

въ книгахъ, онъ еще болѣе былъ охотникъ помогать человѣчеству, и дѣлалъ это съ полнымъ самоопроверженіемъ. Когда сидѣлъ онъ, зарывшись въ книги, ничѣмъ не могли его вышачить, но одно слово о бѣднякѣ, и онъ бѣжалъ опрощенъ въ опдаленнѣйшее захолустье, на самый высокій чердакъ. Тамъ тошовъ онъ былъ помогать и совѣтомъ и дѣломъ; нерѣдко рецептъ, написанный карандашемъ у изголовья скуднаго ложа, служилъ шолько обвершкою, чшобы пристоимымъ образомъ передать милоспшню убогому. Все это никакъ не могло увеличить его состоянія, но, къ счастью для спарыхъ его дней, друзья забошались о немъ болѣе, нежели онъ самъ. Его сдѣлали лекаремъ Парижскихъ шюремъ, и нельзя было выбрашь для него лучшаго назначенія: много человѣколюбія за малую плату.

Этотъ странный человекъ, по рѣдкой своей добротѣ, живучи въ уединеніи, шолько вовсе не отъ мизантропіи, шакъ сдружился съ Марселенями, чшо они привыкли нечувствительнo счищать его своимъ родственникомъ. И дѣйствительнo онъ былъ для нихъ болѣе, нежели другъ: въ продолженіе шридцати пяти лѣтъ никакое важное происшествіе въ ихъ семьѣ не проходило безъ его участія, шакъ, чшо и радостъ и

горе ихъ должны были съ нимъ раздѣлять-
 ся. Сначала присуществовалъ онъ и распи-
 сався въ качествѣ свидѣтеля, на свадьбѣ
 Марселеня; потомъ, въ качествѣ акушера,
 помогаль маленькому Марселеню увидѣшь
 свѣшь Божій, далѣе, при святомъ крещеніи,
 шоржественно опрекся за него ошь саша-
 ны, и обѣщався припомъ бышь ему, вмѣ-
 сто ошца, въ качествѣ кума его родителей.
 Черезъ семь лѣшь, когда неумолимая смерть
 прикоснулась ледянымъ перспомъ своимъ къ
 одному изъ супруговъ, разлучая два сердца,
 шполь нѣжно соединенныя, онъ, въ качествѣ
 лекаря, старался какъ умѣль помочь своему
 другу, совершенно по совѣспи; потомъ за-
 крыль ему глаза по всѣмъ правиламъ Гип-
 покраша; потомъ поплакаль ошь души на
 его могиль, и шакова была добрая слава
 вдовы, Докшора и всѣхъ эспихъ почтенныхъ
 людей, даже ошь ошца до сына, что нико-
 гда клевета не осмѣливалась бросишь и ма-
 лѣйшей капли своей желчи, на честную
 семью шрехцвѣшнаго голубя. Эшо не бездѣ-
 лица, пошому что на улицѣ Сень-Дени, иду-
 щей ошь засшавы до самаго Шашлепа, и по
 длинѣ своей, вмѣщающей всякій день, со
 включеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ,
 до сорока пысячь купцовъ разнаго рода,
 языки приводяшся въ движеніе съ удиви-

пельною дѣяшельноспію, по крайней мѣрѣ двѣнадцать часовъ въ суши. Сочтите же если возможно, эшошь океанъ словъ! Вошь каковъ былъ Докшоръ, кошорый держалъ въ рукахъ ушрениіа газетши и, пробѣгая ихъ внимашельнымъ окомъ, неперпѣливо искалъ подѣ спашьями: Кассель, Диссельдорфъ и Кобленць, извѣспій изъ арміи, въ кошорой воевалъ молодой Марселень, между шѣмъ, какъ забошлиявая хозяйка, угадывая съ улыбкою его обязашельное усердіе, мѣшала въ безмолвіи сахаръ въ его чашкѣ. Я не знаю ничего милѣе эшихъ маленькиихъ дружескиихъ услугъ, кошорыя повшоряюшся ешедневно.

Они сидѣли лицомъ къ лицу, прошивъ спеклянной двери, ведущей въ магазинъ; и оба обмакивали кусочки бѣлаго хлѣба въ горячій кофе, какъ вдругъ загремѣвшій звонокъ засшавилъ ихъ поднйашъ глаза, и они увидѣли входящую въ лавку молодую дѣвушку.

Роза, дѣвица для прислугъ въ магазинѣ, занимала уже поспѣ свой; переговоривъ съ пришедшею, она вошла въ заднее опдѣленіе лавки, и, съ небольшою ужимкою досады на лицѣ, доложила госпожѣ, что какаѣ-шо дѣвушка хочешъ говоритъ съ нею. „Хорошо, знаю, кто эшо“ — ошвѣчала госпожа Марселень, смѣшивъ уже, ошъ чего происходишъ досада Розы: „эшо дѣвица, кошорую шребо-

вала я на мѣсто Нашалин; скажи, чтобъ она вошла сюда; не безпокойшесь, Докшоръ!“

Роза ворошилась, оставя дверь незапершою, и занявъ прежнее свое мѣсто, очень сухо сказала: „Войдише, я докладывала о васъ госпожѣ.“ Роза имѣла характеръ немножко зависпливый: это и не хорошо, и не рѣдко между дѣвицами.

Молоденькая дѣвушка вошла пошчасъ, съ робкимъ видомъ, съ пошупленнымъ взоромъ. На ней было синее холстинковое плашье, довольно полинялое; пунцовый шелковый шпенсеръ, кошораго рукава по концамъ порядочно были обшершны; большая соломенная шляпка, маленькій плашокъ на шеѣ, перчашки съ дырами на двухъ пальцахъ, и башмаки съ красивою опорочкою. Хотя нарядъ ея былъ слишкомъ простъ, но за то, весьма опряшенъ и милъ: чулки бѣлые, ножка маленькая, плашье хорошо сшитое, шпенсеръ прелестно обнягивалъ шалю, и шляпа была украшена новою лентою, но, поля у ней были шакъ велики и шакъ нагнушы впередъ, что, кромѣ подбородка, совсѣмъ не было видно лица дѣвушки, тѣмъ болѣе, что она очень наклоняла голову, върояшно, изъ спыдливости. Госпожа Марселень заключила, что она должна бышь дурна собою; но, не могла не замѣшисъ чудес-

ной спройности ея спана, и какъ со дня на день ожидала она своего сына, а сынокъ ея былъ малый красивый, очень бойкій и очень готовый на то, чшобъ любовашься красосою прислужницъ ея, то ей было даже пріятно, чшо такая видная и ловкая дѣвушка не во всемъ была пѣвншельна... О, швеи на эшотъ счешъ очень смѣшлвы!

„Сядьте, милая!“

Дѣвушка взяла спуль, сѣла, и не сказала ни слова. Докшоръ чшала газешы; до него эшо не касалось; госпожа Марселень, какъ женщина съ умомъ, съ опышностью и соображеніемъ, дѣлала видъ, будшо прихлебываетъ изъ чашки, а сама внимательншо разсмашривала молодую просишельницу.

„Какъ васъ зовушь, душа моя?“

Дѣвушка покраснѣла, нагнула голову, помолчала и пошомъ вымолвила съ шрепешомъ: „Элизою, сударыня!“

Госпожа Марселень была слишкшомъ опышна, чшобъ остановишься на эшомъ щекшшлывомъ вопросѣ.

„Сколко вамъ лѣшъ?“

„Семнадцашъ.“

„Давно ли вы занимаешесь рабошшою въ магазинъ?“

„Уже... уже... чешыре года, сударыня!“

Эши слова сказала она съ большою запинкою.

„Что жъ вы умѣете дѣлать?“

„Умѣю шить, порядочно вышиваю, шпопаю...“

„Умѣете ли починивать тюль, кружева и дѣлать ихъ за-ново? Безъ этого я бы не могла васъ принять.“

„Я училась этому, сударыня.“

„Кто васъ послалъ ко мнѣ?“

„Я... никто, сударыня... Г. Робино, кошпорый держитъ справочное мѣсто, далъ мнѣ прочесть въ газетахъ ваше требова-
ніе, и... и я думала...“ Бѣдняжка не могла договорить.

„Въ этомъ еще нѣтъ бѣды, моя милая. Такъ вы были записаны у Робино?“

„Да, сударыня, это мнѣ стоило двадцать пять франковъ (*).“

„Ай, ай! Опъ кого же вы опходите, душенька?“

„Опъ госпожи Вильцкофбрешцегемъ.“

„Ахъ, Боже мой, что это? какъ вы сказала, миленькая?“

Дѣвушка повпорила, и какъ ни пріятенъ былъ нѣжный голосокъ ея, но стран-

(*) Не удивительно: Элиза должна была заплашить ассигнаціями, а въ это время 25 франковъ ассигнаціями стоили не болѣе шридцати копѣекъ.

ность имени возбудила опять крики изумления въ госпожѣ Марселень.

„Но, скажите пожалуйста, это не Христіанское имя?“

„Ахъ, увѣряю васъ, сударыня, что госпожа Вильцкофбрешцегемъ очень набожна и была такъ добра, что каждое Воскресенье водила меня къ обѣднѣ.“

„Къ обѣднѣ, душенька? какъ это возможно? Наши церкви сдѣлались всѣ хлѣбными магазинами или рынками. Вѣрно ваша госпожа знала какую нибудь часовенку на чердакѣ или въ погребѣ, но мольбы, кошорыя шамъ возсылаюшъ къ Богу, не менѣ искренни. Это хорошо, очень хорошо съ ея сѣсторонъ; я увѣрена, что это должна быть очень добросовѣстная дама, пошому, что старалась внушишь вамъ религіозныя чувства. Мнѣ шакже очень пріятно слышашъ опзывы, подобные вашимъ. Все это, милая, дѣлаешъ вамъ честь обвймъ.“

На счетъ обѣдни ни хозяйка, ни дѣвушка совершенно не понимали другъ друга; но какъ ближайшее объясненіе не было необходимо, то первая осталась при своихъ мысляхъ, а вторая еще болѣе пошупила взоръ свой.

„Гдѣ живешъ эта госпожа Вильц... цого... докобремъ? Я никогда не буду въ

сосшоюнім выговорить эшо имя, и никогда не случалось мнѣ слышать его; но шеперь сполько магазинщицъ! Она вѣрно поргуешъ въ улицъ Муфешаръ или въ Шаронскомъ предмѣстїи?“

„Извините, сударыня, она живешъ въ Бреславль, въ Силезїи, на площади главнаго рынка. Эшо самый лучший магазинъ Французскихъ модъ.“

„Боже мой! Докшоръ, пособице мнѣ пожалуйте! Чшо эшо за Бреславль и Силезїя? Не новыя ли предмѣстїя въ Парижѣ? Такъ, нынче много спрояшъ!“

„Силезїя Прусская провинція, кошорая прежде принадлежала Австрїи; она заключаешся между Польшею, Саксонїей, Богемїей и Венгрїей. Эшо прелестный край, богатый какъ Фландрїя, веселый какъ Турская обласшь; Бреславль главный городъ ея; онь больше и лучше, нежели Орлеанъ; ошсуда по крайней мѣрѣ шрмеша миль.“

Сказавъ эшо, Докшоръ принялся покойно за свое чшенїе, а хозяйка шрехцвѣшнаго голубя, кошорая нигдѣ никогда не бывала, кромѣ Сень-Клудской ярмарки, нѣскольکو секундъ оспавалась съ полуошверзнымъ ошь изумленїа рномъ. Чашка ея повисла на павцахъ ровно на половинѣ дороги ошь сшуда ко ршу, и по каплѣ вымывался изъ

нея оспальной кофе на блюдечко. „Боже мой, Боже мой!“ вскричала она наконецъ: „шакъ вы издалека, душа моя?“

„За приспа миль опсюда, сударыня?“

„Триспа миль! возможно ли эшо? въ какомъ же дилижансѣ?“

„Я перемѣняла ихъ очень часпо, сударыня.“

„Но, послушайте, послушайте, Докпорь!... Триспа миль! бѣдняжечка! и вы живы, цѣлы, васъ не убили! Съ кѣмъ же ѣхали вы шакую даль? Вѣрно, съ опцемъ, съ машерью, съ брашьями, съ сеспрами, со всей семьей?“

„Одна, сударыня! у меня никого нѣтъ въ свѣщѣ.“

Эши слова произнесла дѣвушка очень прогашельно, шакъ, чшо госпожа Марселень была попрясена въ душѣ; на глазахъ ея невольно навернулись слезы, кошорыхъ сама она не примѣчала; а Докпорь уронилъ газетшы на сшоль, и съ удивленіемъ усстремилъ глазами на дѣвушку.

Привычка молодой дѣвушки наклоняшь голову, когда переспавала она говоришь, и большія поля шляпы ея не дали и Докшору, шакъ же какъ и госпожѣ Марселень, разглядѣшь хорошенько чершы ея; но и онъ былъ чрезвычайно изумленъ ея опмѣвною спрой-

ностію и благородствомъ осанки ея, при всей скромности, съ какою она себя держала. Нѣжный голосокъ ея произвелъ и въ немъ какое-то невольное умиленіе. Впрочемъ никто въ свѣтѣ не былъ менѣ склоненъ къ романтическимъ чувствамъ, какъ Докшоръ Рокевиль: его лысая голова, довольно пухлое лицо и видъ разсѣянности не заключали въ себѣ ничего саншменшальнаго; умъ его никогда ничѣмъ не былъ занятъ, кромѣ изслѣдованія Наукъ точныхъ и идей положительныхъ; но душа его была одарена глубокимъ состраданіемъ къ каждому существу страдающему или несчастному, а снрадный и просподушный опвѣтъ Бреславской дѣвушки очень походилъ на признаніе въ большомъ злополучіи. „А, а!“ вымолвилъ онъ просяжно, и въ промежутокъ этого двойнаго восклицанія успѣлъ включить тяжелый вздохъ.

Госпожа Марселень, умѣла при всей добротѣ своей и не взирая на чувство жалости, возбужденное къ ней не менѣ, какъ и въ Докшорѣ, принудить себя казаться равнодушной, научась по опыту въ своей лавкѣ быть недоувѣрчивой и оспорожной. Помолчавъ съ минушу, она кивнула Докшору и начала опять разговоръ.

„Все, что говорите вы, моя милая,“ сказала она: „шакъ необыкновенно и странно, что нельзя не попросишь у васъ нѣкопрыхъ объясненій, шѣмъ болѣе, что далеко ходишь за справкою къ вашей Бреславской дамѣ. Не правда ли, душенька?“

„Ахъ, конечно, сударыня.“

„Не огорчайтесь же эшимъ, душа моя. Скажише: вы Француженка?“

„Да... сударыня...“

„Зачѣмъ же шакъ дрожаешь? Я право не захочу знашь болѣе того, что вы мнѣ сами скажете... Зачѣмъ оставили вы своихъ родителей? зачѣмъ вы были шакъ далеко? за чѣмъ не оспались вы у госпожи Вильц...кроп...коф...все равно; объясните мнѣ что хорошенько.“

„Объяснишь хорошенько, сударыня... не могу; но скажу вамъ все, что знаю.“ И шущь, не швердымъ голосомъ, дрожащимъ все болѣе и болѣе, молодая дѣвушка разказала крашкую исторію, запинаясь каждый разъ, когда приходилось ей вымолвить я.

„Я была сирота... при рожденіи. Одна дама, вдова, иностранка, жившая въ Парижѣ и желавшая воспитать дѣвочку... не знаю по чему... взяла меня къ себѣ... изъ сиротскаго дома. Она воспитывала меня... какъ мнѣ сказывали, съ большею нѣжностію, но

смерть похишила ее прежде, нежели я была при Schroder... Мне было двѣнадцать лѣтъ, когда ее не стало. Наслѣдники ее, неимѣвшіе причины оказывать мнѣ сколько же великодушія, отдали меня въ ученіе къ швед. Черезъ годъ... я... довольно понаучилась; госпожа Вильцкофбрешцегемъ пріѣхала, въ это время, въ Парижъ по дѣламъ коммерческимъ; ей захопѣлось взять съ собою Француженку моего ремесла. Ей сказали... обо мнѣ, я была представлена, имѣла счастье ей понравиться и повѣхала съ нею въ Бреславль... Съ полгода назадъ она закрыла свой магазинъ. Я могла бы ошасться въ Силезіи, но... ахъ, сударыня! я такъ желала опять увидѣшь Францію!“

„Бѣдняжка! очень натурально, когда увезли малюшкою! И вы повѣхали сюда однѣ? Стало, у васъ были деньги?“

„Да, сударыня... я скопила понемножку. Ёхавши день и ночь и съ большею бережью, мнѣ удалось увидѣшь снова родной мой край.“

„Нѣтъ право, Докшоръ, случилось ли вамъ когда слышать такую исторію?“

„Ахъ, сударыня, повѣрьте, что все это правда; вошь... свидѣтельства, апшесташы... и мой паспортъ... Они могушь...“

*

„Боже мой! Я и не сомнѣваюсь...! Какъ вы дрожите, моя милая!“

И почно, при окончаніи разсказа, голосъ молодой дѣвушки шакъ ослабѣлъ, что едва было ее слышно; а подавая бумаги, она чуть могла пропянуть руку и держашъ ихъ.

„Посмотримъ, посмотримъ, душа моя, чего вы шакъ прусите? Все, что сказано вами, дѣлаешъ вамъ честь и заславляешъ приняшъ въ васъ участіе... Что жъ, ашше-спашы ваши очень хороши... а пашпортъ? Докшоръ, вы читаше по-Нѣмецки; пошрудитесь взглянуть.“

„Въ порядкъ, какъ нельзя лучше. Дѣвица Элиза, провхала черезъ Дрездеиъ, Лейпцигъ, Кассель, Дюссельдорфъ... эшо почши прямая дорога и шеперь самая безопасная, по случаю перемирія на всей линіи по Рейну.“

„Э, э, душенька! что вы держите плашокъ подъ шляпою?... вы плачете... Бѣдняжечка!... О чемъ же?... Посмотрите пожалуйста, Докшоръ, что сдѣлалось съ нею... Я сама шакъ встревожена.“

Добрая госпожа Марселень вспала, одною рукою опшнимала она легонько плашокъ, кошорый дѣвушка прижимала къ глазамъ своимъ; а другою развязывала ленту ея большой шляпы; пошомъ сняла ее и лц-

чико молоденькой дѣвушки являлось на показъ.

Скажешь ли, что она была прекрасна? но прекрасными называютъ черты обыкновенныя, свѣженькое личико, немножко помазливѣе; ишь, эша дѣвушка была образецъ красоты: неподвижныя и покойныя черты лица ея соединяли въ себѣ все, что можно придумать для составленія красоты совершенной; оживясь улыбкою, эшо личико ишьнее, пѣвнишельное, представило бы всю выразительность Грацій; но таково, какъ оно было теперь, окропленное слезами, съ милостивостію, простодушіемъ молодости, оно выражало всю прелесть благородной скорби богини Ніобы. Госпожа Марселень, при всемъ томъ, что женщина и швецъ, слѣдственно хоть немного кокешка, отступила на нѣсколько шаговъ отъ изумленія, и смотря на красавицу, оспалась безмолвна; ее, добродушную женщину, приковалъ къ мѣсту очаровательный взоръ дѣвушки, исполненный благодарности и ишьности невыразимой. Но вдругъ эша милая гостыя схватываетъ руку госпожи Марселень и цѣлуетъ ее съ такою живостію, кошорую трудно исполковать. „Ахъ!“ восклицаетъ она голосомъ, проникающимъ душу: „простите меня! простите меня!“

Въ чемъ же было просишишь впу молоденькую дѣвушку? Не знаю право, приходило ли въ голову госпожи Марселень подумать о томъ, но кажешся нѣтъ, пошому, что она съ наполненными слезъ глазами и безъ всякой причины, кромѣ своего внутренняго движенія, обняла молоденькую дѣвушку, и поцѣловала ее, сама не зная, что дѣлаешь.

Послѣ такихъ объясній, уже невозможно было опровергнуть милую дѣвушку; да и за что жъ? Ничего въ свѣтъ не могло быть прощяе ея исторіи; ничего уважительнаго опважности ея, ничего привлекательнаго всей особы ея. Красота... правда, что красота ея была немножко нехваташи, но развѣ ея вина, что она была слишкомъ хороша для бѣдной сироты? Неужели должно было за то наказашъ ее? Не скорѣе ли надобно было за тѣмъ именно приняшъ ее, чтобы не подвергнушъ тысячь опасностей, кошорыхъ, при ея лѣтахъ, при ея простодушии и предесняхъ, не могла она избѣжашъ. Къ тому же, возвращеніе Павла не было слишкомъ вѣрно; онъ не писалъ о томъ положишельно, и во всякомъ случаѣ прїездъ его будешъ конечно извѣстенъ заранее; до того времени нѣтъ никакой бѣды приняшъ молодую дѣвушку для услугъ въ

лавкъ, и когда она поживешъ, можно еще будешъ поразсудишь и опдашь ее въ другое мѣсто, какъ скоро хошь немного окажешся въ ней легкомыслия и кокетства. Но если судишь о душѣ и умѣ двушки по ея лицу, то никакъ въ свѣтъ не могъ бышь скромнѣе и сепеннѣе.

Эти размышленія, одно за другимъ, мелькнули въ умѣ госпожи Марселень.

„Вы вѣрно еще не завтракали, душа моя?“ — „Благодарю васъ; я очень шоропилась, чшобъ не опоздашь и не заспахъ васъ въ хлопобахъ.“ — „Садитесь-ка... выпейте чашечку кофе... но... что вы шакъ пристальнo на меня смотрите... и что шакъ покраснѣли ошъ моего вопроса?“ „Боже мой! сударыня... я не смѣю сказашъ... Не возможно, чшобъ я прежде имѣла честь когда нибудъ васъ видѣшь; нѣшь двухъ недѣль, какъ я въ Парижѣ и шолько два раза выходила къ господину Робиню. За всѣмъ шѣмъ, ваши чершы кажущся мнѣ знакомыми... и гoдoсь вашъ шакже...“ — „Можешъ бышь я похожа на кого нибудъ изъ вашихъ знакомыхъ.“ — „Ахъ, да, сударыня... вы напоминаете мнѣ чершы знакомыя...“

Двушка покраснѣла еще болѣе и пошупила глаза. Какъ она вообще казалась

очень стыдливою, но и не обратили на это вниманія.

„Вы забыли, моя милая, сказать мнѣ имя той дамы, которая воспитывала васъ до принадлежанія лѣтъ.“ — „Имя ея Розбергъ; оно есть въ свидѣтельствѣ.“ — „Ахъ! да, вошь оно, я проглядела. У кого жъ вы были въ ученѣ, по смерти госпожи Розбергъ?“ — „У госпожи Лебѣвъ, въ магазинъ: *корзинка Флоры*.“ — „Госпожа Лебѣвъ! я ее знаю; это былъ прекрасный магазинъ: госпожа Лебѣвъ продала его; она теперь въ Пикардіи.“

Большая чашка съ золотыми краями, которую дѣвушка въ самую эту минушу подносила ко рту, помѣшала замѣнить, что щеки ея вдругъ поблѣднѣли и пошомъ оная заигралъ на нихъ прежній румянецъ.

„Гдѣ вы теперь живете въ Парижѣ?“ — „У госпожи Роланъ, въ Терезинской улицѣ.“ — „Ну, теперь довольно, душа моя! Напившись кофе, пойдите домой и соберитесь ко мнѣ совсѣмъ, . . . Черезъ два часа вамъ можно ворошиться . . . Ахъ, я и забыла: все еще вертѣлись у меня въ головѣ, что вы мнѣ рассказывали. Въспомню условія; я ничего не могу въ нихъ перемѣнить. Столь—вмѣстѣ со мною; квартира, бѣлье будущъ на васъ мышь — больше ничего. Жалованья

присла франковъ; когда естъ работа къ спѣху, случаются и еще маленькія выгоды. Впрочемъ никакихъ преимуществъ: вы будете во всемъ наравнѣ съ дѣвицей Розой; со двора опускашь васъ буду разъ въ двѣ недѣли, и я должна всегда знать, куда вы идете. Согласны ли вы?“

„Очень согласна, сударыня; согласна на все, и если вы позволите, я буду выходитьъ только съ вами.“

„Очень рада! очень рада! вошь и все, душа моя... Васъ зовушь Элизой... Роза!“

„Что прикажете, сударыня?“

„Вошь вамъ подруга; я надѣюсь, мои милыя, что вы точно будете между собою друзьями.“

Роза закусила себѣ губы, и поклонилась сухо. Новая знакомка ошвѣчала ей самымъ привѣтливымъ поклономъ; потомъ, обращаясь къ шарому Доктору и къ госпожѣ Марселень, она присѣла передъ ними шакъ мило и съ шакимъ благородствомъ, что Докторъ Рокевиль вдругъ поднялся и заплашилъ ей почтительною уклонкою, а госпожа Марселень совсѣмъ забыла, что видишь передъ собою только свою новую прислужницу, и проводила ее до дверей шакъ вѣжливо, какъ бы кого-либо изъ самыхъ знатныхъ посѣщительницъ своего магазина.

„Какъ церемонно!“ ворчала про себя Роза. „Скажише, сударыня, откуда явилась эта госпожа? Я не видывала ея ни въ какомъ магазинѣ.“

„Въ самомъ дѣлѣ? очень вѣрю, моя милая! Совѣтую вамъ обходиться съ нею всегда почтительно.“

„Ахъ, Боже мой!... Будьте покойны, сударыня, какъ ея не почтять! Она сморитъ, какъ Принцесса. Это вѣрно какая нибудь знатная барышня.“

„Роза, нельзя ли уволить ошь такихъ замѣчаній! Чшо за умничанье! чшо за характеръ!“

Роза ушла въ лавку, не сказавъ ни слова; шѣмъ не менѣе она умирала ошь зависти, но были кой-какія причины, по которымъ ей не хотѣлось ссориться съ госпожею Марселень.

Я забылъ вамъ сказать, что Розѣ былъ ошь роду двадцать одинъ годъ; чшо хотя ножкой своей и ручкой не могла она похвалиться, великоньки были объ, но за шосманъ ея былъ не дурень и грудь полная и бѣлая; лице же — лице не столько прекрасно, какъ приманчиво рѣзкими чертами и ошмѣнною свѣжешью, кошорая даже могла прослыть за красошу. Большіе черные глаза, очень дивные, украшались царою бровей,

гусныхъ и ровныхъ, кошорые придавали много выразишельности ея взгляду, но подчасъ и пугали, когда ей случалось бытъ сердитой. Только этого никогда не случилось до ошъзда Павла Марселеня. За шо, зубы ея были бѣлы, какъ снѣгъ, и всѣ эти маленькія женскія преимущества умѣла она еще возвышать, одѣваясь съ большимъ вкусомъ, причемъ конечно и кокетство не было чуждо. Въ цѣломъ, дѣвица Роза была хорошенькая брюнетка, умѣвшая бойкой фигуркѣ своей придавать много пріятнаго, когда представлялася случай, стоящій шо-го, чшобъ немножко пошрашиться любезностію.

У госпожи Марселень жила она уже три года; съ большимъ искусствомъ умѣла удалитъ, выпроводитъ всякую молоденькую дѣвушку, кошорую давали ей въ поварнщество, никогда не заводила ссоръ и совсѣмъ не показывая виду, чшобъ это было ея дѣло. Да она была дѣвушка очень смышленная. и года съ полшора выдерживала характеръ веселый, привѣшливый, милый, словомъ самый драгоцѣнный; но послѣ, въ другіе полшора года, и именно съ ошъзда Павла Марселеня въ армію, спали замѣчашъ въ ней нѣкошорыя ошсупленія; кой-какіе недосшашки проскользывали, прошивъ ея

воли, и хиурые, косые взгляды, а иногда и сердишые, доказали на ней, что недовольно имѣеть хорошенькое личико, чшобъ всегда нравиться. Это замѣчаніе можно примѣнить ко многимъ молодымъ дѣвушкамъ, даже такимъ, которыя предестинѣ Розы.

И такъ Роза имѣла шайную причину прикусить себѣ губы и скрыть досаду свою. Не желая ничего скрывать отъ васъ, я скажу, что ея шайная причина и, думаю, достаточная, хотя и несовсѣмъ законная, была та, что Павелъ часенько засмапривался на ея шоненькій спанъ; что онъ мѣрилъ его иногда своими пальцами; что несравненно чаще, междудѣльемъ, вглядывался онъ въ ея черные, живые, большіе глаза, которые дѣлались шомными, и что даже, надобно все высказать, за дверью гоешпиной, немножко шемновашой, уста его нерѣдко прижимались къ розовымъ ушамъ, которыя пакъ хорошо выказывали бѣлые зубки, манящіе любовь. Все это давало Розѣ нѣкоторыя права, и она ими очень дорожила; и еще болѣе подавало ей надежды, шеперь, когда со дня на день возрастало ожиданіе, что Павелъ, дослужившійся до Канишана, воспользуется временемъ перемирія и получитъ отпускъ въ Парижъ — шеперь конечно! если съ одной стороны ешествен-

но было, чтобы игры и смѣхи снова появились на румяныхъ щечкахъ дѣвицы Розы, пѣсь другой очнь просишительно, что внезапное прибытіе новой прислужницы возбуждало въ ней немножко досады. Не всегда найдешь такого возлюбленнаго, каковъ былъ Павелъ, и никогда сполько опасная для него соперница не представлялась для прислугъ въ лавкѣ. Какая же, спрашиваю, дѣвушка, двадцати одного года, съ черными глазками, съ личикомъ свѣжимъ и шонкимъ станомъ, именно въ такихъ обстоятельствахъ, какъ была Роза, не почувствовала бы такой же досады или умѣла бы лучше скрыть свое горе?

„Послушайте, Докшоръ,“ сказала госпожа Марселень, входя назадъ въ гостиную: „не пошоропилась ли я? не слишкомъ ли испѣшила принять эту молоденькую дѣвушку? Признаюсь вамъ, другъ мой, что она не дала мнѣ времени хорошенько подумать: слишкомъ овладѣла сердцемъ моимъ на счетъ разсудка. Скажите, видали ли когонибудь прелестнѣе?“

„Думаю, что нѣтъ; по крайней мѣрѣ не могу припомнить.“

„Я желала бы, любезный другъ, чтобы вы потрудились зайти на минуту къ эшой амъ Роданъ, въ Терезинскую улицу.“

„Съ большимъ удовольствіемъ. Конечно ошорожнось ни въ какомъ случаѣ не ишаешь, но я не знаю, почему-шо мнѣ кажешся напередъ, что вы ничего не услышите о ней дурнаго.“

„Вамъ кажешся пошому, господинъ Докшоръ, что она прекрасна, а вы мужчина.“

„Едва ли когда приходшся мнѣ вспоминашь, что я мужчина, и пошому совствѣ не ошждалъ шакого упрека,“ ошвѣчалъ, смѣячись Докшоръ, и шогда же, очень нѣжно пожаалъ руку доброй сосѣдки. Уже болѣе десяти лѣтъ не замѣчалъ онъ въ себѣ шакой нѣжности, почему и самъ изумился ей.

„Пойду, одѣнусь,“ поспѣшилъ онъ прибавишь: „и въ шочности исполню порученіе ваше.“

Ровно въ двѣнадцать часовъ явилась новая дѣвица для прислугъ къ госпожѣ Марселень, съ небольшими своими пожитками. Гардеробъ ея былъ не великъ: одно бѣленое плашьице и сполько бѣльа, сколько мѣсть помѣстшшся въ сакешкѣ, связанно чешырьми концами. Все это порядочно свернушо, уложено и заперто въ коробкѣ, и сколько болѣе обыкновенной, кошорую не подъ мышкою маленькій Савояръ. Свернутого въ носовомъ плашкѣ — женщины ум

юшь прятать въ носовой плашокъ всякую всячину, завернушь у нея былъ небольшой сафьянный бумажникъ, заключавшій въ себѣ все ея богатство, именно три ассигнаціи, въ пятьдесятъ су каждая, что по тогдашнему упадку ассигнацій, составляло не болѣе пяти съ половиною децимовъ. Тогда былъ уже шомъ часъ, въ который покупщики шолпами валили въ лавку прехцвѣшнаго голубя, почему пришелицу шомъ часъ заняли дѣломъ: помѣстивъ ее подлѣ Розы, и давъ ей въ руки аршинъ, сказали ей: „Служи, будь вѣжлива, внимательна, предупредительна; все слушай, на все ошвѣчай, все исполняй; чшобъ улыбка не сходила съ устъ швоихъ, все дѣлай вѣсело, расшоротно и съ готовностію. Это лучший способъ заманивать въ лавку покупателей.“ Для эшихъ правилъ гшповъ былъ и примѣръ, въ дѣвицѣ Розѣ: она ошвѣчала на десять вопросовъ вдругъ съ удивительною ловкостію; казалось, угадывала желанія, вкусъ, прихоти покупателей, различныя мелчныя ихъ надобности; всѣмъ служила она съ шакою расшоротностію, что какъ будшо разрывалась и была вдругъ во всѣхъ концахъ магазина.

Хозяйка прехцвѣшнаго голубя была, съ своей шпороны, не менѣе внимательна, лас-

кова; съ улыбкой на устахъ и съ деньгами на ладони, она принимала, сдавала, расчищывалась и не ошибалась даже въ саншмъ, какъ бы ни были мелочны дробы, и все эшо какъ будшо совсѣмъ о шомъ не помышляя, а напрошивъ, спрашивая въ шо же время о здоровьѣ родшвенниковъ, дѣшей и друзей и всегда впопадъ, безъ ошибки, шочно будшо бы всѣ лица въ Парижъ и въ его окрешносшяхъ были врѣзаны въ ея памяши. При шомъ не забывала она дѣлашь привѣшпливую уклонку каждому входящему и выходящему, съ обшкновенною поговоркою: „здѣсь все изволише найши за сходную цѣну; ошпанешесъ нами довольны.“ Дѣвица Элиза, не безъ смущенія бросила взглядъ на хозяйку, кошорая ободрила ее улыбкою; и на Розу, кошорая по движенію гордосши и зависши и боясь, чшобъ ее не перешеголяли, удвоила свое спараніе всѣмъ угождать и всѣмъ нравшсья. Ахъ, она боялась напрасно! Въ лавкѣ набралось уже до двадцати особъ, кошорымъ надобно было служшсь всѣмъ вдругъ. Элиза принялась подражать двумъ ошличнѣйшымъ образцамъ своимъ.

„Послушайте, мамзелъ: опрѣжьте мнѣ два аршина лешъ bouton d'or; смъръше поскорѣе, я очень шороплюсь. — Мамзелъ! при чешверши аршина широкато шюля, да до-

скорѣе: мужъ дожидается меня въ каретѣ — Мамзель, перкалю! покажите мнѣ шрехъ соршовъ. — Мамзель, Гренобльскихъ перчашокъ; пожалуйста самыхъ шонкихъ; посмотрише мою руку, помѣрьше. — Мамзель, шесть аршинъ сипцу, вонъ эшого, вонъ эшого, съ большими цвѣшами. — Мамзель, поди сюда. — Мамзель, вѣдь я вамъ первая приказывала. — Чшо жъ вы дѣлаете, мамзель? вы мнѣ дали шесть аршинъ зеленыхъ леншъ, я просила шолько два и не эшого цвѣша. — Оспорожнѣе, ассигнація упала; вы мнѣ дали шолькодесять су! — Сколько мнѣ нужно аршинъ для плашья à l'enfant; мнѣ хочешся съ опкрышой шей, безъ рукавовъ; я не велика ростомъ и очень шонка; посмотрише, мамзель. — Да послушайте же, мамзель!...

Бѣдная мамзель не знала, кого слушать, не знала кому ошвѣчать; она оробѣла, видя шолько людей; вопросы почти оглушили ее; она все перемѣшала, все перевернула, сама не знала что дѣлаешъ; подала тюлю дамъ, кошорая просила перкалю; салфетки шой, кошорая хошѣла леншъ, и чепецъ à la Fançon поднесла высокому франшу, кошорый просилъ Гренобльскихъ перчашокъ; она мѣрила, не считая, ошибалась, начинала снова, хошѣла говорить со всѣми и ни кому не ошвѣчала; покраснѣвъ до ушей и

не помня сама себя, она минушь десять оставалась въ бездѣйствіи. „Боже мой!“ сказала она печально, и слезы навернулись на глазахъ ея: „прошу васъ, дайше мнѣ время опомнишься, я все перезабыла, чего вы шребуеша.“ — „Эшо совсѣмъ неопытная дѣвушка!“ закричали шумъ со всѣхъ споронъ. „Она вѣрно совсѣмъ не занималась еще своимъ дѣломъ. Она не умѣешь ни мѣрять, ни счишашъ. Какъ эшо неприяшно, имѣшь дѣло съ такими несвѣдущими. Пожалуйша, Роза, вопъ чшо мнѣ надобно. Вамъ, госпожа Марселень, надобно было бы выбиратьъ себѣ знающихъ дѣвушекъ.“ — „Увѣрю васъ, чшо я думала... право шакъ... она мнѣ сама сказала... Какъ можно шакъ ошибиться... Я въ опчаяніи... Роза, пожалуйша служи шы всѣмъ.“

Роза бросила на несчастную Элизу презрительный взглядъ, за кошорымъ послѣдовала улыбка шоржештва; она вырвала аршинъ изъ рукъ ея, сказавъ: „садишесь на мѣсто; вы не въ сосшояніи...“ Элиза смушилась и зашрепешала; она сповла еще у коншорки, одною рукою опершись на нее.

„Однако вы прелестны какъ ангель, кланусь чесшію,“ сказалъ ей франшь, каршавя и поднимая галспухъ до верхней губы: „пусшь эши злые языки говорашъ, чшо

угодно, а мнѣ хочется непременно изъ вашихъ прекрасныхъ ручекъ получить Гренобльскія перчатки; ну, право, ручки ваши — прелесть!“ И Франшъ, въ слѣдъ за эшимъ прищорнымъ комплиментомъ, взялъ очень свободно руку Элизы, дѣйствительно прекрасную. „Оспавъше меня! оспавъше меня, сударь!“ вскричала дѣвушка съ живостью, покраснѣвъ еще болѣе и пришедъ въ шакое смущеніе, что не смѣла поднять глазъ.

Тутъ госпожа Марселень уже не выдержала; ея нервныя испощилось. До того времени она щолько немножко кусала себя губы, и не хошѣла дать полнаго приумфа Розъ, кошорая безъ того не могла скрывать своей радости. Но, теперь, замѣшивъ невѣжливостъ дѣвушки передъ молодымъ франшомъ, хозяйка шрещвъшнаго голубя съ досадею произнесла въ полголоса: „глупенькая! дикарка!“ и обойдя вокругъ магазина, взяла Элизу за руку; пошомъ, гоня ее шихонько въ заднюю комнату, сказала: „Видно ваша госпожа Вилькокребрезень имѣла дѣло щолько съ волками, и вашъ городъ Бреславль хуже какой-нибудь Лимузенской деревушки, что вы шакъ неловки и неучивы; оспавайшесь шамъ, мамзель, и не приходише въ лавку. „Съ эшими словами, хозяйка, впрочемъ очень добрая женщина, почши вшолк-

нула бѣдную мамзель, споль благородную по виду и осанкѣ, въ небольшую шемновашую госшиную; попомъ заперла за нею дверь, и съ улыбкою на лицѣ, какъ ни въ чемъ не бывала, возвратилась на свое мѣсто, чшобы снова начашь свои услуги приходящимъ. „Надобно прогнать эту дѣвушку!“ говорила она въ самой себѣ, удерживая вздохъ: „жаль! она было мнѣ понравилась.“— „Теперь я навѣрное ошдѣлалась ошъ этой выскочки съ дворянскими ухватками и съ видомъ Принцессы,“ говорила въ самой себѣ Роза, съ блистающимъ радостію лицомъ: „Я очень рада, что успѣла скрышь, какъ она мнѣ не нравится; по крайней мѣрѣ не въ чемъ упрекать меня.“

Продажа продолжалась очень живо до чешырехъ часовъ. Никогда Роза не бывала такъ любезна, такъ расшоропна, такъ внимательна. „Какая славная у васъ дѣвица для прислугъ!“ говорили покупщицы госпожѣ Марселень, при расчешахъ съ нею. „Я иногда ею довольна“ ошвѣчала ша сухо и ошрывисто, не усиливая похвалы ласковымъ взглядомъ. Госпожа Марселень была нѣкоторымъ образомъ разсержена, унижена паденіемъ своей любимицы, и шоржествомъ Розы. Малеккїя спрасши чешовѣческїя! Гдѣ васъ нѣшь! госшинныя, какъ и магазины,

управляюшся не иными бездѣлушками! Нѣкто, великій Миниспръ, сказалъ, что сердце человеческое подобно колодецу въ пустыняхъ Америки, на днѣ котораго скрывается крокодилъ. Эшо меня напугало. Я старался заглядывать въ сердца сосѣдей своихъ, старался заглядывать въ сердца сосѣдокъ, и никогда не видалъ тамъ ничего, кромѣ гремушекъ, копорыхъ шумъ опзывается немного пустошю. Мое опкрышье, по несчастію, не ешь романшическое, почему ему нельзя ожидать успѣха.

Когда поуменьшилась полна въ лавкѣ, и покупщики спали являшся по одному, по два, слѣдственно, въ сравненіи съ прежнему свалкою, ничего не значило, удовольствовашь ихъ вполне, госпожа Марселень, жестоко огорченная и шѣмъ болѣе страдавшая, что старалась скрыть свою досаду, почувствовавала необходимость хоть сколько нибудь ушѣишья и опдохнуть, для чего и вышла въ небольшую темновашую гостиную. Она не бросила ни одного взгляду на бѣдную Элизу, не сказала ей ни слова — хотя именно для шого и ожидалась большимъ неперпвнемъ шой минушны; когда можно будешь выйши изъ лавки, и не премѣино хотѣла помышъ хорошенько голову своей новой прислужницѣ. Прежде

всего поправила она подсвѣчники на каминѣ, копоры стояли непорядочно; попомъ прясавила къ сѣбѣ шулья, изъ копорыхъ ни одинъ не былъ посшавленъ на свое мѣсто; попомъ кашлянула она раза два, при, шодвинула въ уголь круглый шполь. „Извольше думашь,“ говорила она въ самой, себѣ съ безпрерывно возрасшащею досадою: „вѣдь эша дурочка не хочешь даже пособишь мнѣ привесши въ порядокъ горницу, не хочешь двшинуся съ мѣста! Куда какая знашная барыня! Не умьшь смѣрять аршина леншь! Разсердишься на молодого человека, на вершопраха, за шо, что прикоснулся къ ея пальчикамъ!... Она споишь себѣ въ углу и горя мало: не скажешь ни словечка, какъ будшо бы я должна у нея просишь извиненія. Нѣшь, эшо ужь слишкомъ! Тушь недошанешь никакого шерпнія!“

Госпожа Марселень съла прошивъ шого шула, на копоромъ сидѣла безмолвно и неподвижно молодая дѣвушка, съ пошупленными глазами и съ бѣлымъ плашкомъ въ рукахъ. Эши былъ самый шемный уголь въ комнашѣ, шакъ, что днемъ едва можно было видѣшь чершы лица; сюда, впрочемъ безъ намѣренія, шодкнула госпожа Марселень Элизу, когда вывела-ее изъ лавки нѣсколко жестшожимъ образомъ, и съ шѣхъ-шо порѣ,

около прехъ часовъ, Элиза не двинулась съ мѣста и не перемѣнила положенія. „Эшо какой-шо опрубокъ, чурбанъ,“ думала госпожа Марселень: „наспоящая кукла, чшобъ шолько поспавишь за стекло. Нѣшь, надбно съ жею разспашься, надбно прогнашь ее... Послушайше, сударыня!“ вскричала она наконецъ такимъ тономъ, который прошивъ воли выражалъ всю ея досаду, и какой обыкновенно бываетъ предвѣстїемъ сильной бури: „послушайше, сударыня, съ чего вздумалось вамъ увѣряшь меня, что вы были воспитанницею госпожи Лебефъ, и что вы чешыре года служили въ больномъ магазинѣ — эшо право непоняшно — эшо, право, спранно...“

Буря спала упихашь, вѣшерь перемѣнился, и хоня глухо опзывалась еще гроза во глубинѣ раздраженной души госпожи Марселень, но едва ей самой было эшо слышно. Голосъ ея совершенно измѣнился въ шонѣ и выраженїи, и она заключила рѣчь свою бормоцаньемъ: „Вы сами должны знашь... и чувешвовашь... душа моя... ну, посмошримъ, посмошримъ, поговоримъ немного.“ Опъ чего же произошла эша внезапная переиьна?

Съ первыхъ словъ: послушайше, сударыня, произнесенныхъ госпожею Марселень

громкимъ голосомъ и съ видомъ суровымъ, Эдиза поднялась и подошла на нѣсколько шаговъ. Свѣшъ, проходящій изъ лавки черезъ стеклянную дверь, завѣшенную шапшою, упалъ на лице ея: оно было все въ слезахъ. Тогда-то голосъ госпожи Марселенъ понизился цѣлымъ тономъ; впрочемъ она все-таки продолжала, какъ вы видите. Молодая дѣвушка подняла глаза; взоръ ея устремился на господу Марселенъ, съ умилениемъ, съ раскаяніемъ, съ горестію, какихъ я не умѣю описать; глаза ея были прекраснѣйшіе въ свѣшъ: мужчину лишили бы они разсудка, господу Марселенъ лишили шолько бодрости, но ужъ бодрость оставила ее совершенно. И если шощъ же часъ не взяла она ее за руку, чшобъ, вмѣсто брани, успокоить и приласкать, это единственно потому, что ея самолюбіе было слишкомъ оскорблено передъ дѣвицею Розою, и потому, что не могла найтись она вдругъ, какимъ образомъ согласишь обязанности госпожи въ пользу своего заведенія съ наклонностію своего сердца.

„Ну, милочка... обопри же свои слезы.... Ахъ, Боже мой, весь плащокъ измокъ!“

„Эшо ничего, сударыня: я много продила ихъ въ своей жизни. Прошу васъ“

только просишь меня, извинишь! я была так смущена!... я... я не имѣла... не имѣла привычки служить въ магазинъ... Но я привыкну, сударыня: увѣрю васъ, что заслужу эту благосклонность, которую вы мнѣ оказываете; ахъ, не опсыдайте меня, я не найду никого, кто бы вамъ былъ подобенъ. Если вамъ угодно, сударыня, я не буду получать ничего, пока не сдѣлаюсь вамъ столько же полезною, какъ дѣвица Роза.“

Госпожа Марселень повернулась поспѣшнѣе къ камину, и опять стала переставлять подсвѣчники; ей не хотѣлось, чтобы ея прислужница видѣла слезы, наврунувшіяся у нея на глазахъ. Черезъ минушу она опять обернулась къ ней съ усмѣшкою на лицѣ. „Накрывайте на столъ, душа моя; сегодня ваша очередь; завтра будетъ Роза.“ — „Я буду накрывать каждый день, сударыня; дѣвица Роза вамъ полезна въ лавкѣ.“ „О нѣтъ... я не хочу. Ну, тамъ посмотримъ... Постойте... эгошь столъ слишкомъ тяжелъ для васъ.“ Госпожа Марселень позвонила, вошла дородная служанка. „Жанеша, помоги накрывать на столъ...“

Герой романа:

Чишашель! помните ли вы маленького семилѣшняго мальчика, черноглазаго, краснощекаго, съ Греческимъ носикомъ, рѣзваго и упрямаго, какъ амуръ, шого, кошорый заставлялъ гоняшься за собою всѣхъ женщинъ старой Баронши въ паркѣ Фруадмануарскомъ; кошорый не хотѣлъ поцѣловашъ Клопильды, попому что она была очень мала, когда появилась на свѣсь, а предоставилъ себѣ поцѣловашъ ее послѣ; кошорый, послѣ крестинъ, увхалъ съ Докшоромъ Рокевилемъ, философомъ, оригиналомъ и филантропомъ? Вы помните, что эпошъ маленькій шалунъ, кошорымъ шакъ восхищалась госпожа Куавель, въ свои счастливые дни, назывался Павломъ Марееленемъ; что онъ былъ сынъ, единственнѣйшій и любимый сынъ милой и любезной швей, жившей въ Сень-Денисской улицѣ; что будучи воспитанъ сообразно духу времени, то ешь какъ молодой патриотъ, какъ гордый республиканецъ, онъ вступилъ подъ знамя прехцвѣнное, чшобъ сражашъ съ Пруссаками и Ганноверцами, забывъ для славы прелестные черные глазки дѣвицы Розы и ея коралловыя уша, кошорыя раза два, при цѣловалъ за дверью, и пожершво-

вавь опечешву ласками и слезами нѣжнѣйшей своей машери?... Вы помните? Я очень радъ. Изъ всѣхъ лицъ, кошорыя мы видѣли мимоходомъ, это одно оспавалось немного забышо. Но зачѣмъ забывашь! Павелъ намъ хорошій пріятель.

Осправясь просшымъ солдашомъ, по призыву закона и опечешва, Павелъ Марселень былъ уже шеперь Капишаномъ, а Капишаномъ сдѣлался онъ пошому, что былъ храбръ, исполненъ рвенія, смышленъ и всегда первый шелъ въ огонь: желаю шого же всякому изъ молодыхъ моихъ чипашелей. Но его добрыя качешва не ограничивались только храбросшью и способносшями воинскими. Живосшь разсудка, просшосердечіе, рѣшительность характера и вмѣстѣ крошосшь и чувсшвительность, какія оказывались въ семилѣшнемъ мальчикѣ, ни мало не уменьшились, а развились еще болѣе. Прекрасныя черпшы лица его сдѣлались еще прекраснѣе, правильнѣе, выразишельнѣе; словомъ, семилѣшній мальчикъ, хорошенькій и удалой, сдѣлался шеперь мужчиною двадцати пяти лѣшъ, кошораго взоръ блиснналъ огнемъ славы и любви, кошораго улыбка выражала и нѣжносшь и ошроуміе, и кошорому военный нарядъ придавалъ еще болѣе наружной красоты, обрисовывая гибкій и спройный спашъ.

Павель, по необходимости, былъ свидѣтелемъ шѣхъ кровавыхъ позорищъ, кошорыми, къ несчастію, съ перваго шага, обозначился бурливый ходъ революціи, и кошорыя, запечатавшись надолго въ памяти людей, набросила шѣни ужаса и омерзѣнія на умы высокіе и добродѣтельные, начавшіе неизбѣжную реформу, но немогшіе оспановишь крайностей. Слишкомъ молодъ, чпобъ ипши однимъ пушемъ съ людьми благоторазумными, слишкомъ рачительно воспишанъ, чпобъ впастъ въ заблужденіе съ мялнежниками, Павель не принималъ ни въ чемъ участія, ни въ дни шоржества, ни во дни печали. Опъ Докшора пользуясь совѣщомъ, опъ мапери, въ кошорой видѣлъ для себя превосходный примѣръ, наслѣдововъ чувства крошости и человѣколюбія, онъ пріобрѣлъ опъ перваго разсудительность основательную, а опъ второй научился гнушаться насиліемъ и пресшупленіемъ. Сердце его было шакъже чисто, какъ и руки; ешественно, чпю напишался онъ мнѣніями той эпохи, въ кошорую образовались умшвенныя его понятія; но восхищаясь мудростію и добродѣтелью Бальи, онъ шрепешалъ опъ ужаса и сшуда при кровавыхъ сашурналіяхъ девяноста шрехъ палачей; наконецъ слава зажгла всю его душу; честь

народная, повсюду посрамлявшаяся, удалась под знамена: онъ это видѣлъ и съ радостію самъ полетѣлъ къ нимъ.

Онъ былъ Капипаномъ въ корпусъ Масскихъ стрѣлковъ, полкъ его составлялъ тогда часть Сѣверной арміи. Когда заключено было перемиріе 29 Января, Австрійская армія заняла кварширы на правомъ берегу Рейна, а Французская на лѣвомъ, замыкаясь, въ одномъ направленіи Масаомъ и Мозелемъ, а въ другомъ просягиваясь до самаго Спразбурга. Въ сихъ различныхъ военныхъ позиціяхъ Павелъ стоялъ со своимъ полкомъ между Юлихомъ, Дюссельдорфомъ и Кобленцомъ, въ окрестностяхъ городка Нейсса, на нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ отъ главной кварширы Генерала Бернонвиля, и не болѣе какъ на четверть мили отъ аванпостовъ Австрійскихъ.

Три арміи составляли Французскую линію на Рейнъ. Армія Самбры и Маса, предводимая Генераломъ Журданомъ, подъ командою котораго находились Клеберъ, Марсо, Бернадошъ (нынѣ Король Шведскій) Лефевръ, Гренье и Шампоне. Армія Рейна и Мозеля, подъ предводительствомъ Моро, командовавшаго Генералами Дезе, Дельма, Сень-Сиромъ, Сень-Сюзанемъ и Лекурбомъ; и армія Сѣверная, подъ начальствомъ Бер-

нонвдлн, у кошораго находллся н полкъ Павла.

Австрійская лннїа, для наблюденїа нашей, состояла изъ двухъ большихъ дивизїй: Нижне-Рейнской, простиравшейся далѣе Дюссельдорфа, подъ командою Принца Карла, и Верхне-Рейнской, подъ начальствомъ сшараго Фельдмаршала Вурмзера.

Такъ расположены были обѣ арміи въ Апрель 1796, по случаю перемирїа, ушверженнаго 29 Января. (*) Теашрь настоящей войны былъ тогда въ Испанїи; шамъ Бонапарше, дошолъ предвозвѣстившїй шолько о шаланшахъ своихъ, начиналъ свое воинское поприще чудесами. Чернь пшпалась уже надеждами, что мечъ его упрочитъ свободу Франціи, но люди прозорливые вскорѣ увидѣли, что онъ обратншся въ скипетръ въ его желѣзной рукѣ.

И шакъ на всемъ пространствѣ Рейнскихъ береговъ было водворено спокойшвіе; громъ пушекъ умолкъ; начались веселосши и шанцы; полковая музыка, вмѣсто маршей, зовущихъ на сраженїе, играла шолько серенады красавицамъ. Всѣ деревенскїа дѣвушки чисшенько умывали въ ручѣь руки и лица

(*) Эшо перемирїе продолжалосъ до Іюня, шо есть болѣе чешырехъ мѣсяцевъ.

свои, немного загорѣлыя, но румяныя, какъ персикъ, и одѣвались въ лучшенскія праздничныя плащя, чшобы прилично явиться на рынкѣ съ масломъ и свѣжими лицами. Во всѣхъ городахъ, на шомъ и на другомъ берегу, офицеры, сообразно съ званіемъ и доспашкомъ каждаго, давали пирушки, балы, концершы, на кошорыхъ съ радосшію являлись молодыя красавицы, увѣчанныя цвѣтами. Дѣвицы восхищались, плѣнялись, очаровывались; маменьки хлопошали и выбивались изъ силъ; мужья досадовали; влюбленные проклинали, въ бѣшенствѣ, и Терпсихору и Беллону; гордые сыны Марса, опважные, заманчивые, непреодолимые, пожинали розы, посѣянные любовью и наслажденіемъ; а философы, кошорые лучше всего умѣюшь предвидѣшь послѣдствія, наблюдая причины, соображали вздохи мужей, круги вальсовъ, умильные взгляды красавицъ, и говорили: весьма справедливо, полезно и необходимо, чшобъ разрушительная война возвратила сама собою то, чего она стоишь. Всегда философы ищущъ хорошей стороны вещей, и уже конечно не ихъ вина, если бываютъ шакія, изъ кошорыхъ ни мудросшь человѣческая, ни самая природа не могушь извлечь ничего полезнаго: да будущъ онѣ прокляшы!

Вамъ извѣстно, читатель, что офицеры двухъ непріятельскихъ армій бывають врагами только на полѣ битвы когда же замолкъ шумъ оружія, они, помня, что всякой изъ нихъ человекъ, сходясь, обнимаюся дружески, дѣлаюся брашьями, и пьюшъ изъ одного бокала, пошому что уважаюшъ другъ друга взаимно.

Солдаты двухъ армій, видавшіеся близко на полѣ сраженія, переглядывались съ одного берега Рейна на другой, разговаривали знаками, забавлялась шушками, не совсѣмъ скромными, копорыя обыкновенно оканчивались громкимъ хохотомъ, а пошомъ пили за здоровье другъ друга. Молодые же офицеры, смѣняясь въ одни и тѣ же часы съ пошовъ, находящихя въ близкомъ разстояніи между собою, раскланивались, разговаривали дружески и, если позволяло мѣсто, подчивали другъ друга рюмкою вина, выпивая съ желаніемъ скорѣйшаго мира и взаимнаго дружества націй. Мало по-малу такія сходки сшали дѣлаться чаще; въ такихъ связяхъ было что-то заманчивое, по самой ихъ спранности; между нѣкопорыми офицерами завязалась искренняя дружба, и перемиріе, продолжаясь, давало возрасташъ симъ дружескимъ связямъ, основаннымъ, по-нши можно сказаць, на оспрѣѣ меча. ●

Повсюду человекъ военный весель, любилъ забавы и ходокъ на приключенія. Празднoшь заспавляешь пользовашься всякимъ случаемъ или даже выискивашь и зашъвашь что-либо, могущее занять его дъвѣшальность, кошорая обратилась въ сшихію жизни его. Нъкошорые изъ молодыхъ Французскихъ офицеровъ, всегда гошовыхъ лешъшь къ удовольствію, какъ и на бившу, уже не разъ перескакивали линію, и ходили въ спанъ Австрійцевъ, чшобы повальсировашь съ прелесными Нъмочками, при звукахъ военной музыки Принца Карла. Неменье довѣрчивые къ честности и добросовѣстности своихъ противниковъ, Австрійскіе офицеры шакже приходили танцовать англезъ и Французскій ригодонъ, въ Крефельдъ, Нейсъ и другіе города и деревни, занятыя республиканцами, гдѣ были всегда принимаемы, угощаемы и чествуемы со всею любезностью и добродушіемъ, какія свойственны Французамъ. Съ шой и съ другой стороны восхищались радушіемъ, кошорого обмънъ спановилася чаще и чаще; какая-шо шайншвенность въ сближеніяхъ сего рода, прешшшвія, кошорыми начальники нарочно и весьма благоразумно зашрудняли ихъ, чшобъ не дашь имъ переродиться въ опасное злоупошребленіе, все это увеличивало шолько

самое наслаждение и давало ему большую цену. Всякой зналъ, что такія дружескія сходы, если не запрещающа и не наказывающа, то по крайней мѣрѣ терпимы только по снисходительности, и всякой пѣмъ болѣе дорожилъ ими.

Однажды, послѣ нѣсколькихъ приглашеній и угощеній со стороны Французскихъ офицеровъ, господа Австрійцы вздумали сравняться съ ними или даже превзойти ихъ въ вѣжливости. Они, общими силами, зашѣли большой пиръ для Дюссельдорфскихъ дамъ, и двадцать пригласительныхъ билетовъ послали въ лагерь Генерала Бернвиля для молодыхъ Французскихъ офицеровъ, кошорымъ на сей разъ неумолимыя обязанности военной службы позволяшь удалиться ошъ постовъ ихъ. Въ письмахъ сказано было, что на такое приглашеніе выпрошено согласіе Австрійскаго начальства, что о томъ дано знашь на аванпоспахъ, и что госпи приняты будущъ со всѣми почестями, какихъ они заслуживающъ.

Эти пригласительные билеты, съ подписью людей извѣстныхъ и уважаемыхъ, тотчасъ разошлись по рукамъ въ лагерь окрестностей Нейса. Молодые офицеры переслали одинъ изъ нихъ въ главную квар-

ширу, и умѣли сдѣлать искуснымъ образомъ, что онъ попался на глаза Главнокомандующему. Имъ хотѣлось угадать мысли его, и сообразоваться съ ними въ шомъ, какъ должно поступить. Генераль улыбулся, замѣшивъ хитросць, и видя въ шо же время покорносць офицеровъ. Спряшавъ билешъ въ карманъ и узнавъ подъ рукою, въ чемъ состояло дѣло, онъ роздалъ приказаній болѣе обыкновеннаго, самъ назначилъ многихъ офицеровъ къ разнымъ должносцямъ, именно шѣхъ, кошорымъ онъ не разсудилъ дать свободу, не ожидая, чтообъ они воспользовались ею благоразумно, и шакимъ образомъ, не подавая виду, распорядился, чтообъ не болѣе двѣнадцати человекъ, самыхъ умныхъ и ошпорожныхъ могли располагать собою, а самъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ со своими Адьюшаншами осмашривать ошдаленную часшь линіи. Между шѣмъ Маіору было уже ошъ него предосшавлено дать нѣкошорую свободу шѣмъ изъ офицеровъ, кошорые должны бышь въ караулъ или на дежуршвѣ не ранѣе, какъ на другой день около полудня. Въ эшомъ состояло все позволеніе, какое было нужно. Черезъ часъ по ошѣздѣ его, человекъ двѣнадцать, одинъ за другимъ, пошѣшили Маіора; каждый получилъ ошъ него позволеніе и при шомъ насшавленіе,

*

какого благоразуміе шребовало. Въ шесть часовъ по полудни двѣнадцашъ прекраснѣйшихъ республиканскихъ офицеровъ, изъ окрестностей Нейса и Крефельда, перешли черезъ Дюссельдорфскій мостъ, а въ десять часовъ вечера они танцовали уже съ прелестнѣйшими женщинами города, и пили пуншъ съ офицерами Принца Карла, во славу храбрыхъ всего міра.

Не вздумайте, читатель, осуждать въ семь случаевъ поступокъ Главнокомандующаго одною изъ армій республики; его молчаніе, снисходительность, ловкость, съ какою допускалъ онъ позволяшь сближенія шакого рода, имѣвшія цѣлю только забаву, были можеть бышь, послѣдствіемъ соображенія основательнаго. Когда и есть какое нибудь неудобство въ дружескихъ сношеніяхъ между двумя арміями, долженствующими встрѣшиться враждебно на полѣ брани, то вѣрно не для шакого война, кошорый сражается за свое опечество; ибо если онъ и воспламенишь кого-либо огнемъ, его одушевляющимъ, то конечно въ пользу своего же дѣла.

Дюссельдорфскій балъ не могъ кончиться ранѣе разсвѣта: положено было протанцовашъ всю ночь. Въ самомъ жару танцевъ и удовольствія, одинъ изъ Адьютаншовъ

Принца, принимавшій участіе въ складчинѣ для пиршества, привелъ на балъ и представилъ своимъ поварницамъ двоихъ офицеровъ, копорые только что пріѣхали въ Дюссельдорфъ съ порученіемъ въ главную кварширу, находившуюся тогда въ семь мѣсѣ, и должны были опсправиться назадъ, какъ скоро получашъ опвѣщны, копорыхъ велѣно имъ было дожидаться. Эти два офицера, привезшіе и къ нему письма опъ одного пріятеля, копорый рекомендовалъ ихъ ему и просилъ обласкаться, были также Французы, но не республиканцы; напрошивъ, они были эмигранты, принадлежали къ арміи Принца Конде, и пріѣхали опъ начальника своего, изъявивъ сожалѣніе, что на Рейнѣ совершенно прекрашились враждебныя дѣйствія.

Адьютантъ, желая сколько можно больше, въ угожденіе своему другу, доставивъ удовольствія рекомендованнымъ опъ него офицерамъ, не придумалъ ничего лучшаго, какъ повести ихъ на балъ, гдѣ должно было собраться все самое пріятнѣйшее общество. Такимъ образомъ, не размысливъ хорошенько, сдѣлалъ онъ величайшее дурачество: это было пошчасъ замѣчено большею частію Австрійскихъ офицеровъ, и привело ихъ въ большое смущеніе. Съ одной стороны было весьма неприлично, посещать

вишь лицемъ къ лицу, въ такомъ мѣстѣ, которое посвящено мирнымъ удовольствіямъ и нѣкошорымъ образомъ радушію поварищескому, людей непримиримыхъ по своимъ политическимъ отношеніямъ, запрещающимъ для нихъ всякое подобное сближеніе; съ другой стороны, нельзя же было ошказашъ эмиграншамъ, дворянамъ, за права кошорыхъ проливалась тогда кровь и съ кошорыми хозяева бала спояли подъ однимъ знаменами, въ такомъ же приѣмѣ, ласкахъ и почтительности, какія оказывались просшымъ офицерамъ республики, уважаемымъ только за храбрость. Такой вовсе неожиданный случай привелъ въ спранный и весьма щекошливое положеніе и всѣхъ офицеровъ, и все общесшво. Какъ скоро пробѣжала вѣсь, что явились на балъ эмиграншы въ мундирахъ арміи Принца Конде, все общесшво было изумлено и опечалено. Непременно надлежало ожидать какихъ нибудь непріятностей, или между Авспрійцами и эмиграншами, кошорые могли счишашъ себя обиженными, что ихъ посшавили въ запруднительное положеніе, пошому что имъ неловко было ни удалиться изъ залы, какъ бы уступая плебеямъ и, по ихъ разумѣнію, мяшежникамъ, ни осшавашъся съ ними на балъ, въ уничтоженіе своего корпуса, кошо-

раго были они представителем; или между ними двумя эмигрантами и молодыми республиканцами, которые, пользуясь священными правами гостеприимства, не могли однако позволить ни малѣйшаго оскорбленія своею прехвальною кокардой, которую носили съ восхищеніемъ, и кошкою могущество начинала чувствовать вся Европа.

Хозяйка, видя, что нужно принять какія нибудь мѣры, и опасаясь скорыхъ послѣдствій, велѣла музыкантамъ играть самый прыскій вальсъ; топчасъ молодые люди, и особенно Французскіе офицеры, пустились вертѣться съ молоденькими дамочками; шридашь паръ закружились вихремъ по залу, и между шѣмъ, какъ всѣ госпи любовались легкостію и миловидностію Рейнскихъ красавиць, силою, проворствомъ и ловкостію ихъ кавалеровъ, главнѣйшіе Австрійскіе офицеры собрались въ особой комнашѣ, чтобы пошолковать, что имъ дѣлать. Крайностъ прѣбывала скоратѣ рѣшенія на этомъ совѣтѣ. Предлагаали то и другое, но все казалось неудовлетворительно. Наконецъ представилась счастливая мысль: бѣжать въ ту же минушу къ начальствующему Генераль-Маіору, рассказать ему о безразсудности молодого Адьюшанша, о пред-

споящей опасности, о недоумѣніи Австрійскихъ офицеровъ, желающихъ равно почтись и союзниковъ и гостей своихъ, и просишь его убѣдительно, чшобъ онъ сдѣлалъ одолженіе — опозвалъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, двухъ прѣвзжихъ офицеровъ, и задержалъ ихъ у себя до окончанія бала. Это средство понравилось всѣмъ, и спѣшили его исполнить; но въ то самое время, когда младшій изъ членовъ совѣща, ошраженный къ Генералу, пуснулся къ дверямъ, а другіе бросились къ музыкантамъ, чшобъ засшавишь ихъ продолжашъ вальсъ съ бѣльшею еще быстротою, раздадся вдругъ пронзительный крикъ, и всѣ были имъ остановлены. Судя по ужасному шуму, казалось, что вся зала обрушилась; но еще минуша. и восстановилась глубокая тишина, какъ будто всѣ прѣшла особъ, веселившихся на балѣ сдѣлались нѣмы и неподвижны. Офицеры, сосшавлявшіе между собою совѣщъ, кинулись всѣ бѣжашъ въ залу, и шумъ предшавилось имъ страшное зрѣлище.

Все общество сбилось въ обширный кругъ. По срединѣ, въ пространствѣ довольно большомъ и хорошо округленномъ, какъ бы на мѣстѣ пригошвленномъ для игралица, спояли полукружіемъ одиннадцашъ Французскихъ офицеровъ, съ надѣвшими

шляпами, на кошорыхъ блиспала шрехцвѣшная кокарда; передъ ними, какъ бы глава ихъ или начальникъ, споялъ двѣнадцатый республиканскій офицеръ, пріашнаго и благороднаго лица, съ гнѣвомъ во зорѣ, но съ горделивымъ спокойствіемъ во всѣхъ черсахъ и съ важною осанкою. Въ одной рукѣ держалъ онъ шляпу, лишенную знака, опличающаго революціоннаго солдата; другою рукою указывалъ онъ на сей признакъ обиды, кошорую военная честь не можешь омышь иначе, какъ въ крови. Передъ нимъ, и его поварищами спояли офицеры арміи Принца Конде, оба со шпагами въ рукахъ, оба въ шляпахъ съ бѣлыми кокардами, и одинъ изъ нихъ, младшій, шакже не дурной собою мужчина, но блѣдный и попрысенный бѣшенствомъ, шопшалъ ногою шрехцвѣшную кокарду, сорванную со шляпы двѣнадцатаго республиканскаго офицера. Ни одно слово не слесало съ устъ присутствующихъ; не видя ихъ, сказали бы, что зала пуста. „Государь мой!“ молвилъ наконецъ, при всеобщей тишинѣ, офицеръ, державшій свою опозоренную шляпу: „Государь мой! клянусь честью и своимъ знаменемъ, что вы поднимете кокарду, или ша, кошорая украшаетъ шеперь шляпу вашу и надъ кошорою не хочу я оказашь

дерзости, подобной сдѣланной вами, будешь служить украшеніемъ, когда понесешь васъ въ могилу.“

Говорившій это молодой офицеръ былъ Павелъ Марселень. Я расскажу, какъ случилось это происшествіе, кошорое необходимо должно было кончиться смертельною дракой.

Дама, съ кошорою Павелъ Марселень крушился въ вальсъ, почувствовала дурношу ошь слишкомъ быстраго круженія, и вздумала въ шу же минушу увѣхашь; но какъ было еще не поздно, шо распущенные экипажи не собрались; не было и ея каручы. Она пошла подь руку съ мужемъ; за нею послѣдовала машь ея, и какъ сей послѣдней недоставало кавалера, шо Павелъ, думая проводить ея, побѣжалъ за своею шляпою, кошорая лежала на окнѣ, на другомъ концѣ залы. Когда проходилъ онъ назадъ, по всей длинѣ залы, шляпа въ рукахъ его обратила вниманіе всѣхъ на его шоропливый и безпокойный видъ, и шогда-шо одинъ изъ эмиграншовъ замѣшилъ шрехцвѣшную кокарду, легко бросающуюся въ глаза, и въ шо же время увидѣлъ республиканскій мундиръ, на кошорый до шога времени не думалъ обращать вниманіе. То былъ молодой Маркизь, гордый, высокомерный, исполненный ошваги

при случаѣ, но поспавлявшій всегда запальчивость на мѣсто истиннаго достоинства, и воображавшій въ безразсудствѣ своемъ, что шишуль возноситъ его превыше обязанности и приличій общественныхъ. При видѣ знака, которымъ гнушался, запылавъ онъ безразсуднымъ гнѣвомъ, краска выступила на лицѣ его, глаза налились кровью, и не сомнѣваясь, въ своей надменности, чшобъ съ республиканцемъ нельзя было поступить шакъже, какъ съ лакеемъ, который не мечтаетъ о возмездіи, онъ просто остановилъ Марселеня, и вдругъ занесъ руку на кокарду его, дернулъ ее шакъ сильно, что и шляпа покашилась на полъ, и шогда спалъ шопшавъ ногами почешныя цвѣша республики. Все это сдѣлалось шакъ проворно, что Павелъ не имѣлъ времени остановить его или сколько нибудъ размыслишь; по невольному влеченію, замахнулась ладонь его, и по всей задъ раздадась подновѣсная пощечина. Сотни голосовъ вскрикнули въ одинъ мигъ, и всѣ дамы, въ ужасъ, бросились къ дверямъ. Это Французы, Французы! слышалось повсюду. Товарищи Павла, думая, что хватають ихъ схвативши, надѣли шляпы, и обступили своего друга, но не обнажали еще шпагъ своихъ. Между шѣмъ эмиграншы свои шпаги дер-

жали уже на-голо, и даже занесень былъ ударъ, но къ счасшю Павелъ успѣлъ схватиться за клинокъ, и прошивникъ его османовидся, вспомня, что поражаетъ челоуѣка, не гошоваго къ защитѣ. Съ обѣихъ сторонъ отступили на нѣсколько шаговъ, по-смошрѣли другъ на друга; Павелъ, опомнясь, поднялъ спокойно свою шляпу, и взглянувъ на нее, показалъ съ улыбкою своимъ шоварищамъ, но молнiя, предшешвующая грому, блиспала уже изъ глазъ его. Тушъ всѣ собрались въ кучу, вглядывались, вслушивались и ожидали, что послѣдуетъ; изумленiе и страхъ произвели всеобщую тишину, и тогда-то Марселень произнесъ нѣ слова, о копорыхъ было сказано выше.

Можешъ бышь, какой нибудь спрянчiй въ Нормандiи спалъ бы увѣряшь, что добрая пощечина вѣсипъ наровнѣ съ золотомъ, и охотно помирился бы, за спо франковъ; но военные, не перпя и крошки униженiя, и привыкши раздѣльвашься на чисномъ полѣ, имѣющъ другой обычай въ дѣлахъ юспицин. Всѣ, бывшiе на балѣ съ вполешами, увидѣли пошчасъ, что никакое объясненiе не поможетъ. Одинъ спарый Авспрiйскiй Полковникъ вошелъ въ кругъ, спалъ между прошивниками, шепнулъ словцо на ухо эмиграншамъ, другое офицеру-

пашріошу, передавшему его своимъ шовари-
 щамъ, и въ чешыре секунды обнаженные
 клинки спряшались въ ножны, шолпа по-
 шянулась къ дверямъ, и чешырнадцашъ вои-
 новъ скрылись; за ними послѣдовало шакое
 же число офицеровъ Принца Карла; а сша-
 рый Подковникъ поднялъ хладнокровно ко-
 карду, приказалъ оркестру продолжашъ
 вальсъ, и сшалъ приглашашъ общество за-
 няшъся снова забавами вечеринки. Хошя въ
 шопъ же мигъ явилось до пяшидесяши
 слугъ съ огромными подносама, на кошо-
 рыхъ помѣщалось соршовъ двадцашъ слад-
 кихъ сыроповъ, мороженаго, какое дѣлаюшъ
 у Торшони, пуншу съ ромомъ и съ аракомъ,
 шербешу, подобнаго Конспаншинопольско-
 му, и болѣе восьмидесяши соршовъ разныхъ
 закусокъ Французскихъ, Нѣмецкихъ, Гол-
 ландскихъ и Фламандскихъ, уложенныхъ въ
 корзинкахъ, украшенныхъ цвѣшями; за всѣмъ
 шѣмъ, шпакой спрахъ овладѣлъ сердцама, и
 всѣ шакъ были увѣрены въ неминуемомъ
 пролишii крови, чшо ни одна прелестная
 дама не дошпрунулась до мороженаго, ни
 одинъ мужчина, ни одинъ даже музыканшъ
 не попробовалъ пуншу, и въ пяшъ минушъ
 зала опустѣла; пиршештво было опшожено.

Тридцать офицеровъ и въ помѣ числѣ двѣнадцать республиканцевъ и два эмигранта, собрались въ боковой комнаѣ, подлѣ шанцовальной залы, гдѣ остались одни только слуги, которые въ полномъ раздольѣ, кушали конфекты, сосали мороженое и пили пуншъ. Два Венгерскіе гренадера поставлены были на часахъ у дверей, чшобъ никого не впускать. Старый Полковникъ, еще съ кокардою въ рукѣ, причиною оскорбленія и ссоры, стоялъ посреди собравшій своихъ по оружію, и произносилъ рѣчь, кошорой всѣ внимали въ молчаніи.

„Государи мои! жестокая обида совершилась передъ нашими глазами, ошплаша за нея была еще ужаснѣе — по крайней мѣрѣ личная какъ нельзя больше. Ни съ кошорой стороны нельзя ожидать извиненій, объясненія шакже ни къ чему бы не послужили, примиреніе невозможно. Между молодыми храбрыми оружіе рѣшишь подобныя дѣла. Маркизь, публично опозорилъ военный знакъ новой Французской націи, господа офицеры новой Французской націи; должны омышъ вшю обиду, хопя бѣ и своею кровію. Человѣкъ, носящій вполешы, получилъ ударъ по лицу; мы не могли бы видѣшь его въ своемъ кругу, если бѣ онъ не снялъ съ себя вшого срама явною мещью. Мы

всѣ люди одного ремесла, у всѣхъ насъ одно понятіе о чести. И такъ нечего больше о томъ говорить. Господа! дѣлайте вызовъ другъ другу, и положишесь на наше правосудіе.“

Маркизь подошелъ, не снимая съ головы шляпы, и бросилъ перчатку свою на сподъ съ презрительнымъ видомъ: „Я могъ бы“ сказалъ онъ: „отказаться опъ дуэля съ человѣкомъ, кошорый мнѣ вовсе неравенъ, и кошорого вездѣ, въ другомъ мѣстѣ, могъ бы ведѣшь наказашъ своимъ слугамъ; но, уважая васъ, господа Австрійцы, я согласенъ обрубить съ церемоніей уши этому санкюлошу.“

Павель подошелъ въ свою очередь и скромно положивъ одну изъ бѣлыхъ балъныхъ перчатокъ своихъ подлѣ Маркизовой, сказалъ прошивнику: „Вы очень великодушны, государь мой; что до меня касается, я опмщаю не за личную обиду, а за посрамленіе знамени, подѣ кошорымъ я выросъ и служу, и пошому предупреждаю васъ, что что не буду имѣть дѣло только съ ушами вашими; военный знакъ, кошорому нанесли вы безчестіе, шребуешь благороднѣйшей мести; простой солдатъ, въ подобномъ случаѣ, ееть представившеть цѣлой арміи,

а въ шакомъ почешномъ качешвѣ, шупки непозволишельны даже и со шпагою въ рукѣ.“

„Тище, господа!“ вскричала спарый Полковникъ: „не горячишесь прежде времени; вамъ прійдется шолько одинъ разъ опниашъ жизнь другъ у друга, черезъ сущки каждый изъ васъ будешъ удовольшвованъ вполнѣ. Между шѣмъ предшавляется другое обстояшельство, очень щекотливое и его надобно рѣшишь шеперь же. Господа офицеры республиканской арміи приглашены нами подъ кровь гостепрїимства, по священнымъ правамъ мира и на вѣру людей военныхъ, и здѣсь-шо, подъ нашу зашщю, оскорблена ихъ національная чешъ. Мы должны передъ ними отвѣшшвовашъ въ вшомъ оскорбленіи; мы обязаны своей чешю, данному имъ слову, пошребовашъ за шо удовольшворенія, чшобъ не подумали они, будшо мы хощѣли заманишь ихъ шолько въ сѣши. По вшому, какъ спаршій между вами лѣшями, господа, именемъ нарушеннаго гостепрїимства, я дѣлаю вызовъ господину Шевалье, кошорый, надѣюсь, не ошкажешся послѣдовашъ примѣру Маркиза.“

Шевалье шощасъ положилъ перчашку свою подлѣ Полковниковой, но въ шо же время, одиннадцать Французскихъ офицеровъ, по единодушному движенію, спали

говоришь, что они совершенно довольны пощупками господъ Австрійцевъ, и что никакъ не допускаешь спараго война, пощаженаго пулею въ десяти сраженіяхъ, подвергашъ жизнь свою въ ссоръ, чуждой чести его опечесства. Тогда же и Австрійскіе офицеры, всё равно раздѣлявшіе чувствва и негодование своего спараго Полковника, бросились на положенный имъ залогъ единборства, и перехватывая его другъ у друга, положили наконецъ, чшобъ жребій рѣшилъ, кому изъ нихъ драшья, ибо каждый чувстввовалъ себя гоповымъ опмстивъ за обиду, нанесенную госпамъ ихъ на балъ. Посреди сихъ споровъ явился новый охощникъ помѣряшья своею шпагою: шо былъ молодой Адьюшаншъ. „Если господа республиканцы были ваши госши,“ сказалъ онъ своимъ шоварищамъ Австрійцамъ: „шо господа эмиграншы мои госши; шѣмъ же долгомъ, шѣми же законами обязываюсь и я передъ ними, и не пошерпаю, чшобъ они безъ меня обнажили свои шпаги.“ Всѣ вдругъ сшали говоришь и горячишься; дѣло запушывалось болѣе и болѣе; вышвы умножались, и надобно было опасашья, чшобы Принцъ, или командующій Генераль, узнавъ о происходящемъ, не принялъ какихъ либо мѣръ, скорыхъ и спрогихъ, кошоры ни-

кого бы не удовлетворили. Старый Полковникъ заспавилъ молчашъ всю эту запальчивую молодежь. „До завтра, до завтра!“ закричалъ онъ: „если хотите вишите видѣться на разсвѣтъ, надобно разсшашъ шеперь же. Бьешъ два часа; черезъ шри опворяшся городскія ворота. Господа! прошу всѣхъ о скромности, о молчаніи; спанемъ расходиться по-двое и по-шрое, шпаги подѣ шинелью. Двѣ пропинки, раздѣленные шолько небольшою рощицею, сходятся у шой огромной фермы, опъ кошорой пушки оставили шолько спѣны; шамъ широкій, ровный лугъ, заслоненный садомъ, будешъ для насъ самымъ удобнымъ мѣстомъ; припомъ же оно виѣ границъ шой и другой націи, почему всѣмъ намъ предшопишъ опасность равная. Туда прійдемъ всѣ; изъ насъ явился одиннадцашъ человекъ, чшобъ бышъ при васъ свидѣшелями, господа эмигранты. Теперь извольте брашъ свои залогш, и пойдемъ пить пуншъ.“

Адьюшаншъ съ двумя эмигрантами удалился прежде всѣхъ; послѣдніе не сочли приличнымъ оставашъ въ сообществѣ санкюлотовъ. Имъ хотѣлось бы обойтись и безъ сраженія; не изъ шрусости, а изъ гордостши, но пощчина слишкомъ сильно за себя говорила и шребовала крови. Они

разсудили не возвращаться домой, а заставили опперешь себя двери пракшира, и спази дожидашься тамъ ушра, играя въ пикешь.

Офицеры обѣихъ армій долго еще оспавались вмѣстѣ, прилежно работая около большаго окорока и попивая пуншь; а между шѣмъ не переставали воздавать другъ другу должныя хвалы и жалвы отъ всей души, что эпошъ несчастный случай вѣроятно прекратишь ихъ дружескія свиданія. Тушь же положили они кинушь жеребій, кому изъ Австрійскихъ офицеровъ достанешь драшься съ Шевалье, и кому изъ одиннадцати товарищей Павла пропикушась Адьюшаншу, если оный будетъ настаивать въ своемъ вызовѣ. Положили шакже, что исключая Павла и Маркиза, прочіе должны драшься только до первой крови; что же касается до двухъ первыхъ, обиды, нанесенныя ими взаимно, были слишкомъ велики, чшобъ можно было поставишь шакой же предѣль ихъ мспишельности... Боже мой! что спалось бы съ доброю дамою Марселень и съ Докторомъ Рокевилемъ, если бы они могли угадашь, что Павель ихъ навязалъ себя на шею шакое дѣло!

Молодой человекъ ужиналъ шакже равнодушно и покойно, какъ и другіе, не пока-

зываетъ ни разсѣяннаго, ни задумчиваго вида. Однако жъ послѣ ужина, когда иные пошли играть на биліардѣ, а другіе засѣли промешать небольшой банкъ, онъ помѣстился за особымъ столикомъ, и написалъ два письма, языкомъ проснымъ, но благороднымъ и прогашельнымъ. Въ одномъ уведомлялъ онъ своего Генерала о случившемся: въ нѣсколькихъ словахъ, исполненныхъ однако папріюшическаго жара, изобразилъ онъ ему посрамленіе своей кокарды, прямодушные поступки приномъ Австрійскихъ офицеровъ и то, чего долъгъ его требовалъ отъ него въ такихъ шѣсныхъ обстоятельствахъ. Машери своей и Докшору Рокевилю, разсказавъ въ другомъ письмѣ то же самое, прибавилъ, что какъ ни извинишелешь его поступокъ, но за всѣмъ шѣмъ чувствуешь онъ, что причинишь имъ жестокою печаль, въ кошорой и просишь прощенія, клянясь, что послѣдній вздохъ свой и послѣднюю мысль, если суждено ему пастъ, посвящишь онъ имъ и ошечеству, безъ всякаго раздѣла.

Павель писалъ совершенную истину: дошолъ сердце его дѣйствительнѣю пишало любовь только къ нѣжной его машери, къ почтенному другу ея и къ славъ его ошечства. Въ эту шоржешвенную минушу

не помышлялъ онъ ни о черныхъ глазкахъ дѣвицы Розы, ниже о другихъ красавицахъ, спаравшихся уловить его въ сѣпи любви. Не то, чѣмъ Павель имѣлъ слишкомъ холодную душу: прошивное шому говорили живыя и умныя черты лица его и взоръ, исполненный огня; но до сихъ поръ служилъ онъ во храмъ Грацій, какъ воинъ, а извѣстно, чѣмъ во время войны молодой офицеръ едва, едва имѣешь время сорвать нѣсколько розъ посреди своихъ лавровъ.

Никшо не мѣшала Павлау въ его занятіяхъ; только изрѣдка съ участіемъ поглядывали на него шоварищи, и во взорахъ ихъ видна была самая искренняя дружба. Легко было однако заключить, чѣмъ каждый изъ нихъ имѣлъ болѣе надежды, нежели опасенія на счетъ окончанія сраженія.

Въ четыре съ половиною часа, прощяный звонъ съ башни далъ знать, чѣмъ черезъ четверть часа вороша будешь отворены; на самомъ краю горизонша засвѣкло разсвѣтомъ. Офицеры окончили свои парші; всѣ закушались въ плаци и спали выходить по-двое и по-шрое, каждый Французскій офицеръ въ сопровожденіи Австрійскаго. Разными улицами проходили они къ думъ ворошамъ, кошорыя вели къ одной и той же цѣли. На кордегардіяхъ еще заранѣ

дано было знать, что Французскіе офицеры, приглашенные на балъ, будутъ возвращаться на разсвѣтъ, почему часовые, не останавливая, отдали честь.

Какъ скоро офицеры вышли на шѣ тропинки, о которыхъ говорилъ имъ Полковникъ, то увидѣли впереди себя эмигрантовъ, сопровождаемыхъ молодымъ Адьютаншомъ. День едва занимался, и небеса, нахмуривъ сполъ ясныя, заводокались шеперьшучами, кошорыя грозили приближеніемъ дождя; при томъ дулъ сырой и порывистый вѣтеръ, который заставлялъ ускорить шаги. Вскорѣ достигли они покинутой фермы, никѣмъ непреслѣдуемые, даже никѣмъ незамѣченные. Минуть въ двадцать всѣ собрались на лугу, и оба офицера, кошорымъ надлежало рѣшить главную ссору, учтиво подошли другъ къ другу, раскланялись привѣжливо, и доказали шѣмъ, что оба Французы, и потому оба знали, какъ надобно убить другъ друга вѣжливо.

Тогда же Австрійскіе офицеры и Французскіе патриоты сосшавили, каждый свой кругъ; въ томъ и другомъ напередъ заготовленные билетцы съ именами брошены были въ шляпы, и со всевозможною вѣрностію кинутый жребій далъ въ противники Шевалье Графберга, молодого офицера знаш-

ной породы; Адьюшаншу же, котораго безразсудность была причиною всей этой гибельной распри, одного республиканскаго Поручика, по имени Роберша, въ которомъ высокій ростъ, широкія плеча и черные, курчавые волосы, показывали силу исполнскую.

Съ той и съ другой стороны всѣ оспаривались довольны выборомъ жребія. Австрійскіе офицеры, кромѣ того, который долженъ былъ драться, и стараго Полковника, исполняя долгъ гостепріимства, перешли на сторону эмигрантовъ, и предложили бытъ ихъ секундансами; на что и было изъяснено ими согласіе. Съ противной стороны офицеры-патріоты сшали вокругъ Павла и другихъ учаспниковъ сраженія. Въ эту минушу молодой Капшанъ сунулъ въ руку одного изъ своихъ товарищей пригосовленныя имъ письма, не сказавъ ему впрочемъ ни слова: адреса писемъ показывали ихъ назначеніе. Нельзя было терять ни минушы. Мѣста заняли такимъ образомъ, чпобъ не пришлось въ глаза восходящее солнце, которое впрочемъ скрывалось за тучами; шестеро вишазей сняли съ себя верхнее платье, разсчитали по двадцати шаговъ между каждою парюю и пошребовали сигнала, смотря съ довѣрчивоспью на свидѣше-

шелей. Съ боковъ сползи двадцать чепыре офицера; всѣ сняли шляпы и раскланялись. Тогда Полковникъ, старшій лѣшми, вскричалъ: „Начинайте, господа, смѣло и по совѣсти!“

Лишь только при парнъ шпагъ успѣли скреститься, какъ огромный и плечистый Робертъ, уврѣнный въ своихъ силахъ и желая употребить ихъ только на то, чтобы не проливать напрасно крови, быстрой напасть на своего противника, и съ крикомъ *разъ, два*, съдѣлавъ шаковой сильной и стремительный ударъ, что шпага смущеннаго Адьюшанша, вышибенная изъ руки его, взлетѣла высоко вверхъ и черезъ головы офицеровъ упала у ногъ ихъ. Въ то же время Робертъ, схвативъ противника за руку, вскричалъ: „шоварицы! не обижайтесь, я не побѣдилъ васъ, а только счастливо кончилъ драку, благодаря удару, не ученому и не шрудному, но преобладающему силъ въ рукъ. Вы славно вели себя въ дѣлѣ, которое до васъ не касалось; будемъ же впредь довольны, и кончимъ!“ Восемь свидетелей, наблюдавшіе за ними, съ радостью на то согласилась. Адьюшаншъ же върошно былъ радъ не менѣе другихъ, что освободился отъ шаковаго опаснаго противника. Обдобились, и радное поле оспа-

лось занято двумя шолько парами сражающихся.

Воздухъ спановилясь болѣе и болѣе сыръ и холодень; начиналь моросишь дождикъ, и надобно было ожидашь, что онъ уснаишся; смоченная имъ шрава сдѣлалась очень скользкою.

Графбергъ и Шевалье были новички въ дѣль оружія; они держали шпаги очень ловко, но нападали и парировали съ робостію, и по всему было видно, что имъ, дравшимся шолько изъ благоприсойности, не приходила въ голову забота убишь другъ друга; что они спучали шолько шпагами для виду и выжидали время, пока имъ скажущь: „довольно, господа: честь удовлетворена!“ Но секунданты ихъ, съ первыхъ пріемовъ увидѣли, что шущь опасался нечего, улыгнулись, взглянувъ другъ на друга; банялись прешьею парокъ, и хранили глубокое молчаніе.

Здѣсь сраженіе было шоль же серьезно, какъ и причина, подавшая къ шому поводъ: судя по шому, какъ нападали другъ на друга прошивники и какъ взаимно пренебрегали они случаями нанесши легкую рану, должно было ожидашь, что дѣло кончишся смершію шого или другаго. Болѣе запальчивый и крушой, болѣе предавался гнѣву и обнару-

живая въ чертахъ лица, выражающихъ презрительную усмѣшку, негодование на то, что долженъ былъ прошивушать челоуьку низкой породы, сыну швеи, Маркизь дѣйствоваль быспро, рѣшительно и съ нахискомъ; хорошо защищаясь и нападаа ошважно, каждый разъ, когда парироваль, сопровождалъ онъ свое движеніе сардоническимъ смѣхомъ, и при каждомъ ударѣ, которымъ чаялъ сразить молодаго республиканца, шрепешаль ошъ ярости и принималь осапку горделивую. Павелъ былъ почти шого же роста, но болѣе гибокъ, лучше сложенъ и спановился въ позицію съ необыкновенною привлекательностью для глазъ; казалось, онъ играль своею шпагою и держаль еѣ такъ ловко, что при каждомъ оборотѣ она, по видимому, должна была вырваться изъ руки его; но эша быспрая, блистательная игра оружіемъ показывала въ шю же время и силу его и ловкость; по всему видно было, что онъ совершенно владѣеть собою, и что жаръ, его одушевляющій, происходить ошъ чувства благороднаго и чуждаго ненависти. Чершы лица его, правильныя и прекрасныя, не выражали ни мспительности, ни презрѣнія, ни гнѣва; взоръ его, исполненный огня, покойнаго, но яркаго, былъ крошокъ даже и направляа желѣзо мести;

ошражалъ ли онъ смерть, или наносилъ ее — смерть, кошорая казалось передешала ошъ одного прошивника къ другому и грозила вдругъ обоимъ — нельзя было замѣшшъ на лицъ его никакого движенія, никакого волненія, никакого измѣненія; его надобно было срисовашъ, какъ образецъ миловидности и благороднаго, самоувѣреннаго мужества.

Мало успупали они мѣста другъ другу; шощъ и другой спояли швердою ногою, но движенія Маркиза были чаще и разнообразнѣе; онъ не щадилъ ни жару, ни силу своихъ. Павелъ, напрошивъ, берегъ свои силы до удобнаго случая. Но, не смощра на его равнодушіе, благоразуміе и великую ловкость, едва не сдѣлался онъ жертвою случайности: скрышый подъ шправою пенекъ удержалъ его лѣвую ногу, онъ пошашнулся немного назадъ; рука, въ кошорой была шпага, ошдадилась ошъ корпуса; желѣзо врага его вонзилось ему въ грудь и брызнула кровь. Всъ думали, что онъ пораженъ въ сердце, и, вскрикнувъ, бросились къ нему; но съ быспрошою шрѣль, разсѣкающей воздухъ, Павелъ выпрямился и снова занялъ позицію; въ первый разъ улыбка появилась на его лицъ; онъ сдѣлалъ знакъ лѣвою рукою, чтобы не приближались къ нему, и вдругъ закричавъ сильдымъ и звучнымъ голосомъ:

„да здравствуетъ Франція!“ искусно воспользовался радостью, изумленіемъ, смущеніемъ, кошорыя въ одну секунду попеременно заняли умъ Маркиза, обманувшагося, какъ и всѣ свидѣтели, и шуть быспро развернувъ силы свои, доподъ щаженныя поды видомъ игры блисшашельной и легкой, онъ вдругъ засшавиль его ошсшупашь, принудивъ сильнымъ напоромъ къ зашщшш.

Именно въ шу минушу, когда изумленный, смущенный Маркизь спашь, подавашься назадъ ошъ республиканца, Шевалье, довольно безопасно и шолько для одной формы, дѣлалъ шощъ же самый маневръ передъ Графбергомъ; уклоняясь діагоналомъ, онъ двигался къ лѣвой споронѣ; Маркизь же, блѣднѣя и не оправаясь, чшобъ снова начашь ашшашу, повернулъ въ правую спорону, въ шѣхъ мысляхъ, чшо влѣво помѣшаешъ ему ошсшупашь ровъ, кошорымъ пересѣкался лугъ. Оба (эмиграншы) уже были на два шага другъ ошъ друга; раздался крикъ: *остановитесь!* Но было уже поздно. Маркизь правымъ плечомъ сильно сполкнулся съ лѣвымъ плечомъ Шевалье; послѣдній упалъ навзничъ; въ шощъ же мигъ Павелъ сдѣлалъ прыжокъ назадъ и опушшилъ свою шпагу, не желая одержашь побѣду ударомъ, недостойнымъ чешши; но судьба свершила

свое предопредѣленіе. Маркизь, уже пошашившійся, сполыкаешся объ ноги Шевалье, колеблешся, шеряешъ равновѣсіе, падаешъ навзничъ всѣмъ корпусомъ на шѣло своего друга, кошораго шпага, обращенная къ верху, вонзаешся ему въ поясицу, и просквозя желудокъ, выходишь наружу подь дождкою. Онъ издыхаешъ; въ то же время раздаешся ужасный крикъ; его испускаешъ Шевалье: Маркизь, падая съ размаха и всею шяжешью, переломилъ ему два ребра.

Такъ кончилось сраженіе; всѣ офицеры, Австрійскіе и Французскіе, бросились на помощь къ побѣжденнымъ.

II.

К Р И Т И К А.

Замѣчанія на книгу: Военное Краснорѣчіе.

Нѣкогда Наполеонъ сказалъ, что сила войны естъ двоякая: внѣшняя и внутренняя. Первая состоишь въ шоплѣ, во множествѣ народа; вторая въ любви къ ошечешву, въ набожнoshi, въ довѣреннoshi къ предводищелю, въ воспоминаніи прежнихъ побѣдъ и шріумѣовъ и проч. Сіа посаждніа усмла-

ваются даромъ слова — Краснорѣчїемъ. Отсюда родилась мысль о существованіи Воинскаго Краснорѣчія. Во Франціи общество военныхъ ученыхъ людей издало книгу: *Eloquence militaire, ou l'art d'étonner le soldat, Воинское Краснорѣчіе, или искусство возбуждать война*; у насъ, по сему поводу, вышла въ свѣтъ учебная книга: *Военное Краснорѣчіе, основанное на общихъ началахъ Словесности*. Наполеонъ, основываясь на собственной опытности, хотѣлъ сказать, въ урокъ полководцамъ, что даръ слова можешь быть и часшо бываетъ ключемъ къ побѣдѣ, что это есть одно изъ средствъ владѣть силою; военно-ученые Французы рѣшились объяснить сію необыкновенную силу языка; а нашъ почтеннѣйшій землякъ вздумалъ произвестъ новую Науку: *Военное Краснорѣчіе*. Первый совершенно правъ; онъ сказалъ неоспоримую истину. Правоша вшорыхъ есть условная; ибо не доказано еще, что искусство возбуждать война и воинское краснорѣчіе суть шождешвенны, и что первое безъ втораго быть не можешь. Произведеніе же прешьяго — безусловно лишнее; оно не имѣешь ни предмета, ни цѣли.

Всѣ люди имѣють способношь выражать мысли и чувствованія; не многимъ

достается даръ говоришь сильно и убедительно и посредствомъ слова располагаешь волею другихъ. Дѣйствіе сей послѣдней способности составляешь *Краснорѣчіе*, которое, будучи подведено подъ правила и сдѣлавшись навыкомъ, называется Искусствомъ. И такъ Краснорѣчіе можно разсматривать въ двухъ видахъ, какъ простое дѣйствіе счастливыхъ дарованій, и какъ Искусство. Слѣдовательно никогда, никакъ оно не можешь назваться Наукою, которая ошъ Искусства отличается, какъ причина ошъ дѣйствія. Конечно всякое Искусство должно имѣть свою Науку, равно какъ и всякая Наука предполагаетъ Искусство; и въ семъ отношеніи Краснорѣчія есть плодъ Науки. Но, да проспншь мнѣ великая пѣнь Цицерона, ежели я осмѣлюсь не совсѣмъ согласиться съ его изрѣченіемъ: *Poetae nascitur, Oratores fiunt*: *Поэты рождаются, Ораторы дѣлаются*. Природа, кажется, объ Ораторъ должна болѣе позаботиться, нежели о Поэтѣ: первому непременно нужно имѣть, сверхъ шѣлесныхъ совершенствъ — швердую волю, непоколебимый характеръ, быстрый и основательный умъ; онъ долженъ повелѣвать обстоятельствомъ, владыъ собою, свободно и самовластно управляешь цѣлшическими своими способностями,

кошорья для него сушь также необходимыя условія. И шакъ для Орашора сполько же, если не болѣе, необходимы дарованія, какъ и Наука. Первыя служатъ источникѣмъ Краснорѣчія, а послѣдняя образуешь и усовершеншаешь средства и способы, коими оно приводишся въ исполненіе.

Ближайшая къ Краснорѣчію Наука — Риторика, кошорая, по моему мнѣнію, учишь излагашъ и располагаешъ рѣчь (логически и грамматически правильную), соотвѣстственно желанію говорящаго. Если же Риторика учишь излагашъ и располагаешъ выражаемыя словами мысли всякаго рода, соотвѣстственно всякому желанію, намѣренію и цѣли, безъ изысканія и ограниченія пола, званія и состоянія людей; то изъ сего слѣдуешь, что она, объемля весь кругъ сего предмета, естъ одна и, какъ Наука, не допускаешъ никакихъ видораздѣленій, основанныхъ на чемъ либо случайномъ, на житейскихъ и мелочныхъ расчешахъ. И ежели бы кто соспавилъ по сей часпи полную книгу, удовлетворивъ требованіямъ истины и Науки, то она равно бы могла бышь полезна въ народныхъ, духовныхъ, военныхъ, коммерческихъ, и словомъ, во всѣхъ человѣческихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но, скажутъ, есть Красноярчіе духовное, народное, судебное, академическое и проч. И есть, и нѣтъ! Разсмаширивая и сравнивая всѣ сіи, шакъ называемые, роды Красноярчія, конечно найдемъ въ нихъ различія; но на сихъ различіяхъ мы никакъ не можемъ создашь особыхъ Наукъ; ибо существенныя свойства Красноярчія, составляющія, шакъ скажешь, природу его, и служащія предметомъ и основаніемъ Науки, суть неизмѣнны и во всѣхъ сихъ случаяхъ равно годны. Но, возражешь, каждое изъ упомянутыхъ Красноярчій имѣешь свою обласшь, *особенный характеръ, особенное содержаніе, особенную цѣль!* Такъ! Но эти особенности, относительно Красноярчія, совершенно случайныя. Будучи увѣренъ, что *истребленіе есть не цѣль войкы, а шолько средство*, и при шомъ не всегдашнее и часшо предосудительное, я не считаю *воспламененность* шую чершой, кошорая ошлачаешь *военнаго Орашора* ошъ *церковнаго*. Не можешь ли духовный Орашоръ съ церковной каеэдры *воспламенять* духъ патріотизма, вызываешь пашву свою на поле брани, робкимъ угрожаешь гнѣвомъ небесъ, презрѣнемъ соощичей, на храбрыхъ призывая благословеніе небесное, ручаешься за уваженіе и славу земную? А предводишель

войскъ, говоря предъ спроемъ боевымъ, развѣ не смѣешь указать на сердце и небо, какъ источники награды за дѣла добрыя и великія? Развѣ выше права его съ *умилени-
емъ* бесѣдовать о лучшей жизни, какъ воз-
мездіи за пожертвованіе временнаго жизнию?
Неужели *умѣренность, кропотливость, благо-
честіе и умиленность*, при благораз-
умномъ согласованіи съ обязанностию, бу-
душъ въ полководцѣ пороками? Къ какому
Краснорѣчю Г. Профессоръ ешнесеть рчи
Архіепископа Вассіана Великому Князю
Ивану Васильевичу, въ копорой сей Архи-
пасшырь, укоряя Государя въ робости, го-
воришь между прочимъ: „Дай сіи въ руку
„мою вои; хошя азъ и старъ, но не пощажу,
„ниже отвращу лице прошивъ Тамаръ!“
И шакъ, гдѣ же ша черта, копорая ошдѣ-
ляешъ одно Краснорѣчіе отъ другаго? Мы-
сло, лице и частныя, случаемъ опредѣляе-
мыя цѣли не могутъ составить сихъ пре-
дѣловъ; особенныя же формы выраженій,
внѣшнія качества слога, раздѣляя иногда съ
одной стороны сіи опрасли Краснорѣчя,
недостаточны для того, чшобъ подать по-
водъ и прочное основаніе *особымъ Риторикамъ*.

Орашоръ ешъ воинъ; краснорѣчіе его
оружіе; борьба его съ невѣріемъ, невѣже-

сивомъ, неправосудіемъ, буйствомъ, робоснію и шему подобное. И такъ неужели особенныя примѣненія Краснорѣчія во всѣхъ сихъ случаяхъ иребующъ особыхъ Наукъ? Кто утверждаетъ, что можешь и должны бышь Риторики *духовная, судѣбная, народная* и шему подобное; шощъ предполагаетъ въ себѣ силу шворить многое изъ ничего, шворить Науки безъ содѣйствія ума, шощому, что въ природѣ нѣшь предмета, кошорый бы доставилъ для сихъ Риторикъ матеріялы; уму не дано возможности дѣйствешовать за его предѣлами. Г. Профессоръ, сочинитель книги: *Военное Краснорѣчіе*; доказалъ горькимъ опыномъ справедливость сего мнѣнія: ни шрудолюбіе, ни обширная начипанность, ни важность цѣли, ни сила побужденій не помогли ему преодолѣть невозможности. Онъ, издавая *трудъ* свой подъ симъ шипломъ, конечно хотѣлъ подарить шипомцамъ Марса и ученому свѣшу теорію Воинскаго Краснорѣчія, — а не самое Краснорѣчіе, и шипомъ еще *военное*: Желаніе похвальное! Но — конецъ дѣло вѣнчаешь.

Г. Профессоръ, побуждаясь шборческимъ геніемъ и кой-чѣмъ другимъ, являешся, по вызову *общества военныхъ ученыхъ людей*, *Квинтилианомъ* *военнаго*

Краснорѣчїя, сочиняетъ учебную книгу, каковой нѣтъ еще ни въ Россїи, ни въ другихъ странахъ Европы. „Во время „преподаванїя,“ говоришь онъ, въ предисловіи: „я опускалъ изъ первой части шѣ „главы, которыя извѣстны моимъ слушателямъ; но, издавая въ свѣтъ сіе сочиненїе, я желалъ издать полную систему, „дабы въ случаѣ нужды не почли оной „недостаточною шѣ, которыя думаю, „что Военное Краснорѣчїе есть только „отрасль общей Словесности: () и потому „му должно быть основано на общихъ „началахъ оной.“ Во уваженїе предшествовавшихъ пунктовъ предисловія, въ коихъ, между прочимъ, говоришь о прощенїи недостатковъ — вѣроятно и въ смыслъ — припворюсь, что понимаю, о чемъ здѣсь говорится, и знаю, почему Г. Профессоръ раздѣлилъ сошворенную имъ Науку на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ общїя начала Словесности, и служитъ основанїемъ вшорой, содержащей частныя правила Военнаго Краснорѣчїя; часть третїя*

(*) Можно ли иначе думать? Самъ Г. Сочинитель, основывая оное на общихъ началахъ, согласенъ съ шими, которые шагъ думаю, Неужели военные люди имѣютъ совсѣмъ особенную Словесность?

содержитъ примѣры и образцы въ разныхъ родахъ онаго.

Начало Науки есть зерно, которое развиваясь можешь возрастишь цѣлое древо оной; есть такое правило, или по крайней мѣрѣ немногія правила, которое содержишь въ себѣ всѣ прочія, составляющія Науку, правила. Какимъ же образомъ Г. Профессоръ, раздѣливъ Науку на двѣ части, одну изъ нихъ называешь общими правилами? Какимъ образомъ этихъ общихъ началъ набралось двадцать три главы? И какъ между общими началами замѣшались: *ладное и плавное теченіе періодовъ, украшеніе періодовъ, чешыре главы о фигурахъ, частныя и особенныя совершенства слога, и проч.?* Какъ между частными правилами *Военнаго Краснорѣчія* явились нравственныя качества *подвластныхъ воиновъ, общее раздѣленіе всѣхъ прозаическихъ сочиненій и проч.?* При разсужденіи о сихъ сочиненіяхъ, хотя и прилагаешься къ нимъ слово *военный*, но предложенныя для нихъ правила равную могутъ принести пользу всѣмъ, отъ храбрѣйшаго изъ древнихъ Спартанцевъ до миролюбивѣйшаго изъ нынѣшнихъ Евреевъ.

Въ главѣ I общихъ началъ Словесности Сочинитель общаешь показашь *опредѣле-*

не *Словесности* въ разныхъ отношеніяхъ
 и *Риторики*. (!) Нынь надобноспи гово-
 рить, какой строгой точности пребудушь
 опредѣленія; но посмотримъ, какъ выпол-
 нено сіе пребваніе: „Природная способ-
 ность чловѣка изъяснить мысли и чув-
 ствованія голосомъ членораздѣльнымъ, на-
 зывается *словесностію*. Обыкновенная
 способность, *неимѣющая никакихъ от-
 личительныхъ качествъ* (?) выражаетъ
 „свободною рѣчью мысли и чувствованія
 можетъ назваться въ обширномъ смыслѣ
 „*Словесностію*; но способность, показываю-
 щая отличное искусство выражать оныя
 ясно и красиво, именуется *Краснорѣчіемъ*;
 „выражаетъ сильно и убѣдительно — *Витій-
 ствомъ*.“ И такъ, *Словесность* въ обшир-
 номъ смыслѣ, *Краснорѣчіе* и *Витійство*
 суть виды *Словесности*, или способности
 изъяснять мысли и чувствованія голосомъ
 членораздѣльнымъ; видовыя различія пер-
 ваго: ошсущеніе всякаго отличительнаго
 качества и свобода рѣчи; второго — ошач-
 ное искусство, ясность и красота въ выра-
 женіи, прешьего — сила и убѣдительность.
 Неужели *Словесность* въ обширномъ смы-
 слѣ есть видъ способности выражать
 мысли и чувствованія словами? Неужели
 она не имѣетъ никакихъ отличіи.

тальныхъ качествъ? Неужели свободная рѣчь, которую Г. Профессоръ ей искажительно приписываетъ, не могла бы служить отличительнымъ качествомъ, если бы сіе утверждение было вѣрно? Неужели Краснорѣчіе и Вишійштво допускають принужденность рѣчи? Неужели искусство можетъ быть качествомъ способности? *O tempo, o tempo! o sapientissimi professoros!* вразумите елѣпошесвующаго; *mi zeli ne siku!* Но даае!

„Способность изъяснять просто и обыкновенно мысли и чувствованія“ — новая способность, отличіе коей про-, епшоша и обыкновенность! — „получаетъ- ся ошь природы; но искусство выра-, жаетъ омыя съ отличною ясностію и кра-, сотою, съ силою и убѣдительностію прѣ-, обрѣщается Наукою: сію Науку называють „Риторикою.“

„И такъ Риторика есть та Наука, ко-, шорая содержитъ правила, руководствую-, щія къ Краснорѣчію и Вишійшству; — *есть* „та наука, помощію которой можно прѣ-, обрѣсть искусство выражаться ясно и кра-, сиво, сильно и убѣдительно. Но если подъ-, именемъ красоты будемъ разумѣть всѣ ед-, вершенства слова: — то можемъ краше

„опредѣлишь *Риторикѣ* наукою *Краснорѣчія*.“

Не говоря уже о томъ, что опредѣленія сбивчивы, шемны, соспавлены изъ неопредѣленныхъ *терминовъ*, можно спросить чинашеля *размышляющаго и опытнаго, самаго благосклоннаго и снисходительнаго: проститъ ли онъ Г. Профессору подобное своевольство противъ законовъ смысла, подобное умоопшшупничество, каково напри- мѣръ здѣсь. Сказавъ, что Краснорѣчіе и Вишійство суть способности, способность... дается природою, а искусство... приобретаешся наукою, вдругъ заключаешъ, что Риторика руководствуетъ къ Краснорѣчію и Вишійству? Гдѣ связь? Что значить руководство къ Краснорѣчію и Вишійству, ежели онѣ способности? Какая Наука и какъ руководствуешъ къ способностямъ? Неужели есть способности, которыя не природою дающяся, а наукою приобретающяся? Неужели способность, могущая приобрести искусство и самое искусство — главы однозначашя? *Риторика наука Краснорѣчія!* Какая же Наука покажешъ средства выражашъ мысли и чувствованія простою рѣчью, но сошвшшшствующею, цѣли и желанію говорящаго? Соображая содержаніе этой главы съ названіемъ книги: *Военное Кра-**

спортыче, основанное на общихъ началахъ Словесности, можно вывести слѣдующее заключеніе: эта книга есть военная способность говорить ясно и красиво, основанная на общихъ началахъ способности говорить. Бѣдный смыслъ!

Глава II. „Предметъ Риторики и науки, необходимы для занимающихся Краснорѣчьемъ. Предметомъ Риторики, говоритъ Г. Профессоръ, можно почесть систему правилъ, касающихся до Краснорѣчія.“ Нѣтъ, не можно! Даже по самымъ опредѣленіямъ Г. Сочинителя, нельзя этого допустить. Система правилъ есть не предметъ Науки, а сама Наука; но, о чемъ правила сіи говорятъ — предметъ оной. Если бы Сочинитель сказалъ: предметъ Риторики — Словесность, а цѣль — Краснорѣчіе, какъ искусство; что, прошиворѣча сущности дѣла, онъ, по крайней мѣрѣ, не спорилъ бы съ самимъ собой. Дагѣ! „Краснорѣчіе происпекаетъ отъ совершенствъ ума и сердца, отъ обилія чувствованій и познаній: слѣдовательно *тогда только можешь быти краснорѣчивымъ, когда добродѣтеленъ и свѣдущъ въ разныхъ наукахъ.*“ Трудно повѣришь, чшобъ это сказалъ Профессоръ Словесности; но заглавный листокъ утверждаетъ сію жалкую истину.

Можешь быть, Сочинитель, по добротѣ своей, желалъ бы сдѣлать шаговое распоряженіе на счетъ Красноярца; или не перевелъ ли онъ эту мысль съ Лашинскаго? Неужели Г. Профессоръ забылъ, что *virtus* и добродѣтель, *perfectio* (или *perfectus*) и совершенство не равнозначащи? Лашинскія слова сіи имѣютъ значеніе несравненно обширнѣе, нежели Русскія. Если бы позволяло приличіе, по сколько бы можно было насчиталъ людей съ рѣдкою добродѣтелью, обширнымъ запасомъ познаній, но съ какимъ языкомъ; и на оборотъ, съ сердцемъ развращеннымъ и коварнымъ, но словомъ очаровательнымъ! Да если бы Г. Сочинитель, составляя прѣплю часнѣ своей книги, вспомнилъ объ этомъ положеніи; то онъ конечно или бы уничтожилъ, или бы, по крайней мѣрѣ, исправилъ сіе послѣднее. Неужели рѣчи Наполеона въ Египтѣ, рѣчи Амураша, Тамерлана, столь ясныя, сильныя и убедительныя для каждаго Музульмана, суть внушенія добродѣтели? Исторія представляетъ намъ несмынное множество *говоруновъ* и писателей, которые не имѣя искры добродѣтели и даже не оплачая оной оной гаупности; посредствомъ слова управляютъ желаніями и распорягаи волею народовъ. Чинная непосредственно савдующее за симъ

изложеніе частней Словесности, какъ Науки, конечно всмрѣдимъ, какъ и вездѣ въ сей книгѣ, обычныи противорѣчія и неопредѣлительности, каковы напримѣръ: *Логика*, *Грамматика* и *Риторика* составляють *Науку слова*, и пошомъ двѣ первыя суть *предварительныя Науки* послѣдней; но выдержавъ испытаніе, при чтеніи предшествующаго, можно почестъ все подобныя мелочи опдыхомъ, нѣгою для упомянутого смысла. Гдѣ же Науки, въ которыхъ долженъ быть *свѣдущъ добродѣтельный*, чшобъ быть краснорѣчивымъ? Впрочемъ, кажется, *Сочинитель* рѣшился побаловать своихъ читашелей. Слѣдующія за тѣмъ главы, сверхъ противорѣчій и сбивчивости, относително порядка и расноложенія Науки, опредѣленій и всего содержанія, до такой степени противорѣчатъ сами себѣ и одна другой, что ихъ неумудрено почестъ игрою случая, который, по обыкновенной своей зашѣливости и упрямству, хотѣлъ, на зло уму, слѣдшить новую Науку изъ тысячи разногласныхъ мыслей; почерпнушихъ въ разныхъ вѣкахъ, въ разныхъ краяхъ свѣта, Науку, похожую на еводъ противорѣчій. Напримѣръ, взглянемъ на согласіе оглавленій съ содержаніемъ главъ: изъ разбора первыхъ

двухъ видно, что онъ не соопвѣществуешь
 обѣщаніямъ; въ прешней сочинилъ обѣ-
 щаніе изложитъ *Грамматику* и средства
 къ познанію языка. Опредѣливъ *Грамма-
 тикку частную и всеобщую, или Философиче-
 скую...* и сказавъ, что онъ *способствуютъ*
 (только?) къ познанію языка, показываешь
 еще другія средства, служащія къ объясне-
 нію онаго въ разныхъ отношеніяхъ; сред-
 ства сіи — употребленіе, чтеніе, переводъ,
 сочиненіе, *этимологическое изслѣдованіе*
словъ и *логическое объясненіе оныхъ*, осно-
 ванное на историческомъ развитіи мыслей.
 Пошомъ Сочинилъ „почелъ полезнымъ раз-
 „смотреть рожденіе мыслей младенца,
 „постепенно приобретающаго понятія, и
 „съ приобретеніемъ понятій языку на-
 „учающагося.“ Изъ сего разсмотрѣнія сдѣ-
 ланъ выводъ, что „междометія, имена пред-
 „метовъ и принадлежностей, союзы, назва-
 „нія ошвлеченныхъ и общихъ понятій, пред-
 „логи могли составить полный кругъ язы-
 „ка.“ Изобрѣтатель прехъ первыхъ — мла-
 денецъ, а послѣднихъ — человекъ; но сей
 послѣдній „желалъ выразитъ свои мысли
 „не только съ ясностью, но и съ красо-
 „тою: для сего онъ изобрѣлъ еще при ча-

„сти рѣчи — а) мѣстоименіе, б) причастіе
и с) нарѣчіе.“ (*)

Наконецъ, упомянувъ о сложныхъ „со-
вершенствѣ, которое не всѣ народы имь-
ютъ“ и производныхъ словахъ, онъ заклю-
чаетъ пѣмъ, что „наименованія понятій
„ошвлеченныхъ и сущесствъ умозритель-
ныхъ, предсавляемыхъ по большей части
„неопредѣлительно и разнообразно, часно
„перемѣняющъ кругъ своего значенія.“ Это
послужило къ происхожденію проповѣ.

Конечво все содержаніе сей главы, со-
савляющей семь печатныхъ осьмушекъ

(*) Милоспивый Государь! учившись нѣкогда въ
Андреевскомъ приходскомъ училищѣ, я больно бы-
валъ съченъ, когда мнѣ случалось сказать что-либо
безъ глагола. Учился нашъ — упокой Богъ душу
его! — всегда говаривалъ: слова безъ глагола не имь-
ютъ смысла. Посему я принялъ смѣлость спросить:
почему здѣсь выпущенъ глаголь? Пошому ли что
философически можно говорить безъ глагола, или
пошому, что изобрѣшатели-шо были малыи да спа-
рый, одинъ не смыслишь, другой не видишь. Съ
шарикомъ-шо дѣлалъ нечего, а мальчишку — покой-
нику бы въ руки. Есть и еще у меня на душѣ вос-
пользуюся — да спыжусь!

Вашъ покорнѣйшій служникъ,
Типографскій наборщикъ
Власій Глаголовъ.

доща, и преимущественно изобрѣшеніе словъ, нуждается въ объясненіяхъ, доказательствахъ, поправкахъ и во всемъ, шому подобномъ; но изложеніе всѣхъ заключающихся здѣсь прошиворѣчій и несообразностей, заняло бы по крайней мѣрѣ семь печатныхъ листовъ. Посему допустимъ, буди все, сказанное въ сей главѣ, согласно съ умомъ и само съ собою, и спросимъ Г. Профессора: неужели Грамматики сосшомшъ въ шомъ шолько, чшобъ сказанъ въ историческомъ порядкѣ душевныхъ дѣйствій: шакія-шо частныя рѣчи изобрѣлъ младенецъ, и шакія-шо — человекъ? Кажется, Грамматики должны показашъ общія и частныя свойства и примѣненіе каждой частной рѣчи; ихъ силу, дѣйствіе, зависимость и словомъ шу роль, которую каждый родъ словъ играетъ въ рѣчи. Конечно, ежели приняшь сочинителево опредѣленіе Грамматики; шонъ, сказавъ, что *Грамматика содержитъ правила, составленныя изъ наблюдений, относящихся къ языку...* правъ; ибо эта глава содержитъ правила, составленныя изъ наблюдений Г. Профессора, относящихся къ языку; но показывашъ недосшатки этого опредѣленія — совершенно напрасный шрудъ; по смыслу онаго, почти каждую главу сей, равно какъ всякой другой въ этомъ родѣ,

книга, опдѣльно взятую, можно называть Грамматикою. Г. Сочинитель долженъ бы также показать, къ какому роду относится сія, такъ называемая, Грамматика. Здѣсь о причастіяхъ и нарѣчіяхъ говорится только о Русскихъ, все же прочія правила и исправленія общія, безъ всякихъ примороженій. И такъ эта Грамматика — *частно-всеобщая*.

Что касается до главъ IV, V и послѣдующихъ, то все онѣ наполнены подобными несообразностями и прошиворѣчіями, какъ и предшесивующія.

Посему, если бы кто потребовалъ показанія всехъ, содержащихся въ оныхъ, недостатковъ; то можно бы было отвѣчать, что онъ желаетъ невозможнаго и бесполезнаго: въ первомъ пусть всякъ убѣдится собственнымъ опытомъ; а второе послѣ того само собою докажется; въ учебныхъ книгахъ тогда только нужны подробные разборы, когда въ нихъ выполнены главные условія Науки: единство предмета, полнота системы, послѣдовательность и связность въ изложеніи, слѣдовательно когда книга можешь быть исправлена, а въ прошивномъ случаѣ частныя недостатки показывающія слегка, для образца. Посему нужно довольствоваться теперь разсмо-

първиемъ общаго порядка и способа въ изложеніи предмета.

Глава III, Граммашика и средства къ познанію языка; IV, опредѣленіе Логики, понятія, сужденія и умозаключенія; V, о словахъ; VI, о предложеніяхъ; VII, объ источникахъ изобрѣшенія; пошомъ слѣдуютьдесяшь главъ о періодахъ и объ украшеніяхъ оныхъ, двѣ — о слогъ, XIX, общіе образцы крашкихъ сочиненій; XX и XXI, о хрѣхъ; XXII, о расположеніи крашкихъ сужденій чрезъ силлогизмъ; XXIII, о разсужденіяхъ длинныхъ, или о большихъ рѣчахъ.

По предназначенію Сочинителя (во II главѣ) Логика должна предшествовать Граммашикѣ; но приведено ли въ исполненіе расположеніе сіе, рѣшишь порядокъ главъ. Впрочемъ здѣсь Г. Профессоръ, можешь бышь, увлечень общимъ, доселѣ господствующимъ мнѣніемъ, что Граммашика предшествоуетъ Логикѣ въ преподаваніи. Но какимъ образомъ слова исключены изъ Граммашики, предметъ коей они всегда составляли, составляютъ и будутъ составлять? Какимъ образомъ Сочинитель прежде излагаееть источники изобрѣшенія, а пошомъ правила составленія періодовъ?

Примѣры, приведенные Сочинителемъ для объясненія источниковъ изобрѣшенія,

предполагають знаніе періодовъ; ибб каждый изъ нихъ естъ соединеніе многихъ сихъ послѣднихъ. И шакъ неужели сначала должно учишься соединенію періодовъ, а потомъ наполненію предложений, или составленію періодовъ? Неужели теорія наполненія предложений для того, кто въ состояніи распространять ихъ, какъ велятъ правила и какъ показывають примѣры въ главѣ объ источникахъ изобрѣшенія. Кспаша нѣсколько словъ о примѣрахъ: они или взяты изъ Русскихъ Писателей, или переведены съ иностранныхъ, и по бѣльшей части съ Лашинскаго языка. Первые, какъ въ этой, шакъ и въ другихъ главахъ прекрасны, а переводы съ Лашинскаго, кажешся, сушь памятники времени Тредьяковскаго; напримѣръ: „Сколь поржешственъ былъ день тотъ, въ который ты, предваряемый ожиданіемъ и желаніями народа, вступилъ въ сей гордъ преспольный! Уже сіе самое, что вступилъ пѣшешествуя, какого удивленія и радости было достойно!“ и шакъ далѣе. Или: „Я думаю, что самый шопъ, кошорый во время Германской брани изъ нѣдръ Испаніи призывалъ себя, какъ вѣрнаго защитника Державы, самъ предаваясь нѣгѣ и шерзаясь завистию къ чуждымъ доблестямъ, даже шогда, когда шребовалъ ихъ

„помощи, сей Государь не безъ спраха нѣ-
 „кого ощутилъ шакое удивленіе къ шебѣ
 „какимъ нѣкогда, по совершеміи“ и шакъ
 дадѣе. (Плиній въ Похвал. Сл. Тр.)

Въ IX главѣ собрано кое-что изъ того,
 что расшеряно изъ шрехъ предшествовав-
 шихъ.

Что до украшеній періодовъ, то не
 пора ли намъ перестать украшать ихъ
тропами и *фигурами* — хотя сіи и со-
 ставляють красосу рѣчи? Украшеніе, какъ
 родъ нѣкошораго искусства, должно совер-
 шаться по правиламъ, каковыхъ ни для
 шроповъ, ни для многихъ фигуръ положишь
 нельзя: они суть свободное безыскусст-
 венное изліаніе сильныхъ движеній души;
 во вшорыхъ шропы часто бывають раз-
 рушителями періодической формы, какъ
 напримѣръ, всякая метафора; въ шрешнихъ,
 иногда для составленія одной фигуры нужно
 соединить нѣсколько періодовъ. Но грѣшно
 шамъ искашь новаго, гдѣ не могушь ула-
 дить шараго и прешараго. Не будущъ ли
 періоды красивѣе, ежели Сочинитель *Воен-*
наго Краснорѣчія вздумаешь украсишь ихъ
 своимъ *ладнымъ* и *плавнымъ* печеніемъ и об-
 щими совершенствами слога? Наконецъ про-
 пушивъ многое, считаю нужнымъ спро-
 сить Г. Профессора: неужели онъ не нахо-

дѣшь различіа между *длинными* разсуде-
ніями и большими рѣчами? Довольно для
общихъ началъ, а собственно *Военное Кра-*
сноръчіе, для повѣрки, можно послашь на
шеатръ войны.

Показывашь неправильность, сбивчи-
вость, неопредѣлибельность и другіе недо-
сташки слога сей книги не считаю нуж-
нымъ, во-первыхъ пошому, что всякій чи-
ташель самъ по себѣ найдешь на каждой
спраницѣ рѣдкіе образцы *какофоніи*; во-
вторыхъ, пошому что прочитавъ *новую*
теорію слога, изложенную въ *Военномъ*
Красноръчій, не шолько считаю себя не-
вѣждою въ шомъ отношеніи, но даже не
имѣю надежды и исправішь сего моего не-
досташка; ибо изложенныя Сочинителемъ
(сверхъ общихъ) особенныя 73 качества
слога и 12 разъ повшоренное и проч., оши-
нимающъ всякую надежду познашь сію не-
обьяшность. Теорія сіа предполагаешь под-
робное знаніе всѣхъ странъ Свѣша и харак-
теристику всѣхъ народовъ, населяющихъ
Земной Шаръ; ибо между множествомъ под-
раздѣленій слога находяшся шакже различіа
оного *по странамъ*, *по состояніямъ* гово-
рящаго и даже *по мѣстамъ*, на кошорыхъ
говорішся. Въ шрешьихъ, пошому, что у
насъ подобныя разборы многими называющся

*

придиркою къ словамъ; въ четвертыхъ, боюсь показаться раскольниковомъ.

Впрочемъ въ обязанность себя вмѣняю съ подобающимъ почтеніемъ напомнить Г. Профессору, что первое и самое важнѣйшее условіе, относительно слога, въ учебныхъ книгахъ есть *опредѣлительность*, о соблюденіи кошорой онъ, кажешся, менѣ всего заботился, и для кошорой должно было жертвовашь всѣми прочими качествами слога, ежели бы они спали въ пропово-борствіе съ оною. Безусиѣшность многихъ у насъ Наукъ — источникъ предубѣжденій противъ оныхъ — происходитъ отъ господствующаго предразсудка, что *ясность въ учебныхъ книгахъ предпочитается всему*. Это желаніе бышь яснымъ, вводитъ въ Науку непроницаемую шму; пошому что понятія имени немногимъ извѣстныя, а часто совсѣмъ новыя, будучи выражаемы словами, всякому извѣстными и уже имѣющими опредѣленное значеніе, бывають понимаемы различно и по ббльшей части *криво*. Коль скоро каждое понятіе опредѣлено согласно съ природою его, а не съ обстоятельствомъ случайными, каждый предметъ называется вездѣ одинаково точнымъ опредѣленнымъ словомъ; шо книга будешь, ежели не ясна, до крайней мѣрѣ, удобопонятна. Учебныя

книги пишушь или для свѣдущихъ, или для желающихъ бытъ шаковыми, или для шѣхъ, и другихъ вмѣснѣ: первыхъ не остановишь мнимая темноша, коль скоро они видяшь, что всякая мысль выражена вѣрно и точно; а вторые, понявъ, при руководствѣ учителя, слова, поймушь и мысли, и никогда не могушь ни забышь, ни смѣшаешь съ другими сихъ новопріобрѣщенныхъ познаній. Определительность не имѣешь ни степеней, ни относительности, а ясность — понятие относительное и имѣешь безконечную постепенность. Сочинители учебныхъ книгъ, желающіе бытъ ясными, забывъ определительность, пригуждены бываюшь говоришь много; и вмѣсто того, чтооь остановишь вниманіе читателя, и заставишь его углубишь въ сущность истины, они занимаюшь его описаніемъ соприкосновенностей и по большей части случайныхъ, внѣшнихъ, свѣдовательно легко понимаемыхъ качествъ и частныхъ ея примѣненій. Неопытный читатель поздравляя себя обогащеннымъ новыми познаніями, осчаеешь шѣмъ же, чѣмъ былъ. Возьмемъ въ примѣръ изъ *Военнаго Краснорѣчія* изложеніе самой ясности слога. Сочинитель, распространяясь на шрехъ страничкахъ и опсылая еще къ другимъ главамъ, говоришь: чего ясность шреч

буешь, что для нея необходимо, что нужно, отъ чего зависишь, отъ чего происходишь, на чемъ основываешься и тому подобное; а въ чемъ она состоишь? — Отгадай, не скажу!

А. Н.

III.

ТЕХНОЛОГІЯ.

О ПИТАТЕЛЬНЫХЪ ВЕЩЕСТВАХЪ И ИХЪ СВЕРЖЕНІИ (*).

Животныя вещества, вообще, весьма питательны, особливо изъ животныхъ сощелачивающихъ и птицъ. Нѣкоторыя изъ рыбъ составляютъ исключеніе изъ этого правила; только это исключеніе зависишь или отъ сложения иныхъ недѣлимыхъ, трудно переваривающихъ эти вещества, или отъ какой нибудь особености въ самомъ животномъ, содѣлывающей его нездоровымъ; вообще же рыбы питательны. Но чѣмъ ниже спускающся въ классъ животныхъ, тѣмъ болѣе таковыя исключенія умножаются; и наконецъ, царство прозябаемое предша-

(*) Dictionnaire portatif de chimie, etc. Paris, 1824.

члаетъ уже только небольшое число питательныхъ существъ, а напротивъ содержишь въ себѣ много ядовитыхъ или нездоровыхъ для животной экономіи, кромѣ шихъ случаевъ, когда они даюцца въ малыхъ приемахъ для прошиводѣйствія болѣзнями.

Животныя четвероногія, всѣ безъ исключенія, какъ мы сказали, питательны; но мясо ихъ много разнится между собою во вкусъ и количествѣ питательныхъ началъ. Всякую часть эшихъ животныхъ можно употреблять въ пищу; самыя же питательныя изъ эшихъ частей вообще сушь: мясо, мышцы, перепонки. Молоко всѣхъ четвероногихъ употребляется въ пищу и почти всегда съ пріятностію. Мясо и прочія части спановашся жестче въ животномъ по мѣрѣ, какъ оно увеличивается, не только въ породахъ, но и въ разностяхъ одной и той же породы. Вообще, шѣ животныя недѣлимая, кошорыя имѣють лучшей и изобильнѣйшей кормъ, доставляють изъ себя и лучшую пищу, нежели питающіяся умеренно. Органы молодыхъ животныхъ содержатъ въ себѣ спудени болѣе, нежели органы животныхъ возмужалыхъ; въ послѣднихъ находится болѣе жидковашности (*fibrine*) и вышяжки. Слѣдовашельно, мясо

первыхъ слаще и нѣжнѣе; а у послѣднихъ — вкуснѣе и шверже. Качество мяса въ животиныхъ зависишь еще отъ ихъ пола: мясо самокъ припнѣе и мягче мяса самцовъ, у коихъ волокна бываюшь шверже и вкусъ грубѣе. Вліяніе дѣшородныхъ органовъ весьма замѣчательно: мясо самокъ спановишся нѣжнѣе, когда ихъ лишаютъ ячниковъ. Качество мяса зависишь и отъ пищи, копорю животиное пишалось; вообще, любовина жирныхъ животиныхъ предпочишаешся любовинѣ животиныхъ худо кормленыхъ; дикія животины не бываюшь, можешъ бышь, никогда слишкомъ жирными. Однако же искусственное опкармливаніе зашло уже слишкомъ далеко, такъ, что способъ опкармливанія быковъ масляными выжимками оставлень, поному что отъ этого сообщался ихъ мясу неприятный вкусъ. Время года также имѣешъ вліяніе на качество говядины и баранины, хошя и меньшее, нежели на прочіе роды пищи. Это вліяніе основываешся опчасти на кормъ, болѣе или менѣе сочномъ, копорый даюшь животнымъ, опчасти на периодическихъ перемѣнахъ, въ нихъ бывающихъ, а опчасти и на темперашурѣ. Мясо бываешъ лучшимъ въ первую часть года. Въ продолженіе первыхъ зимнихъ мѣсяцевъ животиное пользуешся еще всеми выгодами

хорошаго лѣшняго корма. Но попомъ вкусъ мяса его начинается уменьшаться опъ зимней пици, и весною оно уже худѣеть по недоспашку довольнаго корма. Быкъ и баранъ ни въ какое время не исключаются изъ споловъ нашихъ; но лучшими они бывають только въ Ноябрь, Декабрь и Январь. Свинина лѣшомъ не здорова, и бынаеть хороша только зимою. Олени самцы бывають весьма хороши съ Юня до начала Сентября; а въ это время происходишь у нихъ печка, и они спановяшся тогда испощалыми и худыми. Самки же вообще имѣють дурное мясо, когда кормяшь грудью или уже ошкормили.

Въ Англии и другихъ мѣстахъ скопъ убивається слѣдующимъ образомъ: сначала поражають скошину дубиною или обухомъ въ голову и попомъ перерѣзываютъ горло, чтобъ выпустишь кровь; но эшомъ способъ жестокъ и не безопасенъ: надобно сразить живошное на землю первымъ ударомъ, прочіе могутъ быть невѣрными и шрудными; и если оно не хорошо связано, то можеть сдѣлаться весьма опаснымъ. Лордъ Соммервиль старался ввести способъ убивашъ живошныхъ, раздѣля имъ хребетный мозгъ повыше нервовъ грудобрюшной преграды, какъ то упошребляється въ Варва-

ріи, Іспаніи, Португаліи, на Ямаикѣ и въ нѣкошорыхъ мѣстахъ Англіи. Г. Джексонъ говоритъ, что лучше всего убивашь молодыхъ быковъ, вонзая имъ острое орудіе въ хребешный мозгъ, опшъ чего они въ мигъ падають на землю, послѣ сего топчасъ же опкрыть имъ сердечныя аршеріи: но опшъ способъ неудобень, да и мясо живопныхъ, шакъ убишыхъ, бываешь черно и скоро порпится, вѣрояшно опшъ того, что изъ живопнаго не совсѣмъ хорошо выпускаешь кровь, ибо дѣйствіе сердца прерываешь прежде, нежели перерѣжущь шейные сосуды. Слѣдовашельно, кажешься, лучше убивашь ихъ перерѣзывая горло и выпуская кровь до смерти, какъ шо дѣлають съ пеляшами, свиньями, баранами и ягняшами. Живошныя, убившіяся случайно, какъ шо: упшнущія, задавившіяся, замерзшія, и проч., бывають не совсѣмъ здоровы; они разпашься опшъ убишыхъ обыкновеннымъ образомъ шолько въ шомъ, что изъ нихъ не была выпущена кровь; каковое обшпояшельство опношшсь и до шѣхъ живопныхъ, кои ловящься западнями, пенешами и шому подобнымъ, и умерщвляються шамъ собаками. На свѣшѣ не находиться пшпцъ, ни часпей или лицъ пшпцъныхъ, коихъ не можно бы было упошреблять въ пищу. Образъ кормленія

пшиць имѣешь вліяніе на вкусъ ихъ мяса: дикія пшицы бывають рѣдко жирными. Искусство откармливать пшиць состоитъ въ томъ, чтобы ихъ держать въ заперши и давать имъ изобильно здоровый кормъ. Водяныхъ пшиць, особенно гусей, не должно пускать на воду, ибо онѣ тогда не только не жиреютъ, но еще получаютъ непріятный вкусъ. Откармливаніе пшиць составляетъ значительный предметъ сельскаго хозяйства. Назначенныхъ для сего пшиць сажаютъ въ темное мѣсто и даютъ имъ тамъ весь сколько хошаютъ ячную кашу, смѣшанную съ бараньимъ саломъ и подслащенную сахарнымъ пескомъ: онѣ жиреютъ отъ этого въ двѣ недѣли. Если же ихъ держатъ тамъ долѣе, то онѣ погибаютъ отъ лихорадки, приключающейся отъ таковаго непрерывнаго обремененія желудка. Но пшицы, откармливаемыя такимъ образомъ, никогда не бываютъ ни столь вкусны, ни, вѣроятно, столь здоровы, какъ пшицы той же породы, но разжирѣвшія естественнымъ образомъ. Эпикурейцы всѣхъ вѣковъ мудрили въ выборѣ различныхъ пшичьихъ частей, и Древніе простирали эту чувственную разборчивость гораздо далѣе новѣйшихъ. Въ самомъ дѣлѣ мы уважаемъ пшичій гребешокъ, кулика и даже сокъ,

выпекающій изъ него во время жаренья, внушренности драхвы, зобъ, печенку гуся и ушачья лапы. Но мы знаемъ, что Римляне считали лучшимъ кускомъ спраусовы и попугаевы мозги и жирную гусиную печенку. Эта послѣдняя находится всегда въ большомъ уваженіи и сославляется въ нѣкоторыхъ провинціяхъ важную вѣшь сельскаго хозяйства. Способы, употребляемые для сего въ разныхъ мѣстахъ Франціи, описалъ подробно Соннини. Они заключаются въ увеличеніи печени. Для удовлетворенія прихотей вкуса, стараются направить всѣ жизненныя силы къ этому органу и произвести въ немъ родъ печеночной кахексїи. Въ Альзациі опкармливатель покупаетъ тощаго гуся, и сажаетъ его въ деревянный ящикъ, столь тѣсный, чтобы гусь не могъ шамъ двигашься; дно у ящика дѣлается рѣшетчатое, чтобы могли проходить испражненія. Въ передней части ящика находится пухота для гусиной головы, а пониже придѣлано корыщцо, въ коемъ всегда держится вода съ нѣсколькими кусочками древеснаго угля. Одного буассо маису дѣстапоччо для прокормленія гуся въ шеченіе мѣсяца, къ которому времени онъ шановишся довольно жирнымъ; около двадцать перваго дня примѣшивающъ къ маису

нѣсколько маковаго масла, и когда усмотряшь подъ крыльями кусокъ жиру или лучше замѣшашъ трудность дыханія, по значимъ, что настало время убить гуся, иначе онъ умеръ бы тогда самъ отъ жиру. Печень всыпъ отъ одного до двухъ фуншовъ, сверхъ того птица бываетъ весьма пріятна вкусомъ и доставляетъ, когда ее изжаряшъ, отъ трехъ до пяти фуншовъ жиру, употребляемаго для сдобленія снѣдей прозябаемыхъ.

Живошныя пресмыкающія мало употребляются въ пищу, и болѣе, какъ покажется, по причинѣ своего отвратительнаго вида, нежели непріятнаго вкуса, попому что самыя прихотливыя кушанья нашихъ споловъ часто берутся изъ этого класса. Кромъ зеленой черепахи, многія другія породы черепахъ, именно: *Graca Europea* и *Erox*, употребляются въ пищу. Говорятъ, что мясо послѣдней весьма вкусно, только не очень здорово; но это можешь быть одинъ предразсудокъ. *Lacerta scincius* (ящерица) весьма уважается обитателями Востока, какъ возбуждающее (aphrodisiaque) средство. Янца *игуаны* (ящерица) и болшей части черепахъ, даже шакихъ, коихъ мясо счисляется вреднымъ, *imbricata*, сушь пишашельны и пріятны. Мясо змьи *Coluber*

patrix ѣдятъ во многихъ мѣстахъ; самая даже ехидна, коей угрызеніе бываетъ ядовито, доставляетъ изъ себя весьма здоровую для шариковъ пищу. Изъ лягушекъ: *Rana esculenta* весьма уважается во Франціи. *Rana taurina* не уступаетъ черепахъ. *Rana bombina* хотя изъ рода жабъ, но употребляется во многихъ мѣстахъ въ пищу.

Во многихъ странахъ рыба составляетъ единственную или главную пищу жителей, кои отъ того получили названіе ихсіофаговъ, или рыбаодцевъ. Въ Сибири употребляютъ сушеную рыбу вмѣсто хлѣба. Лапландцы дѣлаютъ хлѣбъ изъ рыбьихъ костей; а Негры въ западной части Африки сушатъ одну породу рыбы, и сбиваютъ ее деревянными колошущками въ тѣсто. Приготовленную такимъ образомъ рыбу они берегаютъ во весь годъ, и ѣдятъ, съ рисомъ или другимъ хлѣбомъ. Неизвѣстно еще отъ чего рыбы спановятся ядовитыми; ибо это качество не принадлежитъ особенно какому нибудь роду или породѣ, но встрѣчается только въ недѣлимыхъ. Всякая рыба подозрительна, когда величина ея несовсѣмъ обыкновенна, или не имѣетъ рыбьяго запаха, или зубы у нея черные, или наконецъ серебро, съ нею вареное, почернѣетъ. Но всѣ эти признаки недословѣрны. Увѣряютъ,

что ядовитое качество разрушается отъ соленья, или употребляя въ пищу вмѣстѣ морскую воду, сокъ лимонный, сахарнаго проспника или сладкихъ папашовъ. Иногда увеличивающъ доброшу рыбьяго мяса особеннымъ способомъ, называемымъ *racolage*. Этомъ способъ былъ изслѣдованъ Г. Карлейлемъ и сосноишь, по словамъ его, въ нижеслѣдующемъ: „Если въ убитой рыбѣ еще не наспунили смершныя сжимающія корчи, то можно этомъ способъ произвешти съ успѣхомъ. Морская рыба, къ сему назначенная, обыкновенно убиваешся въ голову потчасъ, какъ скоро бываешъ поймана. Потпомъ разрѣзываютъ еѣ во многихъ мѣстахъ поперегъ и кладушь въ холодную воду; послѣ чего сжатіе, давшее этому способу названіе *racolage*, происходишь чрезъ пять минутъ; а въ большихъ рыбахъ бываешъ потшребно на оное иногда и шридцать минутъ. Для сжатія рыбы прѣсноводной, требуешся вода жесткая, которую и употребляютъ обыкновенно Лондонскіе рыбаки. „Г. Карлейль находишь, что отъ шаковаго сжатія увеличиваешся въ мышцахъ вѣсъ и плотность, такъ, что кажется, какъ будто бы вода въ нихъ вошла и шамъ сгустилась. Замѣчено, что это дѣйствіе усиливается вмѣстѣ съ живучестію рыбы. Изъ этого

видно, что способ сей состоитъ въ томъ, чтобы сначала замедлишь естественное сжатіе мышцъ, а потомъ, посредствомъ скорого прилитія холодной воды, возбудить его въ возможно-высшей степени, такъ, чтобы рыба получила нужную твердость и могла долѣе сохраняться; ибо надобно замѣнить, что твердость мяса означаетъ, что рыба свѣжа и порчишься не начинала.

Моллюски не составляютъ значительной пищи въ пицевопотребленіи, да и кушать ихъ небезопасно, особенно безчерепныхъ; если и ѣдятъ каракапицу и нѣкошорыхъ ножновокъ, то это не вообще. Гребенка, багрянка употребляютъ въ пищу простымъ народомъ въ Англіи. *Helix pomatia* (слизень) выводится и ошкармливается со спараніемъ жиителями Швейцаріи какъ предметъ роскоши, вывозимый соленымъ за границу. Нѣкошорые другіе изъ слизней также употребляютъ простымъ народомъ въ различныхъ странахъ въ пищу, и мы не знаемъ, можно ли ихъ считать вредными здоровью. Двучерепныя же вообще здоровы; и нѣкошорыя изъ нихъ долго были лакомствомъ для приходящихъ ѣдоковъ. Римляне посылавали за устрицами въ Англію;

а Англійскіе Епикурейцы лакомятся *Pholas dactylus* (каменшочецъ) съ береговъ Италіи.

Скорлуновашья живошныя средней величины вообще вкусны, и въкошорыя изъ нихъ даже весьма уважающся. Они принадлежашь обыкновенно къ роду рака, и соспавляюшъ породы корошкхвостыхъ и длинохвостыхъ. *Крабъ могнѣтый* одинъ изъ любимѣйшихъ во Франціи; *Cancer toepas* ѣдять въ Лондонѣ.

Насѣкомыя весьма мало употребляющся въ пищу; одну *саранчу* только ѣдять въ большомъ количествѣ, какъ свѣжую, шакъ и соленую. Такимъ образомъ она вознаграждаетъ собою опчасши опустошенія, ею причиняемыя.

Царство прозябаемое доставляетъ всѣмъ пищу; даже и нѣ живошныя употребляютъ оную, кои обыкновенно кормятся мясомъ. Однако же находятся множество растений вредныхъ: одни пошому, что неудобоваримы; другія пошому, что лишены питательныхъ веществъ, а инья наконецъ пошому, что ядовиты. Такимъ образомъ нельзя навѣрное употреблять въ пищу растений изъ породъ незнакомыхъ. Въ прозябаемомъ всѣ части его, какъ то: корни, шебля, почки, листья, цвѣшки, плоды,

сѣмена и все цѣлое растеніе идущъ въ употребленіе. Сѣмена новораслей, или злаковъ, по новѣйшимъ Ботаникамъ, составляютъ существенную часть пищи, почти во всѣхъ климатахъ.

О сбереженіи. — Снабженіе пищею подвержено' неправильностямъ. Слѣдовательно, сбереженіе избытка, производимаго однимъ временемъ года, чтобы избѣжать недостатка, бывающаго въ другое время, есть предметъ весьма важный. Вообще, органическія существа, по лишеніи жизни, претерпѣвають въ составѣ своемъ химическія переменны, болѣе или менѣе быстрыя, смотря по тому, какова ихъ природа. Первые измѣненія бывають различны почти въ каждомъ существѣ, но изъ нихъ происходятъ всегда два рода броженія, пребывающія, независимо отъ присущствія органическаго вещества, многихъ условій. Главнѣйшія изъ нихъ суть: извѣстная температура, значительное количество влажности и доступъ наружнаго воздуха. И такъ, препятствуя соединенію этихъ условій, или измѣняя ихъ, мы можемъ предотвращать или приводить въ порядокъ естественное броженіе. Родъ броженія въ существахъ зависитъ отъ ихъ состава; словомъ, можно замѣнить, что тѣ изъ нихъ, кои не содер-

жашь въ себѣ извѣстнаго количества азота, не могушь приходиться въ гнилое броженіе, но переходяшь поспешенно въ броженіе винное и уксуное, и разрушаюшься. Съ другой стороны тѣ, кои заключаюшь въ себѣ довольно азота, претерпѣваюшь только первое броженіе. Но находятяся и шакія существа, кои, содержа въ себѣ небольшое количество азота, претерпѣваюшь оба рода броженія. Большая часть растений употребляюшься свѣжими, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Растенія должны сберегаться раздѣльно, а не въ соприкосновеніи: иначе они скоро обнаруживаюшь особенный запахъ. Парей или селлери какъ разъ испорщашь корзику цвѣшной капусты или другихъ хорошихъ растений. Другое общее правило состоишь въ томъ, что не должно растений держашь или мышь въ водѣ, если не поспѣшь ихъ употребляшь, ибо опъ этого уменьшаешя въ нихъ душистость; но если они собраны уже давно, то должно почши всегда ихъ мочить прежде варенья, иначе они будушь жестки и не такъ пріятны. Надлежишь у растений, у коихъ видъ это позволяешь, опрѣзывать конецъ стебля и опускашь опрѣзанный конецъ въ воду; въ иныхъ случаяхъ бываешь хорошо погружашь въ воду все растеніе. Сочныя растенія дол-

жно сохраняшь въ мѣсцахъ холодныхъ, шѣ-
 ниспыхъ и сырыхъ, связанными въ пучкахъ,
 а не порознь, ибо они скоро дрябнушь и
 морщашся. Но если ихъ сберегаюшь въ боль-
 шихъ связкахъ и долго, шо обнаруживаешся
 въ нихъ пеплоша, а это есть уже начало
 броженія, измѣняющаго ихъ природу. Во
 многихъ случаяхъ, самымъ дѣйствительнымъ
 средствомъ бываешь недопущеніе испаренія.
 Картофель, рѣпу, морковь и другіе подоб-
 ные корни, никогда не надобно очищашь
 ошь земли, копорю они замараны; въ
 прошивномъ случаѣ, оборвушь вмѣстѣ съ
 землею маленькія волокна, и испареніе уве-
 личишся. Таковыя корни надлежишь сколь-
 ко можно болѣе сберегашь ошь царапинъ
 или другихъ пораненій, а лишвиные у рѣ-
 пы и моркови срѣзывать выше корня.
 Наконецъ, надобно ихъ предохраняшь ошь
 дѣйствія воздуха и мороза. Въ этомъ успѣ-
 ваюшь, зарывая ихъ въ землю или песокъ,
 или погружая въ воду, или прикрывая соло-
 мою. Дѣйствіе мороза весьма разрушитель-
 но: если онъ сидень, растеніе погибаетъ.
 Прозябеніе сѣмянъ превращаетъ ихъ крах-
 малъ въ сахаръ, какъ это видно въ приго-
 товленіи солода. Если, послѣ этой пере-
 мѣны, сѣмена бываюшь хорошо высушены,

то можешь еще сохранятья нѣсколько времени.

Зрѣлость плодовъ, хоша мало еще изслѣдовавшая, составляетъ, кажется, нѣкоторое измѣненіе того же свойства, по естѣ, что сахаръ образуется на счетъ прочихъ, плодовыхъ началъ, еще зеленыхъ. Искусство берегашъ шаковые плоды состоишь въ томъ, чтобы ошановишь или замедлишь въ нихъ эти перемѣны. Кажешя, что влажноть необходима къ разрушенію плодовъ: слѣдовательно, щашельное высушивание можешъ способствовать ихъ сбереженію; такъ сохраняюшя фиги, черносливъ, и проч. и проч. Но можно берегашъ плоды и безъ высушивания, если не допускашь до нихъ совершенно воздуха. Такимъ образомъ, смородина, вишни, сливы, собранныя довольно сухими, можешь берегашъ въ закупоренныхъ бушылкахъ, поставленныхъ въ землю вверхъ дномъ. Виноградные грозды можешь сохранятья въ связкахъ, замазывая шебельный ошрѣзь воскомъ, или закладывая ихъ въ сухой песокъ, опруби, опилки, просо и проч.; можно даже иногда берегашъ виноградъ въ водѣ.

Животныя существа, по пошеряніи жизни, имѣють примѣнное стремленіе къ гнилому броженію. Но прежде этого дѣйствія

въ нихъ совершаются разныя перемѣны, тѣсно связанныя съ нашимъ предметомъ. Послѣ смерти живошныя охлаждаются скоро или медленно, согласно температурѣ или существуемъ, съ которыми они находятся въ соприкосновеніи; вообще, это охлажденіе происходитъ медленно. По прекращеніи всякой раздражимости, мускулы окоченѣваютъ, начиная съ шиловища и пошомъ доходя до конечностей. Это дѣйствіе происходитъ весьма быстро у живошныхъ совершенно здоровыхъ, и напротивъ, довольно медленно у такихъ, кои умерли ошъ изнуренія и усладости. Члены оспаются въ шомъ положеніи, въ какомъ смерть ихъ застигла: а пошому мясники стараются располагать члены сколько можно лучше, когда еще они мягки. Пока эта окоченѣлость продолжается, мясо бываетъ жесткимъ и дряблымъ; для шила не годится, хотя пишашельно и весьма пригодно для бульона. По прошествіи же окоченѣлости, мясо скоро подвергается химическимъ перемѣнамъ, оканчивающимся гніеніемъ: а пошому, въ домашнемъ хозяйствѣ весьма нужно наблюдать, чшобъ всякое мясо находилось въ среднемъ состояніи, когда употребляютъ его въ кушанье; ибо никакое знаніе въ поваренномъ искусствѣ не можешь вознаградишь пренебреженія этого

обстоятельства. Кушанье, въ которомъ мы можемъ открыть малѣйшую степень гнилости, достигло своего предѣла (maximum) *нѣжности*, и должно быть употребляемо безъ ошлагательства; но прежде этого состоянія, которое бываетъ иногда вреднымъ, степень нѣжности можешь быть познаваема по большей или меньшей удобности, съ коюрою мясо подается опъ давленія въ него пальцемъ. Главнѣйшія средства къ предупреденію броженія въ органическихъ существахъ суть: пониженіе температуры, высушиваніе, недопущеніе воздуха и дѣйствіе многихъ веществъ, называемыхъ прошивугнилоостными. Вообще эти средства употребляются совокупно; однако же мы войдемъ въ нѣкошорыя подробности о дѣйствіи каждаго изъ нихъ въ особенностяхи, и покажемъ ихъ приложенія къ царствамъ прозябаемому и животному.

Умѣренное пониженіе температуры дѣйствуетъ на живущія шѣла шѣмъ, что замедляетъ въ нихъ дѣйствія жизненное и химическое: пониженіе температуры способно заморозить соки и жидкости въ шѣлахъ органическихъ, уничтожитъ жизнь, превратитъ воду въ ледъ, и шѣмъ удалитъ одно изъ существеннѣйшихъ условій химическаго дѣйствія. На мершвыя органическія суще-

спва, уменьшеніе шемперашуры дѣйствувешъ двояко, или предошвращая или замедляя оное дѣйствіе. Предохранительное свойство холода весьма важно для сѣверныхъ народовъ, кои могутъ чрезъ шо весьма удобно запасашься припасами, для зимняго своего продовольствія: такъ напримѣръ, на Петербургскихъ и Московскихъ рынкахъ бываешъ великое множество разнаго мяса, пшицъ и рыбъ замороженныхъ. Эшу выгоду имѣютъ всѣ сѣверныя страны. Для распашія замороженныхъ припасовъ нужны нѣкоторыя предосторожности. Мясо, кошорое, хошашъ употребляшъ, разрубашь или разрѣзывается на части и кладешь въ холодную воду, гдѣ скоро распашивашь; но если положишь его для сего въ горячую воду, шо оно пошеряешъ большую часть своихъ соковъ, и будетъ въ кушаньѣ не сшодъ вкусно, какъ первое. Если бы начали варить мясо нераспашившее, шо оно снаружи бы перепрѣвало, а внутри ошавалось бы сырымъ или даже мерзлымъ.

Вшорой общій способъ ошанавливашъ броженіе состоишъ въ высушиваніи или лишеніи шой степени влажности, кошорая необходима для шшого рода химическаго дѣйствія. Высушиваніе производишъ посредствомъ воздуха, кошорый уносишъ

влажность у шѣлъ, подверженныхъ его дѣйствію. Гелюссакъ нашелъ, что соки растений и животнохъ никогда не приходили въ броженіе, когда не было къ нимъ доступа кислорода, и что во всѣхъ случаяхъ это броженіе начиналось отъ соприкосновенія съ симъ газомъ. При высушиваніи онъ превращается въ свемъ объемъ въ угольную кислоту, и всякое послѣдовательное дѣйствіе прекращается. По этому способу издавна сберегаются припасы въ хозяйствахъ. Нынѣ ничего проще, какъ средство Г. Раффальда сберегать зеленый горохъ, и проч. и проч.: онъ кладешь его въ чистую, сухую бушылку, зашываешь пробкою, завязываешь пузыремъ и относишь въ сухое и холодное мѣсто. Можно также наполнять бушылки сначала кислымъ сѣрноватымъ газомъ, держа ихъ опрокинутыми надъ горящею сѣрою. Это дѣлается для того, чтобы изгнать изъ нихъ и малѣйшее свободное количество кислорода. Успѣхъ этого способа будешь вѣрнѣе, когда положенныя въ бушылки вещества подвергнешь жару: для сего, ихъ или кладешь въ мѣдный кошель съ горячею водою, держа ихъ въ ней до того, какъ они сквозь разогрѣются, или сплавяшь въ нечъ, по вынуженіи хлѣбовъ, пока уменьшаются на четвертую долю.

Животныя существа бывали также по долгу сберегаемы, когда их предохраняли отъ соприкосновенія съ воздухомъ. Самый примѣчательный для сего примѣръ состоитъ въ намазываніи масломъ яицъ, отъ чего скважины на нихъ закрываются, и воздухъ не можетъ болѣе проходить сквозь нихъ и прикасаться къ зародышу; намазываніе масломъ лицо лучше всего исполняется по снесеніи, когда оно еще теплое; такимъ способомъ лицо сохраняется долго свѣжимъ; но какой бы впрочемъ ни былъ промежутокъ времени, между снесеніемъ лица и намазаніемъ его масломъ, разверзаніе въ немъ оспанавливается. То же самое производяшь, только не столь совершенно, удерживая лицо подъ водою. По опыту Реомюра, кажется, что лишеніе воздуха не только не убиваетъ въ яицъ зародыша, напротивъ онъ сохраняется долѣе, нежели безъ употребленія сего способа; эпошъ Ученый покрылъ лица лакомъ, и увѣрился, что они могли чрезъ два года произвести цыплятъ, когда съ нихъ лакъ оспорожно сняли.

Сбереженіе живыхъ существъ, чрезъ недопущеніе къ нимъ воздуха, было извѣстно давно; однако же Г. Алперъ сдѣлалъ правильное и ученое приложение способовъ, коимъ должно слѣдовать, когда про-

изводство дѣлается въ большомъ видѣ; онъ убѣдился опытами:

1-е. Что огонь имѣеть не только особенное свойство измѣнять соединеніе между сославными частицами распеній и живописныхъ, но и замедляеть по крайней мѣрѣ на многіе годы, если не вовсе разрушаеть, естественное стремленіе сихъ существъ къ разложенію.

2-е. Что всѣ вши существа, посредствомъ огня, различно къ нимъ приложеннаго, и лишениемъ сколько возможно всякаго соприкосновенія съ воздухомъ, сохраняють свои природныя качества.

По симъ началамъ, онъ придумалъ различныя способы къ сбереженію, согласно природѣ существъ, кои желають сберечь; но вошь главныя условія: 1-е, существо, назначенное къ сбереженію, положишь въ бушылку; 2-е, бушылку закупоришь съ величайшимъ стараніемъ; ибо на этомъ основывается успѣхъ сего производства; 3-е, закупоренную бушылку подвергнушь дѣйствію кипящей воды въ марьиной банѣ въ продолженія долгаго или короткаго времени, смотря по природѣ существа; 4-е, по испеченіи того времени, бушылку изъ марьиной бани вынушь.

Г. Апперъ упошреблялъ для сего сначала стеклянныя сосуды; но какъ ихъ шрудно закупоривашь герметически, особливо при значительномъ ошверзшии, по нынѣ онъ упошребляешь оловянныя цилиндры, кои, по наполненіи, запаиваешь. Это средство необходимо для сбереженія живошныхъ существъ, пребующихъ большаго старанія, нежели прозябаемыя. Оловянныя сосуды были, кажется, упошребляемы въ Лондонѣ Гг. Донкиномъ и Гамблемъ. Всякое живошное вещество, говядина, шеляшина, баранина, птицы, супы, бульоны, распенія, сливки и пирожное, все можешь бышь сбережено помощію этого средства.

Соленіе производится или напирая солью существо сухое, или погружая его въ рассоль. Первымъ способомъ существо сохраняется долѣе, но доброшою бываешь хуже; сберегаемое же вторымъ способомъ, оно бываешь нѣжнѣе и пишательнѣе. Шестъ фуншовъ (*) соли, фуншъ сахару и чешвершъ фунша селистры развариваюшся въ шридцаши пинтахъ (**) воды; по сняшii пѣны и охлажденіи, выходишь изъ этого весьма крѣпкій

(*) Французскій фуншъ составляетъ нашихъ пшчи $114\frac{7}{10}$ золотниковъ.

(**) Нашихъ 40 бушмылокъ, или $2\frac{1}{2}$ ведра.

разсолъ, для сохраненія мяса. На положенное въ разсолъ вещество кладушь гнесь, чшобъ оно было въ разсолъ погруженнымъ. Можно снова упошребляшь шось же разсолъ, переваривая его съ новою солью, чшобъ возврашшь ему силу, которую онъ поперялъ чрезъ присоединеніе часши своей солкосши къ лежавшему въ немъ веществу, и чрезъ вышедшій изъ сего послѣднаго и смѣшавшійся съ разсолдомъ сокъ. Посредствомъ варенія, бѣлокъ, кошорый испоршилъ бы разсолъ, свершывается и поднимается пѣною, кошорую надлежишь щцашельно снимашь.

Сухое соленіе производится чрезъ напшираніе и покрываніе сберегаемаго существа солью. Рыба можеть шакже сберегашься сухимъ и жидкимъ соленіемъ: первый способъ упошребляешь въ большомъ видѣ на островахъ Шешландскихъ (*).

Голландцы получають большія выгоды отъ своего превосходнаго соленія сельдей, ловимыхъ у береговъ Англїи. Они упошребляють соль Испанскую и Поршугальскую; бросають всякую рыбу, кошорой не могушь вычисшишь при солнцѣ; шсарають

(*) У насъ въ Россїи много соляшь шакимъ образомъ, особенно рыбу на Волгѣ, Уралѣ и др. м.

ся сами особенно о разборъ рыбы; каждую бочку наполняютъ одинаковою пороною; на ночь печашаютъ и чрезвычайно рачительно наблюдають за разсолемъ.

Часто сберегаютъ сельдей и семгу посредствомъ копченія, то есть, высушивая ихъ въ древесномъ дыму, напередъ слегка посоленные.

Коровье масло сберегаютъ обыкновенно также солениемъ, распуская въ немъ одну или двѣ унціи соли на фуншъ масла (*). Соль надлежитъ къ сему употреблять хорошо высушенную и крупно-смолотую. Г. Андерсонъ предлагаетъ, для сбереженія сего масла, употреблять смѣсь, состоящую изъ двухъ чашей хорошей соли, одной — сахару и одной — селистры, мелко истертой. Этой смѣси довольно класть по одной унціи на фуншъ. Г. Андерсонъ увѣряетъ, что масло, посоленное такимъ образомъ, приобретаетъ чрезъ двѣ недѣли пріятный вкусъ и столь мало отзывается солью, что нельзя подуматъ, чтобы оно было долго береженное. Онъ говоритъ, что видѣлъ двѣдцать большее масло совершенно береженное и вкусомъ пріятное.

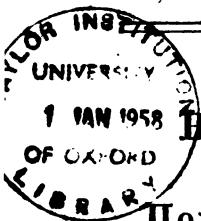
(*) Фуншъ содержитъ въ себѣ 16 унцій.

Посредствомъ хорошаго уксуса можно также сберегать мясо, рыбу и зелень; къ тому прибавляють соль и пряности. Недавно предложили къ сбереженію животноныхъ существъ употреблять древесную кислоту.

Сбереженіе посредствомъ сахара составляетъ одну изъ главныхъ вѣтвей кандиторскаго искусства; производство это требуетъ довольно мелочныхъ условій, изъ коихъ мы замѣнимъ главнѣйшія: прозябаемыя могутъ сберегаться въ сиропѣ или леденцѣ; или же сокъ ихъ можетъ быть употребленъ на дѣланіе сироповъ, желеевъ, и проч. Кандиторское искусство трудно, и для успѣха въ немъ требуются предосторожности, кои можно считать какъ бы пустыми, но кои опытомъ признаны за необходимыя. Сахаръ составляетъ также сильное противугнилостное средство и для животныхъ веществъ. Испысывали также сберегать существа и другими способами, но это было болѣе предметомъ любопытства, нежели пользы. Свойство угля освѣжать загнившіяся существа, было сначала замѣчено Г. Ловицемъ въ Петербургѣ, *Annales de Crell*, 1786; онъ производилъ многіе опыты по этому предмету. Для получения успѣха нужно, чтобы уголь, былъ

свѣже-выжженный, и чтобы онаго употреб-
лялось определенное количество: меньшее —
препятствовало бы дѣйствию; излишекъ —
измѣнял бы природу сберегаемаго существа.
Нѣкошорые Авшоры полагали, что уголь
дѣйствуетъ въ семь случаевъ механически,
всасывая гнѣющія жидкости; но, вѣрояннѣе,
что онъ всасываетъ химически, вбирая въ
себя кислородъ, находящійся въ соприкосно-
веніи съ существомъ.

Перев. С. Усовъ.

IV.

НОВАЯ ИСТОРИЯ.

Походъ Наполеона въ Египетъ.

*Отрывокъ изъ сочиненія Г-на Жюмкк: Vie politique
et militaire de Napoleon; T. I. Chap. IV. (Жизнь
Наполеона въ политическомъ и военномъ отношеніи,
Ч. I, Гл. IV.)*

Положеніе Англичанъ въ Индіи. — Египетскій походъ. —
Взятіе Мальты. — Вшествіе Французовъ въ Александрію. —
Сраженіе близъ Пирамидъ. — Взятіе Каира. — Абукирское
морское сраженіе. — Дессе покоряетъ Верхній Египетъ. —
Сирийская экспедиція — Возвращеніе въ Египетъ. — Турки
дѣлаютъ высадку въ Абукиръ, и разбиши. — Наполеонъ воз-
вращается во Францію.

Затруднительное положеніе мое въ Парижѣ.

Почести, съ коими былъ я принятъ въ
сшодлицъ, по возвращеніи моемъ изъ Италіи,

(говоритъ Наполеонъ) сдѣлали бы гордыми самаго скромнаго, и храбрыми самаго нечестнолюбиваго чловѣка. Я легко предвидѣлъ, что во Франціи могу всего достигнуть; во не менѣе того время, чшобъ воспользоваться вполне народною ко мнѣ привязанностію, еще не пришло: надлежало дождаться совершеннаго паденія Директоріи. Хотя Франція и провозгласила меня своимъ героемъ, но этого еще недостапочно, чшобъ сдѣлаться главою Государства: должно было спасти и возобновить оное.

Скодь бы сильны ни были права мои на благодарностъ народную, но они не уполномочивали меня къ низпроверженію успановленнаго правленія, кошорому обязанъ я былъ скорымъ повышеніемъ моимъ и даже частію пріобрѣтенной мною славы: надлежало дождаться, чшобъ оное разрушилось ошъ собствивенной неспособности и несчастій, навлеченныхъ имъ на Францію; тогда шолько я могъ бы явиться на сцену, какъ избавитель опечесства. Зная, съ кѣмъ имѣю дѣло, я ни мало не сомнѣвался, чшобъ оное рано или поздно не случилось; для этого спонло шолько оставивъ жалкихъ Членовъ Директоріи самихъ распоряжашься; ибо, не говоря даже о неспособности ихъ, порядокъ вещей былъ шаковъ, что оный не могъ

быть продолжителемъ: или Директорія покусилась бы на свободу, ласкаясь присвоить Дикшашорство, такъ какъ Комитетъ общесшвеннаго блага, или была бы она сама погложена анархіей, такъ, какъ Исполнительный Совѣтъ 1792 года; въ обоихъ предположеніяхъ паденіе оной было неминуемо.

Происхожденіе Египетской войны.

Не смотря на то, положеніе мое, въ ожиданіи сего происшествія, было весьма затруднительно: мнѣ данъ былъ весьма пышный, но ничтожный титулъ Главнокомандующаго арміи, назначенной противъ Англичанъ. Грозное намѣреніе сіе не могло навлечь страха на Лондонскій Кабинетъ; ибо для исполненія онаго ничего не было изговорено; одно, что можно было сдѣлать, послать въ Ирландію 20,000 или 30,000 человекъ; конечно предпріятіе сіе было бы весьма выгодное, но оно ни мало не согласовалось бы съ жонми личными видами.

Я былъ уже слишкомъ значительенъ для того, чтобы жить въ Парижѣ безъ дѣла. Хотя похвальные восклицанія Директоріи были согласны съ восклицаніями цѣлой Франціи, но я зналъ, что тайно Ребель и Мерленъ желали мнѣ зла; подъ предлогомъ зависимости властей, обвиняли они меня

въ шомъ, что я рѣшился дѣйствовать самъ собою; они упрекали меня, что я вошелъ въ переговоры съ Австрією, вмѣсто того, чтобъ идти на Вѣну, что по ихъ мнѣнію обезпечило бы надежды на революцію Германіи, и дало бы Ребелю удовольствіе устроить какія нибудь демократическія Республики на развалинахъ Священной Имперіи; они говорили также, что это было бы самое надежное средство для утвержденія ихъ правъ и владычества Франціи надъ всеми ея сосѣдями. Они не рассчитывали того, что въ Государствѣ, какова Австрійская Имперія, нельзя произвести возмущенія такъ же легко, какъ въ Римѣ или въ Миланѣ, или лучше сказать, они не знали, что изъ народовъ, подвластныхъ Вѣнскому Кабинету, никто менѣе не былъ согласенъ съ начертаніемъ ихъ мнимыхъ правленій.

Пронырливья ругательства, которыми упошребляли они, взволновали меня. Необходимо должно было рѣшиться на что нибудь, ибо всякой день самыя прошивуположныя партіи меня осаждали: то агенты роялистсовъ, старались доказать мнѣ невозможность республиканской системы во Франціи, и возбудить во мнѣ желаніе возстановить Монархію; то самыя ревностныя сообщники Республики приходили жа-

ловаться на покушенія Дирекшоріи прошивъ свободы, надѣясь найши во мнѣ новаго Гракха; и шакъ я долженъ былъ или рѣшиться на заговоръ прошивъ Дирекшоріи, или дѣйствоватьъ съ нею совокупно. Я еще не имѣлъ намѣренія дѣлать перваго, и не хотѣлъ уже болѣе дѣлать втораго. Благоразуміе шребовало удалишься, но удалишься съ блескомъ.

Я зналъ, что долженъ непременно обратишь на себя вниманіе, дабы ошпашься на виду, и для шого упошребишь самыя необыкновенныя средства, ибо людямъ нравиться, чшобъ ихъ удивляли.

Я получилъ нѣсколько безымянныхъ писемъ, прекрасно сочиненныхъ, въ коихъ предупреждали меня въ шрудности роли, которую гошовиася я играшь во Франціи. Въ одномъ изъ нихъ совѣшвовали мнѣ основать для себя Государство въ Италіи, какъ Дюмурье, кошорый имѣлъ намѣреніе сдѣлать шо же въ Голландіи; но увѣришь меня было не легко: даде буду я разбирашь подробно сіе предложеніе.

Во время Кампо-Формійскихъ переговоровъ, говорилъ я весьма ошвлеченно о видахъ моихъ на Египецъ, съ кошорыми и Таалейранъ былъ шакже согласенъ; но шогда не рѣшался я взять на себя исполненіе сего

предпріятія; по возвращеніи же моемъ, предложилъ я привести проектъ сей въ исполненіе: онъ могъ имѣть весьма важныя послѣдствія, и этого было достаточно, чтобы я нашелъ его достойнымъ себя. Легко понять, что большая часть Директоровъ, коихъ я помрачалъ, приняли съ восторгомъ предложеніе, избавляющее ихъ отъ соперника, страшнаго народною привязанностію.

Они были въ восхищеніи, видя, что я добровольнымъ удаленіемъ моимъ совершенно содѣйствую ихъ видамъ.

Нѣкоторые изъ людей Государственныхъ хотѣли удержать меня, давая мнѣ понять, что я, по силѣ обстоятельствъ, содѣлаюсь душою происшествій. На это отвѣчалъ я, что время еще не пришло, и что я опправляюсь, дабы заслужить еще болѣе права на ихъ довѣренность.

Мы не имѣли подробныхъ познаній о происшествіяхъ на Восхокъ; ибо потеря Пондишери и затрудненія, въ коихъ находилась Республика, уничтожили въ ней даже желаніе заниматься ими; но мы весьма хорошо знали, что Типоо-Саябъ, глава Мизорской Имперіи, основанной Гидеромъ-Али, подкрѣпляемый Франціей предлагалъ въ 1788 году Лудовику XVI изгнать Англичанъ изъ Индіи, если только Франція со-

гласишя дашь ему подкрѣпленіе, состоящее изъ 8,000 Европейцевъ, съ достаточнымъ числомъ офицеровъ, для управленія его войскомъ. Лудовикъ XVI, занятый собственными безпокойствами, не принялъ предложенія, которое затруднило бы его войною на морѣ въ то время, какъ онъ угрожаемъ былъ революціей. Мы знали также и то, что Англичане, въ наказаніе Типоо-Саибу за сіе предложеніе, возмутили Низамъ прошивъ него, и осадивъ его въ Серингапатамъ, въ 1792 году, заставили заключить договоръ, по коему лишился онъ немалой части своихъ владѣній; и пошому съ тѣхъ поръ весьма естественнo было надѣяться на подпору Султана Мизорскаго. Намъ также было не безызвѣстно и то, что Марашшы, хотя и враги Могольскаго и Мусульманскаго поколѣнія, не любящъ однако же и Англійской Компаніи, и что въ нихъ можно найши начало весьма сильнаго союза.

Такъ какъ необходимо знашь настоящее состояніе Индіи, чтобы дашь совершенную цѣну Египетскому походу, то и начнемъ мы нѣсколько издалека.

Состояніе Индостана.

Ташарскій Князь Ауренгъ-Зебъ, современникъ Лудовика XIV, распросстраняя за-

воеванія своихъ предковъ, основалъ посреди Индіи, Могольскую Имперію, которой населеніе простиралось до 50,000,000 ч. Государство сіе, имѣющее 900,000,000 фр. доходу и войско, состоящее въ случаѣ нужды изъ 800,000 ч., раздѣлено было на большое число провинцій, управляемыхъ Субабами и Набабами.

Завоеватель сей умеръ въ 1707 году, и шаково бѣдственное состояніе сихъ деспотическихъ поколѣній Воспока, что не прошло еще сорока лѣтъ, какъ наследники его съ одной стороны, принужденные воевать съ подданными своими, съ другой осажденные Персіянами, подъ начальствомъ ужаснаго Тахмасъ-Кульхана, и, наконецъ, шревожимые Марашшами, принуждены были просить помощи Европейцевъ, уступая имъ нѣсколько провинцій.

Весьма трудно сдѣлать удовлетворишельное начертаніе всѣхъ низпроверженій, послѣдовавшихъ одно за другимъ, на полуостровѣ Ганга, въ теченіе послѣдняго полу столѣтія: революціи сіи, имѣющія совершенно особый характеръ, принадлежатъ болѣе къ числу Арабскихъ сказокъ, нежели къ Испоріи. При возвышеніи или паденіи многихъ мелкихъ деспотовъ, перемѣняли безпрестанно границы владѣній; но изъ

раздоровъ сихъ можно составивъ цѣль главныхъ происшествій, чтобы дать понятіе о состояніи Индіи, во время первыхъ войнъ революціи и того, въ которое я занялся ею.

Только въ срединѣ 18 столѣтія почувствовала Англійская Компанія всю цѣну системы искуснаго Дюпле, которую хотѣла она распространить на Францію, и приняла въ первый разъ участіе въ спорахъ Князей Индійскихъ.

Здѣсь такъ же, какъ и въ Европѣ, политика Бришанская *прибѣгала къ раздорамъ для владычества*. То искусно поддерживая Индійскихъ Князей противъ Мусульманъ Могольскаго поколѣнія, то воюя съ ними послѣдними прѣдвивъ шугемцевъ, когда только казались они ей слишкомъ сильными, Общество сіе умѣло присвоить себѣ поспешно лучшія части земли защищаемыхъ ею народовъ, такъ же, какъ и враговъ своихъ.

Во время Французской революціи пять главныхъ Государствъ составляли Индію; изъ управляемыхъ Мусульманскими Князьями были слѣдующія: на югѣ, Мизоръ, подъ начальствомъ Типоо-Самба; на сѣверѣ: Моголія, принадлежавшая лишь по имени Шахъ-Алуну, но гораздо болѣе зависѣвшая отъ его верховныхъ чиновниковъ. Далѣе на сѣверѣ

царствовалъ Земанъ-Шахъ, надъ Афганями, жителями Кандагара и Кабула. Подъ Королевства сего находилось Белучистанское Государство, коего жители были страшны по своей суровости.

Наконецъ, въ центрѣ полу-острова лежало Государство Мараштовъ, коего основателемъ былъ Севажи (Sevagi), Индѣйскій Князь, который, умѣвъ удержать владѣніе Сашарахскаго Королевства, присоединилъ къ оному большую часть завоеваній, сдѣланныхъ Могольцами въ Деканѣ. Вскорѣ послѣ его смерти, всѣ мелкіе подвластные Князья опложились отъ зависимости наслѣдовавшихъ ему великихъ Раджей, коихъ власть, постепенно ограничиваясь, удержала лишь крѣпость Сашарахъ. Пейшва, первый Министръ его, какъ будто продолжая признавать права сей фамиліи на престолъ, присвоилъ себѣ неограниченную власть въ западной части полу-острова, гдѣ и основалъ онъ Пунахское Королевство. Мадай-Синдія послѣдовалъ также его примѣру на сѣверѣ и воспокъ. Искусный мужъ сей, побѣдивъ войско Измаиль-Бега, и помогая Шахъ-Алуну прошивъ жестокаго Голаемъ-Кадира, умѣлъ возстановить прежнее первенство Мараштовъ въ Моголіи, и совершенно овладѣлъ верховною властію, подъ име-

немъ Императора, коему въ наслѣдство всѣхъ колоссальныхъ владѣній Ауренгъ-Зеби, оставилъ онъ лишь дворець и небольшой доходъ.

Мадай-Синдія въ дѣйствіяхъ своихъ вспомоществуемъ былъ Европейскимъ корпусомъ, или лучше сказать, корпусомъ успроеннымъ и обученнымъ по-Европейски, стараніями одного Савоярскаго офицера де Буаня (de Voigne). Знаменитый Марашъ сей умеръ въ 1794 году; племянникъ его Давлущъ-Ровъ, неподучившій въ наслѣдство дарованій дяди своего, слѣдовалъ однако его системѣ: онъ сохранилъ первенство надъ Моголіей, и даже въ 1796 году распрошился оное надъ владѣніями Пейшвы, возведя на престолъ Пунахскій Бадже-Рова, кошораго держалъ онъ совершенно подъ своейзависимостью. Генералъ Пейронъ наслѣдовалъ де Буаню въ командованіи войсками Синдіи, состоявшими изъ пяти бригадъ, успроенныхъ по-Европейски и изъ 34,000 пѣхоты, прекрасно обученной, не считая весьма большаго числа конницы.

Третье Марашское владѣніе, управляемое Раджею Беррарскимъ, лежало на сѣверѣ ошъ Декана; хотя и было оно слабѣ прочихъ, но принадлежало къ числу старѣйшихъ членовъ конфедераціи. Семейство Гоа-

кара, царствовавшее въ Мальвъ, и множество другихъ подвластныхъ Князей, независимыхъ отъ оной, имѣли каждый диагирь, или родъ опредѣленныхъ доходовъ.

Изъ сего видно, что Марапскій народъ составлялъ многочисленную конфедерацію, довольно похожую на Германскую Имперію, отъ которой отличалась она только слабостію постановленій главныхъ Государствъ составлявшихъ оную, или, лучше сказать, безпрестанными перемѣнами, происходившими во внутреннемъ устройеніи оныхъ отъ образа правленія и нравовъ Восточныхъ. Въ Индѣйской конфедераціи представлялъ изъ себя дѣйствительно странное зрѣлище, великій наследственный Раджа, владѣвшій обширными областями безъ всякой власти, и окруженный двумя главными чиновниками, которые, не довольствуясь тѣмъ, что сдѣлали мѣста свои наследственными, сверхъ того безстыдно раздѣляли между собою Государство, управленіе коего было имъ поручено.

Еще болѣе былъ достоинъ сожалѣнія Императоръ Могольскій, который, раздавая короны, ни одной изъ нихъ не могъ удержать на своей головѣ, ибо онъ былъ, такъ сказать, Государь безъ подданныхъ; деспотъ, неспособный заставить себя

повиноваться, онъ продавалъ временщикамъ право пользоваться неограниченною властію въ его владѣніяхъ; онъ находился въ нуждѣ, между шѣмъ какъ всѣ Индостанскія монеты чеканились съ его изображеніемъ, и щеславился шѣмъ, что имѣеть данниками великихъ Государей, къ щедрости коихъ приужденъ онъ былъ однако прибѣгать, для собственнаго своего содержанія.

Тонкость Лорда Клейва, глубокой махіавелизмъ Гаспингса и мудрость Лорда Корнваллиса спремилась, одно послѣ другаго, доставившъ Англійской Компаніи наследственное право вмѣшиваться въ ихъ запутанные виды, и подѣ личиною правосудія всхлупаться въ ихъ распри. Она всегда являлась посредницею, и основываясь на договорахъ, помогала слабому, чтобы послѣ раздѣлишь съ нимъ добычу того, который могъ бы сдѣлаться ей страшнымъ; такимъ образомъ, съ помощію Марашповъ и Низама, покорила она въ 1792 году Типоо-Сачба, коему никогда не могла она простить предложенія, сдѣланнаго имъ Лудовику XVI, изгнать ее изъ Индіи.

Два года спустя, Марашпшъ напали на Низама съ войскомъ, состоявшимъ изъ 200,000 чел., и разграбили его области, въ то время, какъ Англійская Компанія, подѣ по-

кровишельствомъ коей находились оныя, безпечная опъ своихъ успѣховъ, не подумала даже подать имъ руку помощи. Низамъ, недовольный симъ поведеніемъ Англичанъ, или, бышь можешь, искавшій освободиться опъ ихъ владычества, поручилъ одному офицеру, по имени Раймонду, устроить ему на Европейскій образецъ войско, состоящее изъ 15,000 человекъ, и опредѣлить на содержание онаго доходы одной весьма богатой провинціи.

Намѣренія Султана Мизорскаго. — Безпечность Франціи.

Типоо-Саибъ, послѣ несчастнаго Серингапашнамскаго договора, по коему лишился онъ половины своихъ владѣній, дышалъ лишь мещью. Франція, раздираемая безначаліемъ, и приведенная въ уныніе потерей Пондишери, казалось, совершенно потеряла изъ виду выгоды, копорыя могла она извлечь изъ ненависти Индосстана къ Ангійской Компаніи. Она не подумала послать шуда ни кораблей, ни войскъ, и даже судя по безпечности Губернапоровъ Ильде-Франса, можно было бы заключишь, что они совершенно забыли о существованіи двухъ полу-острововъ Ганга. Одинъ Трюге, въ концѣ 1796 года задумалъ вспомо-

щесшвовашь Султану Мизорскому. Мннспрь сей, въ проектѣ своемъ, предлагаль сосшавншь нѣсколькo башаліонѣвъ изъ Негровъ, для поспояннаго пребыванія въ планшацияхъ; но планъ сей никогда не былъ даже и предпрннншь, ибо, чшобъ успншь въ ономъ, надаждало бы смѣшашь ихъ со спарыми солдашамн, а республиканское правленіе и не покушалось даже никогда послашь шуда хошя небольшой отрядъ войска.

Нѣсколькo бродягъ едва не успѣли на счешь пользы колоній въ шомъ, чшо было упущено слабостію Лудовика XVI и неопышношю Комишеша общесшвеннаго блага. Корсарь Риппо, брошенннй бурешю на Мангаларскій берегъ, приведенъ былъ къ Типоо-Саибу, кошорому объявнль онъ о побѣдахъ республиканской арміи въ Европѣ, и возбуднль въ немъ надежду бышь вспомошесшвуему спарыми союзншамн его ошца. Онъ ошправнль посольштво въ Иль-де-Франсь съ проектшомъ союза, кошорый предлагаль онъ Днрекшорія; проектъ сей былъ шоль хорошо обдуманъ, чшо сдѣлаль бы чешь лучшему Европейскому дипломашу. Ошвншь Губернашора Маларшншкн доказываешь, чшо онъ не умѣль дашь настоящей цѣнны его предложенію; однако онъ послаль ему около шрицашн человѣкъ уншерь-ошцеровъ, ар-

пидерисповъ и масперовыхъ, кошорыхъ цѣнилъ онъ весьма высоко, но кошорые революціоннымъ бѣшенствомъ своимъ заставили попереяшь довѣренность къ Французскому мундиру, и шѣмъ дали Англійской Компаніи возможность воспользовашься симъ случаемъ, чшобъ напастъ на Мизорскаго Сулшана. По всему видно, что Дирекшорія не получила даже никогда настоящихъ свѣдѣній о семъ происшествіи.

Однако Типоо симъ не удовольствовался: добиваясь усыпить соперничество Марашповъ, онъ спарался вооружить Пейшву и Синдію прошивъ Англичанъ; простирая даже виды свои еще далѣе, онъ искалъ союза съ Земанъ-Шахомъ. Соединенныя силы сихъ разныхъ Государствъ составляли войско изъ 50,000 человекъ, обученныхъ по-Европейски и 300,000 солдатъ вооруженныхъ по-Индійски. Если бы безпорядочное стремленіе Марашповъ, рыцарскую храбрость Распушовъ и необузданное честолюбіе начальниковъ можно было соединить въ одно цѣлое, и тогда уже дѣйствовашь совокупно для освобожденія Индіи, то нѣтъ сомнѣнія, что бы столь страшное соединеніе силъ не восторжествовало въ короткое время надъ Англичанами, а особливо если бы въ цомъ числѣ находилась

одна Французская дивизія подъ начальствомъ умнаго челоуѣка, кошорая бы служила пушеводителемъ въ дѣйствіяхъ соединенныхъ войскъ.

Состояніе силъ Англійской Компаніи.

Англійская Компанія была тогда въ союзъ лишь съ двумя или тремя подвластными ей Набабами и Низамомъ, кошорый, распусшивъ Англійскіе баталіоны своей гвардіи, и предавшись совершенно Раймонду, заставляя подозрѣвать, что и онъ, рано или поздно, послѣдуетъ подлишкѣ своего предка, воевавшаго подъ знаменами Гидеръ-Али.

Но Компанія была уже спрашна собственною своею силой, ибо при Президентства, находящаяся въ оной, составляли цѣлыя Государства. Главное, владѣвшее Калькушою, Бенгаліей, берегомъ Ориксою и богатою долиною, простирающеюся отъ Ганга до Уды, было центромъ общаго управленія, и ни сколько не уступало ошечеству своему, какъ могуществу, такъ и богатству. Второе, состоящее изъ владѣній Декана, лежащихъ въ окружности Мадраса, имѣло пребываніе свое въ семь городъ; наконецъ шрешіе, установленное въ Бомбей, завѣдывало берегами Малабарскимъ и Сурашскимъ, до предѣловъ залива Персидскаго. Военная си-

ла, находящаяся въ распоряженіи сихъ прехъ Предсѣдательствъ проспиралась, до 25,000 Европейцевъ и 60,000 Сипайевъ хорошо успроенныхъ.

Цѣль Египетской экспедиціи.

Таково было состояніе Индіи въ то время, какъ я имѣлъ намѣреніе ошкрыть съ нею непосредственное сообщеніе; я весьма увѣренъ былъ, что это лучший способъ совершенно поразишь Англію, ибо тогда Индія сосставляла главный ея доходъ: будучи изгнана съ материка Америки, она лишилась сей сподъ богашой половины Земнаго шара.

Египетская экспедиція имѣла три цѣли: 1-я, учредишь на берегу Нила Французскую колонію, кошорая могла бы замѣнить невольниковъ при обрабошываніи сахарнаго проспника, какъ на С. Доминго, шакъ и на всѣхъ ошпровахъ, произращающихъ оный. 2-я, Ошкрышь нашимъ мануфакшурамъ новый способъ сбывашъ произведенія свои въ Африкѣ, Аравіи и Сиріи, и доставишь шорговль всѣ произведенія сей части Свѣша. Наконецъ 3-я, сдѣлашь Египеть центромъ военныхъ дѣйствій, и провеси въ Индію армію, состоящую изъ 50,000 человекъ, дабы, возшано-

вить Марашшовъ, Индйцевъ, Музульманъ и, словомъ, всѣ угнетенные народы сей обширной страны. Отборное войско, состоящее изъ Европейцевъ и рекрутъ, родившихся въ жаркомъ тропическомъ климатѣ, перенесенное на 10,000 лошадахъ и шаковомъ же числѣ верблюдовъ, имѣвшее съ собою съшшихъ припасовъ на 50 или 60 дней, воды на 5 или на 6 дней, и артиллерійскій паркъ, состоящій изъ 150 пушекъ съ двойнымъ комплектомъ, должно было въ чешыре мѣсяца явиться на равнинахъ Индоспана. Для войска, изобилующаго верблюдами и дромадерами, самыя степи преспающа быль препятствіемъ.

Экспедиція сія должна была возродить великое понятіе о могуществѣ Франціи, заставивъ обратишь все вниманіе на начальника оной, и удивишь Европу своею отважностью: этого было слишкомъ доспащочно, чшобъ предпринять оную.

Хотя Египеть и плащилъ дань Порть, одной изъ древнйшихъ союзницъ Франціи, ибо современъ Франца I-го, дйствовади они всегда совокупно; но Мамелюки, нащоящіе влащители Египта, находились въ явномъ возмущеніи противъ Сулцана, и пошому должно было предполагать, что Диванъ, доспащочно слабый для щого, чшобъ

свободнѣе независимоспѣ подлѣи мнѣжнѣхъ Пашей, и заняпый войною прошивъ Пасва-на-Оглу, Паши Виддинскаго и прошивъ Ве-хабишовъ, не предался бы слѣпо планамъ нашихъ непріятелей, для шѣни первенства, кошорую даже и мы готовы были признать такъ же охотно, какъ и Мамелюки; мы имѣли полную надежду на то, что съ помощію искуснаго посредника, успѣемъ увѣривъ Сул-тана въ дружественномъ расположеніи на-шемъ, и къ тому избранъ былъ Таллейранъ:

Пользка въ Антверпенъ.

Не сомнѣваясь ни мало въ счастливомъ окончаніи даннаго мнѣ препорученія, я требоваъ настоятельно, чшобъ изготвили скорве все нужное для моего отъѣзда, дабы отвлечь вниманіе непріятеля отъ портовъ Средиземнаго моря, гдѣ все было въ сильномъ дѣйствіи; я воспользовался моимъ шипуломъ Главнокомандующаго Англійской арміи, чшобъ осматривать порты Британскаго берега. Довхавъ до Антверпена, и увидѣвъ прекрасный бассейнъ, образуемый Шель-дою, я увѣрился въ безчисленныхъ выгодахъ, которыя мы можемъ нвкогда извлечь изъ сего важнаго мѣста: оно сдѣлало на меня то же самое дѣйствіе, какое произвела прекрасная Нева на Петра Великаго.

Новые споры на твердой землѣ Европы.

Въ продолженіе сего времени политическій горизонтъ твердой земли Европы опять покрылся тучами. Послѣ ошѣзда моего изъ Расшаша, Конгрессъ снова занялся разсужденіями о мирѣ съ Имперіей. Французскимъ Уполномоченнымъ сполло довольно труда, чшобъ получить лѣвый берегъ Рейна, ибо поглощеніемъ шрехъ Курфиршесшвъ, Майнца, Трира и Кельна, разрушалась Конституція Германской Имперіи. Но главнымъ Державамъ понравилось превращашъ духовныя власти въ свѣшскія, въ надеждѣ сдѣлать чрезъ шо выгодныя пріобрѣшенія. Австрія, напрымѣрь, занялась превращеніемъ Епископшвъ Зальцбурга, Пассау и Триденша; Баварія Епископшвъ Франконіи (Вюрцбурга, Бамберга, Эйхшпеша,) Пруссія Епископшвъ Мюншера, Падерборна и пр.; между шѣмъ положили основаніе великой системы вознагражденій, и опредѣлишельно признали Рейнь границею Франціи. Эшо была шолько одна пущая форма, ибо всѣ признаки бури уже явно показывались на горизонтѣ. Очевидно было, что нападеніе на Швейцарію, преобразование Лигурійской Республики и возмущеніе въ Римѣ разрушили шракшашъ Кампо-Формій-

скій, и что Австрія, хладнокровно взирающая на послѣдствія сего шракшама въ отношеніи къ Имперіи Германской, вмѣнила себя въ обязанность требовать отъ Директоріи равной почтости по сему предмету съ ея стороны; а такъ какъ Директорія слишкомъ самонадѣянно приспустила къ введенію новыхъ системъ, то и не могла уже опуститься. Англія воспользовалась сими несправедливыми припязаніями, чшобъ снова возстановить Европу прошивъ насъ, наведя страхъ въ одно время на Россію, Вѣну, Берлинъ, Туринъ, Тоскану и Неаполь, и увѣрилась въ возможности сосшавить новый союзъ.

Императоръ Павелъ I, восшествіемъ своимъ на Пресполь, перемѣнилъ положеніе дѣлъ на Сѣверѣ; носился слухъ, что по случаю кончины Императрицы, Его Машери, уничтожается договоръ денежнаго вспоможенія Россіи съ Англіей. Екашерина предписала Указомъ сдѣлать наборъ 130,000 рекрутъ, для того, бытъ можеть, чшобъ принять участіе въ коншиненпальной войнѣ или возшастъ прошивъ Турціи. Споль великія пригошвленія предвѣщали важныя происшествія: Императоръ Павелъ I, восшедь на Пресполь, опмѣнилъ сей наборъ. Онъ казался расположеннымъ къ шѣсному союзу съ

Пруссеі; и посвящала себя совершенно на управление своимъ обширнымъ Государствомъ.

Сіи изъявленія мирныхъ расположеній произвели весьма хорошее дѣйствіе на довѣренность Европы къ Россіи, и возвысили банковыя ассигнаціи оной даже сверхъ предположенной имъ цѣны: неоспоримое доказательство средствъ, копорыя имѣла Россія для начатія великихъ предпріятій. Но сіи намѣренія Государя были непродолжительны: характеръ Его подавъ Англичанамъ мысль спараться склонить Его къ войнѣ противъ Франціи, и пошому употребили они всѣ возможные средства, чшобъ успѣшь въ семъ намѣреніи; сверхъ же того надѣялись они увѣришь Императора, что польза Россіи требуетъ не допускать, чшобъ Австрія была угнетена такимъ Государствомъ, которое всегда поддерживало Опшманскую Имперію; хотя сія мнимая причина имѣла одинъ лишь видъ правдоподобія, но они употребили оную. Къ несчастію, нашлись и другія причины: усшупление Франціи Іонійскихъ острововъ, происшествія въ Швейцаріи и Пиемонтѣ поколебали какъ Государя, такъ и Кабинетъ Его, который тамъ болѣе не могъ не принять участія въ договорахъ, долженствовавшихъ неминуемо послѣдовать, что по шрактану Тешенскому, она

призналъ ненарушимость цѣлости Германской Имперіи.

Довольно странное происшествіе доказало Директоріи, что Австрія, имѣвшая некоторымъ образомъ право быть недовольною ея несправедливыми приписаніями, пишетъ къ ней вражду. Бернадотъ, назначенный Посланникомъ въ Вѣну, выспавилъ на домъ своемъ трехцвѣтное знамя по случаю побѣды, одержанной надъ Австрійцами. Хотя сіе и укрывалось подъ благовиднымъ предлогомъ права возмездія, но оное не поправилось, какъ Кабинету, такъ и народу; домъ Посольства былъ окруженъ раздраженною чернью, и Бернадотъ, видя дворецъ свой расхищеннымъ, а флагъ сорваннымъ и сожженнымъ, ославилъ на другой день Вѣну.

Директорія хотѣла было объявить войну, и препоручить мнѣ вполне распоряженіе оною, но я отклонилъ ее отъ сего намѣренія, доказавъ ей, что Бернадотъ былъ самъ тому причиною, и что если бы Австрія искала войны, то вѣрно постаралась бы отклонить столь шумное происшествіе, дабы имѣть время приготоовиться къ оной. Но я скоро перемѣнилъ свое мнѣніе, ибо много другихъ причинъ доказывали, что война была неминуема. Я хотѣлъ было за-

медлишь моимъ ошъздомъ, но Директорія, получившая удовольствованіе за обиду, нанесенную Бернадошу, настаивала, и я принужденъ былъ избраться изъ двухъ одно: или погубить себя или повиноваться; я рѣшилась на сіе послѣднее.

Директорія, будучи въ восхищеніи, что ошдѣлываешься ошъ меня, согласилась на все, чего я хошѣлъ. Всѣ приготошенія къ ошъзду моему сдѣлалъ я весьма шайно, ибо што было необходимо, какъ для успѣха, такъ и для шого, чшобъ увеличиль спранность сей экспедиціи. Никогда споль спрашныя приготошенія не были лучше скрыты.

Отплытіе изъ Тулона; взятіе Мальты.

Я прибылъ въ Тулонъ 10 Мая 1798 года; 19 я вышупилъ въ море съ 13 линійными кораблями, 6 фрегатами и многими шранспоршами, имѣвшими 25,000 высаднаго войска. — Въ морѣ ко мнѣ присоединились эскадры, вышедшія изъ портовъ Басши, Генуи и Чивипа-Веккіи, съ 70,000 или 80,000 человекъ, принадлежавшихъ къ моей экспедиціи. — 9-го Іюня мы пришли къ Мальшѣ.

Малое число Французскихъ офицеровъ, находящихся тамъ, и болѣе привязанныхъ къ ошечешву, чѣмъ къ сему дворянскому сборищу, совершенно обвешшало, было уже

подговорено. Орденъ не ожидалъ нашего посвященія, и ничего не было приготовлено къ оборонѣ. — Оспавишь оспровъ, значило ошдашь его Англичанамъ, ибо я не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что они имъ завладѣюшь, шогда, какъ мѣсто сіе было необходимо для сообщеній моихъ съ Франціею. — Я боялся, чтошобъ воспоминаніе о древней славѣ не вооружило кавалеровъ; сіе могло зашруднишь, а можешь бышь и содѣлатьшъ предпріятіе мое совершенно неисполнимымъ; къ счастию, они сдались еще скорѣе, нежели я предполагалъ; — довольно было нѣсколькихъ угрозъ, чтошобъ завладѣшь наисильнѣйшею въ Европѣ крѣпостию.

Высадка въ Александрію.

Оспавивъ въ Мальтѣ значительный гарнизонъ и сдѣлавъ надлежащія распоряженія для защищенія оной, я продолжалъ плаваніе мое съ ошмѣннымъ счастиемъ. Англійскій флотъ, который искалъ насъ, перерѣзалъ намъ пушь, и не встрѣшивъ моего флота, пришелъ прежде его въ Александрію. Тамъ Адмираль Нельсонъ, узнавъ, что объ насъ не было вѣстей, пушился ошыскивать меня въ Сирійскихъ портахъ. 30 Іюня вечеромъ мы пришли къ Александрію, а ночью я уже началъ высадку въ Марабуской при-

спани, и на другой день пошелъ подъ Александрію. Одна колонна слѣдовала по Марабускому берегу, и напала на новый портъ; двѣ другія обошли городъ и атаковали вѣроуша Розетты со стороны Помпеевой колонны. Множество жителей бросилось защищать стѣны и башни Аравійскаго городка. Артиллерія моя оставалась еще на корабляхъ; не смотря на сіе, мои полки взяли приступомъ сію первую ограду. Новый городъ и укрѣпленія сдались въ шестъ же день на капитуляцію. Взятіе Александрии доставляло мнѣ вѣрное пристанище въ Египтъ. Высадка продолжалась безъ малѣйшаго препятствія. Армія моя, состоявшая изъ 30,000 человекъ, раздѣлилась на 5 дивизій, предводимыхъ Генералами Клеберомъ, Десе, Ренье, Бономъ и Мену; кавалерія, состоявшая изъ 3,000 человекъ, не имѣла болѣе 300 лошадей; остальное число оныхъ надлежало ремонтировать на мѣстѣ. Чтобы не дать Мамелюкамъ времени собраться со всеми средствами для обороны, нужно было завоевать Египтъ, какъ сказано, мгновенно. Лучшее войско ихъ состояло изъ кавалеріи самой грозной въ цѣломъ Свѣтѣ; ополченія образовали пѣхоту, которая была не въ состояніи выдержать бой съ нашими солдатами;

успѣхъ зависѣлъ отъ быстроты нападеній, и отъ ужаса и онемѣнія, кошорый они должны были произвести. Крестоносцы были разбишы въ Египтѣ пошому, что они стремились низвергнушь Ввру, коей каждый послаждовашель ешь воинъ, и кошорая одушевляла огромныя массы, сражавшіяся съ одними опдаленными войсками; должно было избѣгнушь опасности, могущей произойши отъ повшоренія подобныхъ обстоятельствъ. Къ счастью, бунтъ и независимосшь Мамелюковъ посѣдали въ народѣ раздоръ; пришедъ въ Египешъ, какъ друзья Опшоманской Поршы, мы должны были найши союзниковъ въ большомъ числѣ Турокъ. Пришомъ же побѣда ешь вѣрѣйшее средство для снисканія пособниковъ, и предлагая миролюбивымъ жипелямъ, угнетеннымъ насильшвами воинскаго скопшца, лавръ побѣды, обвишый вѣшью маслины, мы легко могли ихъ обольшншь и привлечь на нашу спорону. Свяшый Лудовикъ употребилъ 4 мѣсяца, чтобы досшигнушь Каира, и оспашься шамъ въ бездѣйствіи. Я хонѣлъ войши шуда чрезъ 15 дней, и немедленно пойши далѣе, чтобы окончить мое предпріятіе.

6 Юля я оставилъ Александрію, и пощелъ черезъ степь на Рахманію. Ошрядъ

Клебера занялъ Розешту, и нагналъ меня въ Рахманіи, но до прибытія нашего шуда мы имѣли первую стычку съ Мамелюками. Десе, предводительствуя передовымъ моимъ войскомъ, опрокинулъ опрядъ ихъ, и я продолжалъ походъ на Каиръ, слѣдуя вверхъ по Нилу. — Однако же непріатель принудилъ меня сражаться съ нимъ прежде вступленія въ столицу Египта.

Сраженіе при Шебрессѣ.

13-го Іюля мы встрѣпили Мурадъ-Бея, самаго отважнаго изъ военачальниковъ Мамелюковъ; онъ ожидалъ насъ при селеніи Шебрессѣ съ 4000 конницы, и прикрывалъ свой правый флангъ флосилію. Трудно вообразить пышность сей Аѳриканской кавалеріи: красота Арабскихъ лошадей, богато убранныхъ; воинскій видъ всадниковъ, блестящая пестрота уборовъ, чалмы начальниковъ, украшенныя драгоценными камнями, все сіе необыкновенно поражаемо насъ своею новостью. Хотя Турецкая кавалерія и славишя красотою, но она далеко не можешь сравниться съ кавалеріей Мамелюковъ. — Сраженіе началось между 4-ими флосиліями; непріатель апшакował нашу, которая слѣдовала вверхъ по Нилу, рядомъ съ моими

войсками. — Чтобы освободить ее, я ударил на Мурадъ-Бея. Я принялъ порядокъ сраженія, обыкновенно употребляемый Русскими въ войнахъ съ Турками. Каждая изъ моихъ дивизій сформировала большой каре, заключавшій въ себя обозъ и по малое число кавалеріи, которое я имѣлъ; сіи каре, расположенные усупами, взаимно фланкировали другъ друга. Тщешно Мамелюки со всѣхъ сторонъ производили самыя упорныя нападенія: удержанные огнемъ артиллеріи, прикрывающей каре, они не дерзнули вѣзаться въ оныя, и принуждены были опшшупить къ сподлицѣ.

Сраженіе при Пирамидахъ.

21 Іюля мы были въ виду Каира; мы давно уже ознакомились съ пирамидами. Видъ сихъ чрезвычайныхъ памятниковъ, которые казалось, помнили сошвореніе міра, и на коихъ грядями лежали вѣка, превосходная Мамелюкская кавалерія, изрѣдка и мгновенно показывавшаяся въ равнинѣ, все сіе одушевляло моихъ воиновъ гордостью, смѣшанною съ удивленіемъ. Зная искусство воспламеняшь умы, я обратился къ нимъ съ сими краснорѣчивыми словами, копорыя безъ сомнѣнія останушся вѣчными, какъ и пирамиды, кои имъ внимали:

„Воины!“ говорилъ я, „вы пришлі въ сіи страны, чтобы искупить ихъ ошъ невѣжества, чтобы распространить просвѣщеніе на Воспокъ, чтобы спасти его ошъ Англійскаго ига. Вспомните, что съ верху сихъ памятниковъ сорокъ вѣковъ възирають на васъ!“

Мурадъ-Бей прикрылъ селеніе Эмбабе артиллерією; укрѣпленія онаго онъ наполнилъ ополченіемъ, поддерживаемымъ 6,000 Мамелюкской и Арабской конницы. Я двинуль впередъ мои каре. Десе и Ренье должны были прикрывать другъ друга; правый флангъ опередилъ прочія войска, чтобы отрѣзашъ сообщеніе между Эмбабе и верхнею равниной Нила, тогда, какъ отряды Бона и Клебера должныствовали напасть на укрѣпленія. Мамелюки, увидѣвъ движеніе Десе, большою толпою бросились на него; но блестящіе ихъ напски пребыли тщетными противъ мужества Французскаго каре, который сохранилъ свои ряды, не давъ пробить себя. Никогда столь храбрая кавалерія не встрѣчала столь геройской твердости — сила и ярость славныхъ Мамелюкскихъ лошадей увеличивали только беспорядокъ между ими; въ отчаяніи, что не могли врѣзаться, они бросились искать смерти въ нашихъ рядахъ. На лѣвомъ

мангъ войска, шедши на Эмбабе, взбѣжали на укрѣпленія и непріятель, видя себя снѣженнымъ между линіей нашихъ каре и Ниломъ, бѣжалъ въ Верхній Египецъ, за исключеніемъ 1,500 человекъ, которые утонули въ сей рѣкѣ. Весь лагерь и 40 орудій достались въ наши руки.

Вшествіе въ Кѣиръ.

Сія блестящая побѣда, которая не сподарила намъ болѣе 200 человекъ, открыла мнѣ ворота Каира, и 25-го я занялъ оныя.

Ибрагимъ-Бей, предводительствуя Мамелюками праваго берега Нила, опуступилъ къ Белбенсу. Мурадъ-Бей на лѣвомъ шелъ дорогою въ Верхній Египецъ. Я послалъ Дессе за нимъ въ погоню. Сей опчаянный Генералъ, не взирая на малое число войска, находившагося въ его распоряженіи, удачно ушвердился въ Верхнемъ Египцѣ, и удерживалъ Мурадъ-Бея, который, всегда разбитый, но никогда не теряя мужества, безпрестанно и съ рѣдкимъ постоянствомъ, возобновлялъ свои нападенія. Чшобы довершитъ наше завоеваніе, нужно было прогнать Ибрагимъ-Бея. 7 Августа, оставивъ Каиръ, съ опрядами Ренъе, Мену, Клебера и съ кавалерією, я пошелъ на Белбенсъ. Тогда Ибрагимъ опуступилъ къ Сирійской степи,

Я преслѣдовалъ его. 11-го кавалерія моя нагнала его въ Салчикъ, и разбила его аррьергардъ. Ибрагимъ бѣжалъ черезъ степь съ тысячею человекъ конницы, и зашворился въ Газъ; я же оставилъ Ренъе въ Салчикъ, съ приказаніемъ укрѣпить сей постъ, который прикрывалъ Египетъ со стороны Сири; направилъ отрядъ Клебера на Даміешу, копорю онъ завладѣлъ, что и покорило мнѣ совершенно весь морской берегъ, а самъ съ отрядомъ Мену, возвратился обратно въ Каиръ.

Морское Абукирское сраженіе.

До сихъ поръ все еще шло благоуспѣшно или по крайней мѣрѣ казалось мнѣ такъ, но уже одно бѣдственное событіе, причиненное неисполненіемъ моихъ приказаній, нанесло жестокой ударъ моимъ надеждамъ. Я нѣсколько разъ настаивалъ, чтобы ввели въ спарый портъ Александри, флотъ, который привезъ насъ въ Египетъ, или въ случаѣ невозможности, чтобы онъ отплылъ обратно во Францію. Наши моряки увѣряли, что каналъ, ведущій въ портъ, слишкомъ мелокъ для линейныхъ кораблей; промѣры, сдѣланные по моему повелѣнію, показали, что 74-пушечные могли пройти чрезъ оный; я старался ускорить исполненіе моихъ желаній.

Брюесъ находилъ предпріятіе сіе опаснымъ, и сверхъ того предполагалъ, что вошедъ въ сей проходъ, три корабля будутъ въ состояніи блокировать его, такъ, что ему невозможно будетъ выйти изъ онаго; онъ предпочелъ остаться въ открытомъ морѣ; выгрузивъ свои снаряды, онъ ожидалъ съвѣстныхъ припасовъ для экипажей, и расположился боевымъ весьма спашымъ порядкомъ, примыкая къ берегу Абукирскаго рейда, и ожидая удобности возвратиться въ Корфу или Тулонъ. 1-го Августа, съ наступающею ночью, онъ былъ атакованъ. Французскій Адмиралъ полагалъ, что онъ, оставаясь, могъ ожидать непріятеля, который, какъ онъ думалъ, не иначе будетъ атаковать его, какъ спереди; но Нельсонъ, идя смѣло средь отмелей, прошелъ между нашею линіею и землею, отрезалъ центръ, обошелъ, и сбилъ лѣвое крыло, тогда, какъ правое оставалось спокойнымъ свидѣтелемъ сего необычайнаго сраженія. Оно длилось 36 часовъ, и кончилось истребленіемъ прехъ четвертой нашего флота. Адмиралъ Брюесъ одною своею славною смертію искупилъ погрѣшность, шлоль предосудительную Французскому флоту.

Бѣдственныя послѣдствія сего событія.

Хотя сіе бѣдственное событіе и переиначило совершенно всѣ расположенія на счетъ нашей экспедиціи, оно однако жъ не отнимало у насъ всей надежды на успѣхъ. Мы могли удержашь за собою завоеванную нами страну, удачно привлекиши жипелей оной на нашу сторону, — съ деньгами, съ оружіемъ и офицерами, мы могли, подобно Мамелюкамъ, комплекшовашь наши деіоны. Я обратилъ всѣ мои усилія къ достиженію сей цѣли. Правда, что встрѣтились два важныя препятствія: первымъ, была морская блокада, кошорая спѣсняла вѣшнюю торговлю, главный источникъ сей земли; второе заключалось въ вѣрѣ: Коранъ повелѣваетъ испребляшъ или покоряшъ идолопоклонниковъ; онъ не допускаетъ послушанія и покорности къ невѣрной власши, и въ семъ отношеніи онъ конечно болѣе благопріятствуетъ военному духу, нежели Хрисіанская религія, кошорая научаетъ, что должно отдавашь Кесарю Кесарево, и что владычество Іисуса Хрисіана не есть владычество сего свѣта. Мы уже говорили, что въ X, XI и XII столѣтіяхъ догматы Исламизма воздвигнули огромныя препоны подвигамъ крещоносцевъ въ Сиріи:

вѣра, бывшая побудительною причиною возстанія Европы, обратила войну въ испребленіе милліоновъ людей: Если бы подобный духъ оживилъ Египтянъ въ 1798 году, мы бы совершенно пропали: малочисленная армія моя, никакимъ фанатизмомъ не возбужденная, и чувствуя уже отвращеніе къ сей сшранъ, не успояла бы шести мѣсяцевъ прошивъ нѣсколькихъ милліоновъ разъяренныхъ Магомешанъ. Къ нашему счастью, Коранъ перялъ свои силы опъ часпыхъ сношеній Египтянъ съ Европою. Ихъ ненависть не была одинаковой степени съ фанатизмомъ XV вѣка.

И такъ я не перялъ надежды обольспить Имановъ, Муфшіевъ, Улемовъ и прочихъ духовныхъ Магомешанскаго исповѣданія. Французская армія со временъ революціи была равнодушна къ обрядамъ; даже въ Испаніи солдашы вовсе не ходили въ церковь. Я воспользовался симъ обстоятельствомъ, чтобы увѣривъ Мусульманъ, будто наши солдашы готовы принять ихъ вѣру. Большое число Христіанъ различныхъ исповѣданій хотѣли воспользоваться нашимъ присутствіемъ, чтобы освободить свою вѣру опъ разныхъ припѣсеній; я воспрошивилъ ихъ намѣренія, и сохранилъ все по старому. Всякой день съ восхожденіемъ

долнца Шейки главной мечети приходили ко мнѣ; я обращался съ ними весьма благо-склонно, и нарочно спрашивалъ ихъ подробно о жизни Пророка и смыслѣ Корана. — Я часто присущивовалъ при совершеніи ихъ служенія, и уважая ихъ вѣру и обычаи, наконецъ внушалъ имъ большое ко мнѣ довѣріе.

Таллейранъ не удовлетворяетъ Порты; онъ объявляетъ намъ войну.

Въ слѣдствіе сей же системы, я всѣми силами старался успокоить Порту. — Прибывъ въ Египетъ, я увѣрялъ жишелей, что они не должны спрашиться моей экспедиціи, что я пришелъ съ намѣреніемъ наказать Беевъ, коими они были недовольны, разорить торговлю Англичанъ въ Индіи, и снова сдѣлать Египетъ мѣспомъ складки всего Востока. Я надѣялся, что Таллейранъ отправился въ Константинополь съ сими же видами; но онъ, какъ кажется, слишкомъ боялся семи-башеннаго замка; подъ разными предлогами поручилъ онъ свою миссію одному изъ подчиненныхъ, а самъ оспался въ Парижъ, и чрезъ сіе способствоваль проискавъ иностранныхъ Министровъ. Порта все еще не рѣшалась явно возспахъ прошивъ насъ;

но истребленіе нашего флота доказало намъ истину. 1-го Сентября, Рюфенъ, нашъ Константинопольскій Повѣренный, былъ посаженъ въ замокъ семи-башенный, и война была объявлена.

До сихъ поръ надежды мои на успѣхъ проекта населенія казались еще необмѣнчивыми. Египецъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ набѣговъ Мамелюковъ, былъ спокоенъ. Коммисія Ученыхъ, отправленная со мною, изыскивала древности въ сей колыбели просвѣщенія; стараніями ихъ, учреждены были разныя учебныя заведенія въ Каирѣ; они нѣсколько услаждали скуку, которая обыкновенно поминъ иноземца въ странѣ сподоль для него чуждой. — Другіе старались ввести разныя мастерства, какъ то: липейныя дворы, пороховыя заводы и другія вспомогательныя средства, изобрѣшенныя искусствомъ для войны; но разрывъ съ Поршою уничтожилъ сіи счастливыя начала.

Бунтъ въ Каирѣ.

Извѣстіе о семъ скоро распространилось въ Египцѣ, и воспалило всѣ умы. Глава Исламизма возсталъ противъ насъ, и мы въ глазахъ ихъ стали не что иное, какъ Христіанскія собаки, коихъ истребимъ бы-

ло должно и похвально. — 22-го Октября ужасный мятежь взволновалъ Каиръ. Генераль Дюпюи, шамошній Комендантъ, и до 300 солдатъ и офицеровъ были вырѣзаны. — Необходимость повелевала бытъ строгимъ; войска мои, расположенныя вокругъ города, вторглись въ оный, и безъ всякой пощады испребили всѣхъ, кого нашли съ оружіемъ въ рукахъ. — Послѣ двухъ-дневнаго кровопролісія, спокойствіе снова водворилось, и утишеніе бунта сего утвердило власть нашу въ Египтѣ. — Съ другой стороны Дессе окончилъ покореніе Верхняго Египта, и надъ остающимися Мамелюками одержалъ Седиманскую побѣду.

Походъ въ Сирію.

Мы недолго оставались въ покоѣ; я узналъ, что Турки собирають въ Анаполи войско, которое долженствовало вторгнуться въ Египеть, слѣдуя по восточному берегу Средиземнаго моря. Дезаръ, Паша Сень-Жанъ-д'Акрскій, образовалъ уже магазины для сей арміи, которую онъ долженствовалъ усилить войсками, набранными въ Сиріи. Лучшее средство, воспрепятствовать исполненію сего предпріятія, было уничтожить сіи приуготовленія, прежде, чѣмъ Опшоманская армія могла подкрѣпить Дезара. —

Въ слѣдствіе сего я рѣшился итти въ Сирію, взявъ съ собою ту часть войска, въ которой не настояло большой нужды для прикрытія морскаго берега, и для сохраненія спокойствія въ Египтѣ. 10-го Февраля я выступилъ изъ Каира съ отрядами Бона и Ланна и съ кавалерією; 17-го я достигъ Эль-Ариша, гдѣ нашель дивизіи Ренъе и Клебѣра, пришедшія туда изъ Салчиха и Даміешы. — Я нашель, что селеніе Эль-Аришъ взято уже приступомъ Генераломъ Ренъе, но замокъ еще защищался; эта крѣпость не могла шибче задержать насъ, что со мной была лишь одна полевая артиллерія, которая не могла причинить большаго вреда стѣнамъ оной, довольно полстыми. Къ счастью, 20-го числа гарнизонъ сдался на капитуляцію.

Хотя военныя силы, находившіяся въ распоряженіи моемъ, не превышали 13,000 человекъ, однако же я принужденъ былъ раздѣлить оныя на отряды при вступленіи въ степь, лежащую между нами и Сирією, чтобы не осушить колодцевъ, единственныхъ источниковъ сей безводной страны. — Послѣ 48 часовъ изнурительнаго перехода, мы достигли равнины Газы. Вся армія соединилась у воротъ сего города, покинушаго неприятелемъ, оставившимъ въ ономъ значи-

щедрые запасы. — 3-го Марта прибыли мы къ Яофъ. Гарнизонъ сего города былъ многочисленъ и готовился къ оборонѣ. — Я приказалъ устроить баштарею, чтобы бить брешь. 7-го проломъ оказался удобо-проходимымъ, и я взялъ городъ приступомъ. — Пленные, въ числѣ 2,000 человекъ, взяты въ семь дѣлъ, чрезвычайно меня затрудняли; слабость моей арміи не позволяла мнѣ отправить конвой, на спешу-рыхъ, а опустить на слово людей, непри-знающихъ законовъ чести, было бы весьма неблагоприятно; тѣмъ болѣе, что часть оныхъ состояла изъ Янычаръ, павленныхъ въ Эль-Аришъ и опущенныхъ мною. — Не зная, на что рѣшиться, я велѣлъ ихъ раз-срѣзать, — съ ужаснымъ отвращеніемъ исполнилъ я сіе; но мысль, что сіи Азі-ятскіе варвары не иначе обходятся съ Хри-стіанскими павными, и даже почитаютъ за славу осылать ихъ головы въ Констан-тинополь, рѣшила всѣ мои сомнѣнія. — Мои враги не упустили случая упрекнуть меня симъ поступкомъ, кошорый, судя по зако-ну естественному, конечно не извинителенъ, но, быть можеть, что затруднительныя об-стоятельства, въ коихъ я находился, и спа-сене моей арміи, пребывавшія онаго, оправ-дываютъ меня предъ потомствомъ.

Джезарь-Паша собралъ всѣ свои силы для защиты Сентъ-Жанъ д'Акра, который обложили мы 18-го Марта. — Укрѣпленія города состояли въ сѣнѣ, фланкированной башнями, и защищенной рвомъ. — Но выгоды наши были шѣмъ ограниченнѣе, что Сидней-Смитъ, крейсируя съ Англичанами, успѣлъ перехватить мою осадную артиллерию, отправленную моремъ изъ Александри, и устроилъ изъ оной башшарей противъ насъ. — Траншея была открыта 20-го Марта. — Джезаръ, руководимый Французскимъ инженеромъ и артиллерискомъ (*) защищался отчаянно. — 28-го я сдѣлалъ къ городу первый неудачный приступъ, который увеличилъ только самонадѣянность осажденныхъ.

Фаворское сраженіе.

Передовые послы мои, находившіеся въ Сафетъ и Назаретъ, уведомили меня о приближеніи неприятельской арміи, собранной въ Дамаскъ, и усиленной на походъ жителями Палестины. Чтобы удержать ее, я по-

(*) Филиппо и Тромелень. Нѣсколько времени спустя, сей послѣдній просилъ меня въ службу. Я принялъ его Полковникомъ, совшуя ему столько же вредить неприятелю, сколько онъ вредилъ мнѣ въ Египтѣ.

слалъ къ Иордану два малые обсервационные корпуса: Клебера съ его дивизіей въ Назарешъ, а Мюрата съ опрядомъ, состоящимъ изъ 2,000 человекъ, въ Сафешу. — Нѣсколько дней спустя, я узналъ, что непріятель прошелъ Иорданъ по мосту въ Гизъ-эль-Мезанье, и что Клеберъ будетъ немедленно ашшакванъ. Я полетѣлъ къ нему на помощь. 15-го Апрѣля я оставилъ лагерь передъ Сень-Жанъ д'Акромъ съ дивизіей Бона и съ моею кавалеріей. — На другой день по утра я былъ при горѣ Фаворъ, въ виду непріятеля, который огромною толпою пѣхоты занималъ селеніе Фули.

Его кавалерія, состоявшая почти изъ 20,000 человекъ, покрывала обширную равнину, гдѣ дивизія Клебера, расположенная двумя каре и окруженная со всѣхъ сторонъ, защищалась съ рѣдкимъ хладнокровіемъ.

Мое появленіе было для непріятелей громовымъ ударомъ; — упомянутые непоколебимою швердосцію каре Клебера, они не отважились сразиться съ свѣжими войсками, пришедшими со мною. Вся сія безпорядочная толпа обратилась въ бѣгство; мы ударили въ штыки, и овладѣли селеніемъ Фули. — Ошшоманская армія, совершенно разбитая, перешла Иорданъ по мосту въ

Гизъ-эль-Мезанье, и рещировалась къ Дамаску.

Сія странная побѣда имѣла споль чудесное вліяніе на непріятеля, что онъ не дерзалъ уже беспокоить насъ въ продолженіе всей осады. — Оставивъ Клебера въ Назаретъ, я съ оспальными войсками возвратился въ Акру.

Продолженіе осады Сенъ-Жанъ-д'Акра.

Осада продолжалась съ упорствомъ; но успѣхъ былъ не великъ. — Турки, вспоможенные Англійскою эскадрою Сидней-Смита, и руководимые Филипо и Тромеленомъ, упорно защищались. — Уже пять приступовъ были сдѣланы напрасно, — когда флотилія, вооруженная въ Родосъ, пришла снабдить городъ съшными припасами, и привезла съ собою славный корпусъ Гуссейна-Паши, обученный имъ по-Европейски. Думая предупредить прибытіе сего войска, я сдѣлалъ 8-го Мая шестой приступъ; но мы были отражены и потеряли всю надежду на завладѣніе крѣпостью. — Упорствуя продолжая осаду, я подвергнулъ бы малую армию мою неминуемому уничтоженію, и пошому принужденъ былъ отшовишься къ отступленію.

Продолженіе осады Сенъ-Жанъ д'Акра.

Я былъ столь мало знакомъ съ неудачами, что не рѣшился оставить начатаго мною предпріятія, не испытавъ еще разъ моего счастья; въ сіе же время Клеберъ присоединился ко мнѣ; я ласкалъ себя надеждою, что свѣжія силы его помогутъ мнѣ занять мѣсто, коего открытые проломы предшавляли возможность успѣха. — 10-го Мая, поутру и вечеромъ въ седьмой и въ осьмой разъ я возобновлялъ ашпаку. — Ожесточеніе моихъ солдатъ, казалось, усугубляло ихъ силы; но ничто не могло поколебать упорнаго мужества осажденныхъ.

Снятіе осады.

21-го Мая я снялъ осаду, и возвратился въ Египеть. — Дорогою опустошили мы всю страну, какъ для того, чтобы снабдить себя всѣмъ нужнымъ для перехода чрезъ степи, такъ и для лишенія Турокъ всѣхъ средствъ, могущихъ споспѣшествовать имъ приблизиться къ границамъ Египта. — У меня не было тяжело раненыхъ и больныхъ, исключая пятидесяти человекъ, зараженныхъ чумою, и бывшихъ не въ состояніи слѣдовать за нами, коихъ изъ состраданія, лишилъ я жизни посредствомъ опиума, дабы

не оставишь ихъ въ рукахъ жестокаго Дездезара. Мои враги не преминули воспользоваться симъ обстоятельствомъ, въ коемъ и самъ я признаю себя неправымъ. — Вынужденный однимъ весьма естественнымъ чувствомъ человеколюбія къ сему поступку, коимъ желалъ бы я испытать на самомъ себѣ въ подобномъ случаѣ, я не расчелъ, что оный, не принесъ мнѣ никакой личной пользы, можешь служить пищею для клеветы. Я долженъ бы былъ оставить въпихъ несчастныхъ на произволь Турокъ, ибо такова была ихъ горестная участь.

Возвращеніе въ Каиръ. — Старанія приобрести доброжелательство Мусульманъ.

Возвратясь въ Египетъ, я съ большею частію моей арміи пошелъ въ Каиръ, куда и прибылъ 14 Іюня. Клеберъ отступилъ къ Даміешпу, а въ Каирѣ оставленъ былъ сильный гарнизонъ. Между тѣмъ Дессе окончилъ покореніе Верхняго Египта, а Семангушское сраженіе довершило уничтоженіе Мамелюковъ.

Неудача моего похода въ Сирію еще болѣе доказала мнѣ необходимость вступить въ переговоры съ духовными служителями Исламизма, чтобы тѣмъ-то действовашь на умъ народа. Послаъ моего

возвращенія изъ Сальчиха, я предложилъ имъ обнародовать фетву, повелѣвающую присягнутьъ Главнокомандующему въ вѣрности и повиновеніи. — Сіе предложеніе успрашило ихъ, и одинъ старикъ спрашивалъ меня: для чего я не обращаюсь въ Магомешанскую дѣру, и не заставляю мое войско сдѣлать того же, — тогда бы 100,000 человекъ, говорилъ онъ, сбѣжались подъ знамена ваши, кошорыхъ обучивъ по Европейски, могли бы вы возстановить Аравію, и поработишь Воспокъ. — Единственнымъ препятствіемъ къ тому высказывая я обрѣзаніе и запрещеніе вина. — Это вынудило ихъ искать средствъ для избѣжанія сихъ двухъ предлоговъ. Добрые люди сіи думали, что по нуждѣ, и съ Небомъ можно заключать условія, и объявили, что Магомешанская религія позволяеть пить вино, но только съ шѣмъ, чтобы удвоить число своихъ милосшынь. — Тогда я велѣлъ начертать планъ мечети огромнѣе Гемиль-валъ-Азарской, подъ предлогомъ — воздвигнуть памятникъ въ ознаменованіе обращенія арміи; но по истинѣ искалъ я шѣмъ выиграть время. — Желаемая фетва была обнародована, и Шеики объявили меня любимцемъ Пророка, и особенно имъ покровительствуемымъ. — Слухъ, что чрезъ годъ вся армія надѣнешъ чалму, всюду распространился, и

солдашны мои скоро почувствовали выгодныя послѣдствія хитросости весьма невинной и весьма простишельной, судя по положенію, въ коёмъ мы находились.

Высадка послѣ Абукирскаго сраженія.

Въ концѣ Іюля, Мамелюки снова показались въ Египтѣ, а Мурацъ-Бегъ спустился по Нилу къ Гашъ; между тѣмъ, какъ я располагался изгнать ихъ отсюда, получилъ извѣстіе, что 15,000 Турокъ, находившихся на ялахъ, приплывшемъ изъ Родоса, сдѣлали высадку на ошлогомъ берегу Абукирскаго полуострова, и что они даже завладѣли крѣпостью сего имени. Мнѣ необходимо было избавиться отъ этого корпуса, не давъ ему времени получить подкрѣпленія или соединиться съ Мамелюками и возмущившимися жителями. 24-го Іюня часть войска, назначенная для сей экспедиціи была собрана, при колодцахъ между Александріей и Абукиромъ; на другой день я напалъ на Турокъ.

Безпорядочное войско сіе полагаетъ всю надежду свою на кавалерію, а такъ какъ оной съ нимъ не было, ибо они прибыли моремъ, то и основалъ я планъ моего нападенія на сей особенномъ случаѣ. Не смотря на ихъ упорное сопротивленіе, сорвали мы у нихъ

одну послѣ другой двѣ линіи репраншамеша, сдѣланныя ими для прикрытія полуострова. Въ то же время и Мюратъ, въ слѣдствіе приказанія, даннаго ему мною, успѣлъ проникнуть въ ихъ ряды съ нѣсколькими эскадронами, и навесши на оныя ужасъ. Они бѣжали толпами, искавъ спасенія на кораблѣхъ, но не успѣли въ томъ. Всѣ тѣ, кои не были изрублены, погибли въ волнахъ морскихъ; изъ 12 или 13 тысячъ человѣкъ, спаслись лишь тысяча чел., сокрывшись въ крѣпости, и 200 человѣкъ, сдавшихся военноплѣнными; въ томъ числѣ находился и Паша, главный начальникъ сего войска; съ нашей же стороны потеря соспояла изъ тысячи человѣкъ. Побѣда сія доставила мнѣ шѣмъ болѣе удовольствія, что она загладила спыдъ, заслуженный нами потерею флота подъ Абукиромъ. Крѣпость, бомбардированная со всѣхъ сторонъ, сдалась 2-го Августа.

Успѣхъ сей обезпечивалъ положеніе ваше въ Египтѣ, до такой степени, что съ помощію пяти или шести тысячъ человѣкъ ежегоднаго подкрѣпленія, могли бы мы удерживаться въ ономъ.

Я рѣшаюсь возвратиться во Францію.

Въ сіе время важнѣйшія заботы обратили на себя мое вниманіе. Еще при Семъ-

Жанъ-д'Акръ узнали мы о сосшавленіи новаго союза. Послѣ шого получено нами чрезъ Сидней-Смиша нѣсколько Англійскихъ Журналовъ и Французскія Франкфуртскія Газеты; изъ нихъ узнали мы о несчастіямъ арміи Испалійской и Рейнской, шакже и о пошепенныхъ переворошахъ, довершившихъ беспорядки и униженіе Директоріи; — я получилъ письмо ошъ Правительштва, въ коемъ увѣдомляли меня, что Адмиралъ Брюиксъ ошправляется изъ Бреша, чшобъ соединишься съ Испанскою и Тулонскою эскадрами, овладѣшь Средиземнымъ моремъ и возвращишь Египетскую армію, если обшояшедьшва шого пошребуюшь. Я получилъ вторично письменное позволеніе возвращишься во Францію, но Брюиксъ не являлся; вѣроятно, былъ онъ прогнанъ, и принужденъ ошказашься ошъ своего предпріятія. Я чувшвовалъ себя способнымъ возвращишь ошечеству военную славу и благо внушренняго и вишшняго мира. Все доказывало мнѣ, что умы были уже ушомлены революціей, и что пришло время пресѣчь оную, воспользовавшись ея наслѣдшвомъ, дабы предупредить другихъ, могшихъ увлечься, подобно мнѣ, блескомъ сего предпріятія. Не было причинъ, которыя бы удерживали меня долѣе въ Египтѣ. Мнѣ ошшавалось лишь завести колоніи въ сей

завоеванной землѣ, и чшобъ успѣшь въ ономъ, сдѣланы уже были всѣ нужныя распоряженія. Клеберъ могъ кончить сіе предпріятіе такъ же хорошо, какъ и я, если только исполненіе онаго было еще возможно. Мнѣ казалось, что я въ Европѣ могу принести болѣе пользы моему ошечеству; сверхъ же того и время къ удаленію было благопріятное. Если репушация моя поспрадала нѣсколько ошѣ худаго успѣха Сирійской экспедиціи, то вѣрно Абукирская побѣда возвратила ей весь прежній блескъ. Я поспѣшалъ, какъ могъ, и приказалъ приготошовать небольшую эскадру, состоявшую изъ 4 кораблей; съ нею вышелъ я въ море 24-го Августа, оставивъ Клебера Главнокомандующимъ Египетскою арміею. Многіе весьма несправедливо кричали прошивъ сего ошѣззда: во-первыхъ, было у меня на шо письменное позволеніе Директоріи; во-вторыхъ, экспедиція сія имѣла два вида, или совершенную неудачу, или возможность поддержашься; судя по первому, не оставалось ничего болѣе, какъ заключить договоръ и очистишь Египеть: вещь, кошорую бы и послѣдній офицеръ могъ исполнить также хорошо какъ и я; судя же по второму, я зналъ, что Клеберъ въ состояніи срашашься со всѣми непріятелями, находившимися въ шой споронѣ. Ученый, умный и

храбрый Генераль сей былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ мужчинъ въ Европѣ; онъ былъ такъ сказать идеаломъ бога войны: ужасенъ въ бисвахъ, спокоенъ и хладнокровенъ въ соображеніяхъ, великъ въ предпріятіяхъ и любимъ солдатами: онъ походилъ во всѣхъ отношеніяхъ на Маршала де-Сакса. Онъ имѣлъ все нужное, чтобъ быть великимъ полководцемъ, и если не успѣлъ въ ономъ, то только потому, что не было къ тому удобнаго случая. Хотя и не зналъ онъ всѣхъ многосложныхъ расчетовъ Спрашегіи, но гений его и навыкъ въ командованіи довели бы его до сего славнаго шишула.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

НА КОНЧИИУ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ.

Во шмѣ глубокой мрачной ночи
Крылаша смерть косою своею,
Какъ молніей, блеснула въ очи:
Вся шварь вздрогнула передъ ней.
Завѣса вѣчности открылась,
Свѣшъ горней славы возсіялъ:
Картина чудная явилась!
Не судъ ли страшный днесъ насталь?
На проиѣ славы Царь вселенной,
Какъ въ огненномъ шолпѣ, сѣдиль;
Небесныхъ воинствъ сонмъ священной
Съ благоговѣннемъ предшомшъ.
Зрю, нѣкая жена святая
Въ восторгъ въ Божій градъ шечешъ;
Соборъ блаженныхъ душъ встрѣчая,
Ей сладостную пѣснь поешъ;
И Ангель, другъ ея, хранишель,
Съ улыбкою ведешъ рукой.
Кого въ небесную обитель
Встрѣчаютъ съ радостью такой?
Марія, Ангель воплощенный!
Тебя я вижу въ небесахъ!

Твой духъ парить къ Царю вселенной!
 А на земли Твой хладный прахъ!
 Увы, Россія зришь на шронъ
 Лежашу въ гробъ Мать Царей!
 И громъ побѣдъ не слышанъ въ спонъ
 Рыдающихъ Ея дѣшей!
 Сшенаешъ съ нами вся Природа
 О нѣжной дочери своей.
 Просши, просши, о Мать народа!
 Порфиросный другъ людей!
 Съ благоговѣнїемъ лобзая
 Твой прахъ — покровъ души свяшой,
 И жизнь Твою благословляя,
 Несемъ мыслью за Тобой.
 Тебя награда ожидаешъ
 За добродѣшель въ небесахъ;
 Твое безсмертье возсіяешъ,
 Какъ свѣтъ во тмѣ ночной, въ вѣкахъ.
 Часъ избрала себѣ благую
 Марія — славныхъ женъ хвала:
 Премудрость возлюбя свяшую,
 Несчастливымъ мать и другъ была.
 Ея рукой соорудились
 Обишель вдовъ, прїюшь сиротъ,
 И нынѣ въ храмы превратились
 Богинѣ милоспей, щедротъ.
 Посланицей Небесъ казалась
 Въ домахъ болѣзней и скорбей;
 И смершь ошъ мѣсшь шѣхъ удалалась,
 И прерывался спонъ при Ней.
 Какъ пшца, грѣла подъ крылами
 Оспавленныхъ чужихъ дѣшей, —
 Дѣшей забышыхъ машерями.

Природы гласъ былъ внятень Ей, —
 Ей сердце доброе велѣло —
 Сиротъ и вдовъ не покидашь:
 Оно блаженствуя, хотѣло,
 Съ другими счастье раздѣляшь.
 Среди горнихъ слышанъ Ей селеній
 Вашъ плачь, рои прекрасныхъ дѣвъ, (*)
 Предметъ нѣживъшихъ попеченій,
 И сладостныхъ Ея ушѣхъ!
 Она блаженствомъ наслаждалась
 Въ жилищѣ райскомъ дѣвъ младыхъ;
 Ей прелестъ ангеловъ являлась
 Въ невинныхъ свѣтлыхъ взорахъ ихъ.
 Украсьше, дѣвы, гробъ цвѣтами!
 Прахъ нѣжной Матери своей,
 Какъ ароматами, слезами
 Омойше изъ своихъ очей!
 Имъ зрится шѣнь Ея святая
 И въ сновидѣннхъ и въ мечтахъ:
 „Ты съ нами!“ дѣвы восклицая,
 Бѣгушь, обняшь Ее, въ слезахъ.
 Тамъ все цвѣло, все улыбалось:
 Гдѣ намъ земное Божество
 Въ лицѣ Монархини являлось:
 И гдѣ Она — тамъ торжество!
 Она въ сердца вливала сладость
 Улыбкой ангельской Своей;
 Въ восторгъ всѣхъ приводила радость,
 Какъ будто Бога зрѣли въ Ней.
 О, Благодѣтельница міра!

(*) Воспитанницы Благородныхъ заведеній.

Какъ солнце, Твой блисшаль вѣнецъ,
 Какъ небо звѣздное — порфира!
 Ты машерямъ всѣмъ образецъ!
 Ты Царскихъ доблестей зеркало!
 Мы будемъ вѣкъ благодарить,
 Что Небо намъ Тебя послало —
 На Тронъ благость воцаришь.
 Твой Александръ Благословенный,
 Сей Ангель мира и побѣдъ,
 Къ оспрадъ царствъ Тобой рожденный,
 Ошъ адской гидры спасъ весь свѣшь;
 Ты шаиншва Ему ошкрыла,
 Благословенье заслужишь;
 Ты Николая научила,
 Вѣнецъ со славою носишь.
 Блаженства нашего залогомъ
 Ты намъ оспавила Дѣшей,
 И зришь на Нихъ, молясь предъ Богомъ,
 Чшобъ къ славъ шли Твоей спезей.
 Я слышу, съ вышины вѣщающъ
 Имъ истину Твои уша:
 „Лашъ судъ и милоспъ ошверзающъ
 Царямъ небесныя врата!“
 Блаженная душа Маріи!
 Молись, чшобъ вѣчно процвѣшаль
 Твой благодатный родъ въ Россіи,
 И миръ его благословляль!

М. Поднебесный.

У В Я Д Ш И Й Ц В Ъ Т О К Ъ .

Цвѣшочекъ, цвѣшочекъ! прекрасенъ ты былъ;
Мой взоръ любовался тобою любилъ;

Сильфида, забывши подругу свою,
Ласкала брылами годовку швою;

И пчелка злая, и майскій жучёкъ
Убрадкою пила швой сладкій медокъ;

А рѣзвыя мошки, лешучей толпой,
Жужжали, шѣснились, вились надъ тобой!

И всѣхъ ушѣшалъ ты... но въстръ зашумѣлъ —
И ты, мой цвѣшочекъ, завялъ, облешѣлъ!

Гдѣ цвѣтъ твой? гдѣ запахъ? одинъ шебелёкъ
Въ шравѣ пожелшѣлой споншъ одинокъ!...

Такъ ты, моя прелестъ, дѣвица - душа!
Какъ майская роза собой хороша!

Всѣ юноши гордой ошчизны моей
Какъ радости ищущъ улыбки швоей;

И многіе — въ шайнѣ сердець молодыхъ —
Тоскують по взоръ очей голубыхъ;

Въ плѣншительныхъ пѣсняхъ любви — пѣвецъ
Тебя величаешъ царицей сердець...

Ты наша отрада... Но время лешишь!
Жестокое — губишь сіянья ланишь;

Уносишь и прелесть волнистыхъ кудрей,
И шомную нѣгу лазурныхъ очей;

Небесной улыбки лишаешь уста...
О горе! проходишь, какъ сонъ, красоша!

Лишь прелести чистой, невинной души
Всегда неизмѣнны, всегда хороши.

Узнай же ты шайну быть милой всегда:
Не будь, моя радость, душею горда!

Того, кто добре, кто любитъ нѣжный —
Того осчастливь ты любовью своей!

Александръ Крюковъ.

Оренбургъ.
1826.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВЫЯ СЕРВСКІЯ КНИГИ.

1 8 2 8.

24. *Милош Обреновичъ, Князь Сербіи; или Грачъа за Српску Историју нашега времена. Написао Вук. Стеф. Караджичъ. и пр. (Милошъ Обреновичъ, Князь Сербіи, или изображеніе Сербской Истории нашего времени. Соч. Вука Стефановича Караджита, Философіи Доктора и Ученыхъ Обществъ: С. Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, Краковскаго, Тирингско-Саксонскаго изысканія отечественныхъ древностей и Королевско-Геттингенск. Члена-Корреспондента.) Буда, въ шипогр. Королевско-Пестскаго Университеша, 1828. 204 с. въ 8.*

Въ книгѣ сей изображены заслуги, оказанныя Кн. Милошемъ Обреновичемъ опечеству своему и народу Сербскому, и о копорыхъ публика наша опчаспи уже извѣсна по переводу, изданному за чешыре

года предъ симъ въ С. Петербургъ Депушато-
 номъ Сербскаго народа, почтеннымъ М.
 Ө. Германомъ. Въ новомъ семъ изданіи на
 Сербскомъ языкъ, любопытны извѣстія о
 происшествіяхъ, случившихся въ Сербіи
 послѣ вышепомянушаго перваго изданія. Из-
 вѣстія сіи доведены до нынѣшняго времени
 и заключающъ въ себѣ подробности о при-
 пѣсненіяхъ, копорыми Турки хошѣли об-
 ременишь Сербовъ, о великодушномъ васпу-
 пленіи Императорскаго Всероссійскаго Дво-
 ра за сей единоплеменный и единовѣрный
 народъ, объ Аккерманской конференціи, съ
 приложеніемъ спашей Аккерманскаго дого-
 вора; о нынѣшнемъ положеніи Сербіи и пр.
 и проч. Чувства глубочайшей благодарно-
 сти и благоговѣнія къ Государю импе-
 ратору Николаю Павловичу, за высо-
 кое покровительствво, оказываемое Его
 Императорскимъ Величествомъ на-
 роду Сербскому, дышашъ въ рѣчи Кн. Ми-
 лоша Обреновича, произнесенной къ Князь-
 ямъ и почешнѣйшимъ Сербскимъ людямъ
 ошъ имени Милоша, Секретаремъ его Дави-
 довичемъ, по случаю полученія въ Сербіи,
 чрезъ курьера, М. Ө. Германа, извѣстія о
 томъ, съ какимъ учасіемъ Всероссійскій
 Императорскій Дворъ засшупился за права
 Сербскаго народа въ спашьяхъ Аккерман-

скаго договора. Желательно, чтобы кто-нибудь взялся перевести эту книгу на Русский языкъ, или что бы въ какомъ либо изъ Русскихъ Журналовъ помѣщены были любопытнѣйшія изъ нея сшашья. При семъ случаѣ не лзя не пожалѣть, что Писатели Сербскіе ошсшунди ошъ нашего правописанія, и принявъ наши буквы гражданской печати, выдумали при томъ нѣкоторыя новыя, сложныя, крючковащя и некрасивыя, крайне затрудняющія въ чтеніи соплеменныхъ Сербамъ, Россіанъ. Какъ бы хорошо было, если бы всѣ народы Славянскаго происхожденія, разведенные ошдаленносною мѣсною, инодержавствомъ и пр., сблизались по крайней мѣрѣ языкомъ, Слоvesносною, письменами и Грамматишкой!

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 8.

Драматическая Поэзія.

36. *Гамлетъ, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. Шекспира. Перевелъ съ Англійскаго М. В. С.п.б. въ шипогр. Медицинск. Депарш. Министр. Внутр. Дѣлъ, 1828. XXIV и 205 с. въ 8.*

(Г. В — ко подарилъ уже насъ прекраснымъ переводомъ Байронова *Манфреда*; теперь онъ присвоилъ нашей Литературѣ Шекспирова Гамлета, котораго донынѣ знали мы на нашемъ языкѣ только по жалкимъ передѣлкамъ или полу-Французскимъ подражаніямъ, гдѣ не было и тѣни Трагедіи Шекспировой. Переводъ Г. В — ка отличается вѣрностію, близостію къ подлиннику и счастливою передачею на Русскій языкъ тѣхъ мѣстъ, которыя у Шекспира болѣе всего поражаютъ читателя или зрителя, и, можно сказать, сдѣлались пословицами

въ образованной Европѣ. Размѣръ стиховъ безъ опущенія пошъ же самый, кошорымъ написана Трагедія сія на Англійскомъ языкѣ. Стихосложеніе нашего прелагателя хошя и не вездѣ въ равной степени свободно и шекуче, но языкъ правильный и хорошій выборъ словъ составляющъ шакое достоинство его перевода, кошорое дается немногимъ изъ нашихъ Стихотворцевъ-прелагателей: ибо многіе изъ нихъ лишены шого шонкаго ощущенія, по коему переводчикъ узнаешъ и выбираешъ въ нашемъ разговорномъ языкѣ позволеніе и приличное, а не лѣпишъ въ переводѣ своемъ, безъ разбора, выраженій простонародныхъ и площадныхъ. Въ одномъ шолько мѣстѣ можно за сіе упрекнушъ Г. В—ка; а именно, въ сѣдующихъ чешырехъ стихахъ пѣсни Могильщика (д. V, явл. 1.)

Колдунья-шаросш шагъ за шагъ —

Пришла Яга съ клюбой,

И сѣлъ я, какъ на сушъ ракъ:

Хоть бабка рѣпку пой!

Эшо могъ бы пропѣшъ могильщикъ Русскій, а не Дашскій. За шо сѣдующіе стихи шой же пѣсни превосходно заглаждающъ эшо опущеніе ошъ правдоподобія — и, позволимъ себѣ сказашъ — ошъ приличія:

Носилки, гробъ, да зашущь, зашущь,
 Да черное сукно,
 Да при шага земли, земли,
 Намъ нужны всѣмъ равно.

Такими прекрасными, естественными
 стихами переводъ сей очень богатъ. Выпи-
 шемъ еще чепыре стиха изъ пѣсни, кошо-
 рую Офелія поешъ въ сумасшествіи:

Онъ во гробъ лежалъ съ непокрытымъ лицомъ,
 Съ непокрытымъ, съ открытымъ лицомъ;
 И на гробъ его слезы лилися ручьемъ,
 И въ могилу лилися ручьемъ.

Что можешь быть прогашельнѣе сего
 проспаго, унылаго выраженія безумной горе-
 сти! Сии повторенія однихъ словъ неволью
 ошзываются грустнымъ эхомъ въ душѣ чи-
 тателя.

Переводчикъ, наблюдая всѣ намѣренія и
 даже самыя прихоши своего Автора, передалъ
 намъ каждый стихъ его шѣмъ размѣромъ, ко-
 торымъ оный написанъ въ подлинникъ. Та-
 кимъ образомъ, шамъ, гдѣ между пяписпон-
 ными ямбами монологовъ, вспрѣчались ему въ
 Англійской Трагедіи стихи престоппные
 или двуспоппные, онъ ихъ перѣлагалъ неоп-
 сшупно шѣми же мѣрами; а въ шѣхъ мѣ-
 рахъ, гдѣ дѣйствующія лица у Шекспира го-
 ворятъ прозою, онъ шакже переводилъ рѣ-
 чи ихъ прозою. Въ пѣсняхъ Офеліи и Мо-

гильщика, онъ держался того же правила, т. е. передавалъ ихъ размѣромъ подлинника. Словомъ: Трагедія Шекспирова является у насъ впервые со всѣми высокими ея совершенствами и, по понятію нѣкоторыхъ строгихъ судей, со всѣми ея странностями, въ истинномъ духѣ сего неподражаемаго Трагика. Этого мы и ожидали отъ Поэтическаго шруда Г-на В—ка; но не менѣе того дивимся его дару, умѣнью и терпѣнью, съ которыми онъ такъ счастливо преодолѣлъ представлявшіяся ему трудности. Оснаещя намъ изяснить еще два желанія: во-первыхъ, увидѣть сію Трагедію на Русской сценѣ точно въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ печати; а во-вторыхъ — чтобы Г. В—ко передалъ намъ такъ же хорошо и нѣкоторыя другія драматическія произведенія знаменитаго Британскаго Поэта).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1828. № XXIII и XXIV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ГЕРМАНСКАЯ ЛУКРЕЦІЯ.

(Соглн. Эммы Шопенгауеръ.)

Р и м л я н е.

Пронзительный звукъ трубы раздакъ на цвѣшущихъ брегахъ Везера, въ ту самую минушу, когда утренняя заря появилась изъ-за верховъ синѣющихся вдали горъ и разогнала покровъ ночи, облѣкавшій лѣшній лагерь Квиншилія Вара и его шрехъ легионовъ. Внявъ трубному зову, поспѣшно исторглись ~~Вителле~~ изъ сладостныхъ объятій сна, и оставя налашки, начали обыкновенныя воинскія свои упражненія. Тупѣ подвизались юные стрѣлки, спараясь попасѣ въ цѣль мѣшкими стрѣлами своими; пашь всадники, вооруженные мечемъ или копьемъ, учились вскакивать съ разбѣга на деревянную лошадь, ибо Римляне не знали еще употребленія сѣдла. Въ другомъ мѣ-

стѣ врывали въ землю шолбѣ, надъ которыми молодой воинъ учился дѣйствовать мечемъ и рубиться; недалеко отсюда, сражались между собой старые опытные воины, при звукахъ трубъ и лишавръ, искусно управляя копьями и мечами. Нѣкоторые же изъ нихъ, люди веселаго нрава, плясали пиррической танецъ, изобрѣшенный Греками; лукъ и стрѣлы необходимы для сей пляски, которая представляешь собою живую картину битвы.

Въ то время, какъ дѣятельность распространялась по всему лагерю, составившему необъятной величины четвероугольникъ на муравчашыхъ берегахъ быстраго Везера, глубокое молчаніе царствовало еще въ палаткѣ военачальника; она лежала въ отдаленіи отъ другихъ шатровъ, на возвышенномъ мѣстѣ; окрестность ея содержала чешыреста фуповъ, и въ ней не только помѣщался полководецъ со свитою, но хранились военные снаряды и опправлялось шоржество жертвоприношенія. Бѣлое знамя развѣвалось на острокопечной ея вершинѣ. Наконецъ выходить изъ палатки, въ сопровожденіи Авгура своего, Анпія, Квинтилій Варъ, Проконсулъ Сирии и Главный Военачальникъ Римскихъ легионовъ между Рейномъ и Везеромъ. Онъ былъ тогда во

всей силѣ мужскаго своего возраста; на
 высокомъ, спройномъ спанѣ его возвыша-
 лась красивая Римская голова съ воспоч-
 ными огненными глазами; черные волосы
 рассыпались кудрями вокругъ гордой шеи;
 на немъ шуника изъ шончайшей бѣлой
 шерсти, смѣшанной съ шелкомъ пурпуро-
 ваго цвѣта; сверхъ оной гибкая кольчуга,
 кованная мелкими кольцами изъ золота;
 сандалии, также золотыя, держались на
 шесъмахъ, богато изукрашенныхъ разными
 драгоценными камнями и скрѣпленныхъ подъ
 колѣномъ золотою запонкой въ видѣ льви-
 ной головы; бедра его, по обыкновенію древ-
 нихъ Римлянъ, были открыты; а вмѣсто са-
 гума, или военной епанчи, на плечахъ ви-
 сѣла шигровая кожа; золотой шлемъ, оеѣ-
 няемый бѣлыми и красными спросусовыми
 перьями, блестящій мѣдный щипъ и ко-
 рошкій мечъ, носилъ за нимъ Эѣіонскій
 невольникъ, одѣтый въ пурпуръ. Авгуръ,
 Римскій жрецъ, былъ также въ общемъ вѣствѣ
 Римлянамъ одѣянъ; только имѣлъ онъ плашьє
 темнаго цвѣта и безъ всякихъ богатыхъ
 украшеній. Римскіе жрецы занимали также
 разныя гражданскія должности, и тогда
 только являлись въ уборѣ присвоенномъ
 собственно ихъ званію, когда готовились
 ошпривадить жершвоприношеніе. Анній, лю-

бимецъ Вара, былъ важною подпорою его судейскаго стула, какъ Римскій гражданскій чиновникъ; ибо Варъ, подражая своему предшественнику, Тиверію, старался покорить Германцевъ болѣе соблюденіемъ законовъ и нѣкошораго правосудія, чѣмъ силою оружія; онъ самъ совершалъ судъ всенародно; толпа присяжныхъ окружала его судейское сѣдалище, и Германцы стали уже понемногу привыкать къ пугамъ дозъ и шопорамъ Римскихъ Ликшоровъ.

Правосудіе Вара, хорошее поведеніе и дисциплина подчиненныхъ ему войскъ, были вездѣ прославляемы.

Проконсулъ приказалъ своему Легату Волумпію, съ конницею его шѣлохранишельной стражи, направитъ шествіе къ замку Ализскѣму. „Я самъ,“ сказалъ онъ, „хочу посѣтитъ жилище Мело, Герцога Сигамбріевъ, вблизи оупъ Ализо. Авгуръ донесъ мнѣ, что насупающіе шеперь дни благопріятствуюшъ мирнымъ переговорамъ, а Герцогъ Мело неоднократно обнаруживалъ непріязненность свою и ошвращеніе къ Риму, почему я посшараюсь склонитъ на нашу спорону этого храбраго и сильнаго Князя.“

Повинуясь велѣнію полководца, всадники высшупили въ походъ; Римское знамя, золошой орель, держащій въ когшяхъ своихъ

громовыя стрѣлы, имъ предшествовало, несомое впереди. — Варъ и его Авгуръ сѣли въ легкую колесницу, называемую цизиумъ и заложенную шрема конями. Часъ пѣлохранишелей его послѣдовала за нимъ; шествіе заключалось множествомъ экипажей Проконсула, запряженныхъ мулами; въ нихъ помѣщались его рабы и разные предметы роскоши. Дорога шла часъю нынѣшней Вестфалии и чрезъ прекрасныя гористыя мѣста нынѣшняго Графшва Равенсбергскаго. Восхищенный пріятною зеленью полей, величественными пнями дубовыхъ и сосновыхъ лѣсовъ, веселымъ видомъ улыбающихся долинъ, Варъ сказалъ въ восторгѣ: „Надобно признашья, Германія прекрасная страна!“ Но Анній прибавилъ, вздыхая: „для того, кто никогда не былъ въ Римѣ.“ — „А почему?“ возразилъ Варъ: „я не помышляю болѣе о семи-холмномъ градѣ и о всей красотѣ и великолѣпїи его, находясь посреди этой дикой величественной природы; не думаю болѣе о мупномъ, желтоватомъ и медленно вращающемъ воды свои Тибрѣ, находясь на берегу прозрачнаго и быстраго Везера; не забочусь болѣе о душистой шѣни лавровыхъ лѣсовъ, освѣжаясь подъ мрачными дубовыми намешами этихъ древнихъ дубравъ. А ты, Анній, скажи мнѣ,

чего недоспаетъ тебѣ въ Германіи? Развѣ невольницы и любимые повара твои не сопровождаютъ тебя? развѣ мѣшки твои не наполняются, благодаря спорамъ и враждамъ эшихъ Германцевъ, Герцинскими серебряными слишками; развѣ тѣло твое не можешь переносишь вліянія этого чистаго воздуха; развѣ взоръ твой не восхищается здѣшнимъ прозрачнымъ небомъ; развѣ не радуешь и не возвышаешь себя самого благосклонность твоего начальника? Нѣтъ, Анній, ты не долженъ и помышлять о Римѣ!“

„Есть надежда,“ отвѣщивовалъ Анній: „что Римскіе нравы здѣсь скоро распространятся; прежде Германцы строили себѣ отдѣльные шалаши при берегахъ ручьевъ, въ лѣсахъ, или на плодородныхъ поляхъ; шеперь же они соединяють жилища свои вмѣстѣ, образуя селенія и небольшіе города; безыскусственъ былъ прежде ихъ образъ строенія: изъ свѣжей глины и земли складывали они себѣ дома, многіе даже вырывали пещеры и жили въ нихъ, какъ дикіе звѣри; шеперь же, посмотрите тамъ внизу въ долину, на жилище двухъ благородныхъ семействъ ихъ; посмотрите, какъ они вѣжались на Римскихъ одрахъ; взгляните на ихъ женъ и дочерей, гордо расхаживающихъ

въ Римскихъ одеждахъ. Скоро, скоро, съ плашемъ и уборомъ Римлянокъ, вы, блондуры красавицы Германіи, узнаете также ихъ крошкіе нравы, ихъ милую въпреность. Тогда, супружескій союзъ между вами, гнетущій крѣпкими оковами, копорья несноснѣе самаго несшерпимаго рабства, скоро переѣнился въ самую легкую цѣвѣшочную цѣвь. Уже Римскіе опроки согрѣваются на груди Германскихъ матерей; Римскіе роскошныя пиры расслабляютъ мужество крѣпкошѣлыхъ Германскихъ мужей; блестяція опличія, получаемыя ими въ нашей службѣ, возбуждаютъ ихъ честолюбіе. Уже былъ храбрый юноша ихъ, Арминій, ослѣпленъ блескомъ и великолѣпьемъ нашего Двора; онъ сражался подъ знаменами Римскими, и почишаешь для себя лѣшнѣе шишуль Авгусова полководца и гражданина Римскаго, чѣмъ Князя Херусковъ. О! вѣрь мнѣ, военачальникъ, не одно оружіе наше покорило сполько народовъ; нѣшь! наши нравы гораздо удобнѣе ослабляютъ мужество побѣжденныхъ; искусствва наши и знанія, смягчая упорство покоренныхъ, нечувствительнѣе уменьшаютъ народную гордость и лучше всякаго другаго средства, подрываютъ самостоятельность и независимость.“ — „Какъ!“ воскликнулъ Варъ: „съ

твоимъ ядовишымъ дыханіемъ и такими низкими средствами ты хочешь покорять земли; но знай же, что я скажу тебѣ: ты, хитрый Римлянинъ, зараженный язвою, равно опасенъ и для здороваго; сей послѣдній можешь сдѣлаться самъ, прежде его, жертвою рановременной смерти. Хотя ты мой Августъ, но сегодня я самъ представляю тебѣ картину будущаго: Римъ носишь уже въ нѣдрахъ своихъ сѣмя собственнаго испребленія своего, и не всегда будешь Римляне побѣждать Германцевъ. Римскій орелъ давно уже лежитъ въ пыли и въ бездѣйствіи, тогда, какъ высоко и надменно развѣвающія знамена независимыхъ поколѣній Германскихъ.“ — „Полководецъ!“ возразилъ Анній: „ты изъ числа первыхъ Римскихъ спикопворцевъ, и тебѣ угодно теперь, по вдохновенію ошъ величія окружающихъ насъ дубовыхъ лѣсовъ, предаваться мечтаніямъ. Риму согрѣвать въ нѣдрахъ своихъ сѣмя своего испребленія? Риму! этому владыкѣ Свѣта, котораго одна сѣбны заключающъ въ себѣ четыре милліона жителей; изъ огромныхъ зданій котораго въ одинъ годъ выметено было 10,000 фунтовъ паушины; Римъ, который хитрейшаго и умнѣйшаго изъ людей называлъ своимъ Августомъ; Римъ, который имѣешь

такихъ мудрыхъ Сенаторовъ, такихъ полководцевъ, какъ ты, Августовъ, какъ я; о нѣшь, Варъ! ты представляешь себѣ невозможное.“ — „Спроси Геродота, спроси Тита Ливія, спроси всѣхъ Историковъ,“ продолжалъ Римскій вождь: „Исторія всѣхъ народовъ въ нѣкоторомъ отношеніи одна и та же: сперва свобода, умѣренность, чистота нравовъ, непреодолима храбрость, и сей народъ наполняетъ свѣтъ славою своихъ доблестей и великихъ дѣяній; потомъ деспотизмъ, разрушаетъ, ничтожное честолюбіе приводитъ его къ упадку, и память о немъ до тѣхъ поръ только оспается начертанною во храмѣ времени, пока имя и слава о дѣлахъ его существуютъ въ кругу другихъ народовъ. Весьма справедливо и то, что геній Рима рано познакомился съ своимъ грознымъ и близкимъ истребителемъ. Онъ проливалъ безжалостно кровь своихъ благороднѣйшихъ гражданъ въ междоусобныхъ битвахъ; священное имя опечесива распоргло союзъ природы, и Цезарь палъ отъ руки своего сына. О Брутъ, величайшій изъ Римлянъ! о Кассій! о Катонъ! щепно жили вы на свѣтъ и сражались за свое опечесиво.“ — Тутъ военачальникъ, будучи внутренно распроганъ, замолчалъ. Анній же продолжалъ такъ: „Если жаловашься шоль-

ко на утрапу нашей свободы, но не довольно ли мы теперь вознаграждены за нее споконствіемъ, какимъ наслаждаемся; просвѣщеніемъ, благоденствіемъ Имперіи и всеми благами, какія только могутъ существовать на землѣ?" — „Вы только тому и рады," прибавилъ полководецъ: „и эпошо самое показываешь, какъ вы низко упали духомъ; засыпайше же безопасно и забудьте, что находишесь теперь на краю бездны, поглопившей Римскія добродѣтели и прежнюю славу Рима. Августъ заступилъ теперь мѣсто всякаго ошечества. Быть достойнымъ его сыномъ, было прежде помышленіе каждаго Римскаго гражданина; теперь же онъ домогается чести быть Сенаторомъ, Проконсуломъ, Прешоромъ и шому подобнымъ, ибо эти должности уцѣлѣли еще ошъ времянь свободы; но скоро и онѣ, какъ одни пусшыя названія, обращаяся въ ничтожество. Прежде народъ одинъ раздавалъ сіи достоинства, теперь же — самъ Императоръ; почему и старающа пріобрѣсть его благосклонность, вмѣсто всякой добродѣтели и славы великихъ дѣлъ. Прежде, благородные граждане Римскіе считали для себя низкимъ прислуживанъ въ мелочныхъ должностяхъ особъ Августа во внушренности его жилища: онъ избиралъ своихъ пис-

цевъ, своихъ переводчиковъ, смотрителей своего дома, изъ вольно-ошпущенныхъ, эпой порчи народа, эпоихъ существъ безъ свободы, безъ отечества и потому безъ всякихъ понашій о чести и безъ всякихъ нравовъ. Но вскорѣ эпо рабы снискали благосклонность наушничествомъ Императору, и предъ ними спади изгибабься первѣйшіе Римскіе граждане, чшобъ шолько съ ихъ помощію доспигнушь желанныхъ мѣстъ и почестей; и при шомъ не лучшіе, не благороднѣйшіе граждане, такими недоспойными поступками доспигаюшь своей цѣли, а богашѣйшіе граждане, копорые не щадяшь для шого своихъ денегъ. Такимъ-шо образомъ добродѣшель забыша и не получаешь болѣе никакихъ ошличій во всемъ Государствѣ; они доспаюцца богатству. Такимъ-шо образомъ, по всему необьяшому пространству Римской Имперіи, спали господствовашь любимцы Августа или ихъ невольники; но эпо еще не все: сіи вольноошпущенники выпѣснены, въ угодность Августу, Римскими / Паприціями, вмѣняющими себя въ честь сдѣлабься домашними слугами Императора.“

„Правда, нельзя оспаривать,“ сказала Анній: „чшо Августъ вездѣ даетъ предпочшеніе шаланшу.“

„Доколь Августъ живешь,“ возразилъ Варъ: „по все имѣешь видъ, какъ будто бы Римъ добровольно вручилъ свободу свою въ руки опцовскія; но дай мрачному Тиверію занять мѣсто его, и — рабство Римское останеть. Августъ, человекъ болѣе великихъ дарованій, нежели великаго характера; хотя и умѣлъ онъ возвысить себя на такую степень могущества, однако жъ обманулся въ расчетъ: успроивая благоденствіе Рима и будучи самъ добраго сердца и крошкаго нрава, думалъ, что его правленіемъ ушвердится оно непоколебимо. Если онъ долго будетъ жить, то конечно очнешя опъ своего заблужденія. Добродѣтель уклонилаь уже опъ Римлянъ; алчность къ деньгамъ, стремленіе къ роскоши, сладоспращію и изобилію, заступили ея мѣсто. Какъ нѣкогда престарѣлый Консуль Фабрицій, которому Филиппъ, Царь Македонскій, сказалъ: прежде возмогу остановить солнце на пути его печенія, чѣмъ тебя соврапишь съ пути добродѣтели, — гордился своею бѣдностію и довольствомъ своего сосноянія, такъ нынѣшніе наши Римляне щеславящся великимъ числомъ своихъ невольницъ, благосклонностію вельможъ, роскошію споловъ и безпечною жизнию. Время свое проводящъ они шолько въ играхъ или посреди любов-

ныхъ забавъ, не помышляя о помѣ, чѣмъ обязаны Риму.“

„Но,“ прервалъ Анній: „развѣ нѣшъ ужѣ болѣе Римлянъ, кошорые исполняютъ волю боговъ и въ помѣ находятъ свою награду?“—

„Ты былъ бы весьма недоволенъ Анній, если бѣ тебя осудили на такую награду, хотя бы и счищался въ числѣ тѣхъ, кошорые сдѣлали мало зла и кое-что добраго. Нѣшъ, Анній, нѣшъ, мы сдѣлались невѣрны богамъ своимъ, и кшо это знаешь лучше себя? Только грубая чернь вѣришь еще оракуламъ, и хопя Авгуры немного продолжаютъ въ Римѣ исправлять должность свою; но не ты ли самъ признался мнѣ откровенно, что еще съ вечера накормилъ вчера до-сыща моихъ священныхъ куръ, и кормъ, кошорый онѣ получили, былъ такъ пригошвленъ, что бѣльшая часть его должна была падашь на землю, когда онѣ клевали изъ руки солдата, чшобъ тѣмъ собравшимся воинамъ всего лагеря показатъ счастливое предзнаменованіе. Ни одинъ вельможа нашъ невѣришь болѣе могуществу боговъ; наши стихопворцы приписали - имъ всѣ возможные пороки; и Римскіе граждане не хопятъ бышь лучше боговъ своихъ. Гдѣ ты, блаженное время свяпоспи брачныхъ союзовъ! О Корнелія, маперь Гракховъ! О Порція, супруга Бруша! Чшо

же нашъ вѣкъ можешь представишь примѣрнаго? Развѣ Юлію, дочь Императора, существо преданное всѣмъ гнуснымъ порокамъ; Ливію жену Императора, обыкновенную женщину, имѣющую одну только снрасшь — честолюбіе; снрасшь, кошорой жертвовала она священноу вѣрностиу супруженію. Вошь первыя жены Римскія; а супруги знатнѣйшихъ гражданъ спавяшь себѣ въ честь наперерывъ подвизашься въ шѣхъ срамныхъ поступкахъ, какіе Ливія совершаетъ въ спальнѣ Августа. — Овидій! презрѣнный поэтъ! ты испоршилъ Римлянъ, приписавъ богамъ ихъ чуждые имъ пороки. Въ нашей вѣрѣ прозябаешь сѣмя нашего разврата.“

„Слышала ли ты что нибудь, полководецъ,“ спросилъ Анній: „о видѣніи Августа, кошорый, безпокоился также о всеобщемъ пренебреженіи къ нашимъ богамъ? Тому уже назадъ годъ и два мѣсяца, какъ онъ вопрошилъ Сибиллу Тибрекую о будущей участи нашей вѣры. Сибилла показала Императору, среди мрака ночнаго, въ облакахъ, величественное изображение Божественной Дѣвы. Въ ея объятіяхъ покоилось прекрасное дитя; святиныя и божественное смиреніе напечатлѣвались на его лицѣ, окруженномъ сіяніемъ. Сибилла, указавъ на него рукою, сказала: вошь спасеніе всего Свѣша; къ Не-

му-то будущъ возносишь моленія свои будущія племена. Императоръ повергся на колѣна предъ Божественнымъ Младенцемъ и молился ему. — Одинъ изъ славнѣйшихъ живописцевъ нашихъ передалъ эту картину потомству своею кистью. Однако жъ, вельможи Римскіе видяшь въ этомъ одну только хитрость и уловку Августа, чтобы увѣрить народъ, будто онъ имѣешь откровеніе отъ невидимыхъ существъ. — Что же касаешься до нашихъ женщинъ и стихотворцевъ, то я не во всемъ согласенъ съ вами. — Еще живешь въ благородномъ удаленіи отъ всѣхъ, Октавія, сестра Августа, вдова Антонія, образецъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей; и если вы осуждаете Овидія, то вѣрно будете хвалить Virgilia, этого умѣреннаго, простодушнаго Римлянина, который соблюдая древніе нравы наши, живетъ въ своей деревнѣ, вдали отъ городского шума. Скоро окончишь онъ Энеиду, образцовое произведеніе, надъ которымъ трудился уже двѣнадцать лѣтъ; оно будетъ вѣчнымъ памятникомъ правленія Августова и вѣка его.“ — Темно-багровая краска съ прудомъ скрываемаго гнѣва покрыла шупъ внезапно щеки Вара. — „Какъ мнѣ не хвалишь его,“ воскликнулъ онъ съ язвительное усмѣшкою: „Virgilій въ шѣсныхъ дру-

жескихъ связяхъ съ женою моею. Развѣ не говоряшь въ Римѣ, что нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій были исправлены перомъ его, и что ради сей-то дружбы, посвящены моему имени многія собственныя его произведенія? — Ты называешь его умѣреннымъ? — Пусть такъ; но къ тому принуждаешь его расстроенное здоровье. — Однакожь, довольно: намъ надобно поговорить и о дѣлѣ. Знаешь ли ты Герцога Мело, къ которому теперь мы направляемъ путь свой? —

Съ проворствомъ и ловкостію придворнаго, послѣдовалъ Анній за быстрымъ переходомъ полководца, и ошвѣщивовалъ шакъ на его вопросъ:

„Этотъ Герцогъ Мело происходитъ изъ древней Княжеской Германской фамиліи; вооружень всегда булавою и одѣтъ въ медвѣжью кожу; иногда кажется онъ мнѣ Геркулесомъ; не знаю только, каковъ онъ въ своемъ удалствѣ и похожъ ли на этого полубога въ сраженіяхъ; впрочемъ, онъ не расположенъ къ Римлянамъ, не любитъ ихъ сосѣдства и живетъ уединенно въ своемъ замкѣ; но спрашишься его намъ нѣтъ причины: этотъ варваръ шулаго ума, какъ и большая часть Германцевъ; любимый ими густой напитокъ изъ ячменя, всегда зашмѣваешь парами своими разсудокъ ихъ. Дочь его, Аринія

слыветъ пророчицею, даже и вѣдьмою. — „Вѣдьмою?“ вскричалъ Варъ: „неужели она изъ тѣхъ прорѣкашельницъ, которыя, какъ говорятъ, съ распущенными волосами и окровавленной одеждою присутствуютъ на поляхъ битвы, упивающія кровію пльняныхъ и узнающія будущее, смотря на ихъ шрепещущія внушенности? Кажется, можно весьма близко сравнить ихъ съ нашими Фуриями.“ — „Совсѣмъ нѣтъ,“ возразилъ Анній; „Аринію приличнѣ вамъ сравнять съ Граціями или съ самою Венерою, если только Германки способны къ нѣжному чувству любви. Злашвидные волосы ея не разсыпаются безпорядочно вокругъ бѣлой шеи, но убраны пріятно подъ розовымъ вѣнкомъ, нанодобіе головнаго убора нашихъ женщинъ; она не пьетъ крови, но можетъ легко воспламенять ея; не изъ расперзанныхъ внушенностей предугадываетъ она будущее, но изъ глубины своей души, когда пророческій духъ ея воспламеняется. Однако и ей столь же мало вѣрять, какъ и Кассандрѣ нѣкогда вѣрили Трояне. Подспрекаемый любовнымъ, я часто объѣзжалъ нарочно замокъ отца ея, чтобъ увидѣть эту необыкновенную дѣву; однако жъ послѣ разсудилъ, что это не ведетъ ни къ чему хорошему, и что у меня есть свои милостивыя не-

вольницы. Но ты, полководецъ, остерегайся узнавать коротко эту Семелу, чтобы, по примеру нашихъ боговъ, которыхъ ты столько презираешь, не сдѣлалась ея жертвою.“ — Веселыя картины настоящаго и лесная будущность успокоили встревоженное чувство Римлянина въ груди Вара, и онъ продолжалъ путь свой къ Ализо, мимо высокаго Тевтобурга, гдѣ Германъ, Князь Херусковъ, Римлянами называемый Арминіемъ, жилъ съ прекрасною Тунильдою, супругою своею.

Германцы.

Удалившись въ пограничный замокъ на берегу Везера, сидѣлъ въ своей комнатѣ уединенно, Герцогъ Сигамбріевъ Мело, держа въ рукѣ бычачій рогъ, обдѣланный въ серебро и наполненный крѣпкимъ пивомъ; ибо Мело постоянно избѣгалъ употребленія чужеземнаго напитка — вина. — Только по праздничнымъ днямъ сокъ изъ виноградныхъ дозь, произраставшихъ на берегу Рейна, пѣнился на его столѣ. Одежда сего Князя состояла изъ шерстянаго кафшана, застегнушаго крючками и плотно облекавшаго его тѣло; черная медвѣжья кожа, по обыкновенію Германцевъ, украшенная блестящими серебряными бляхами, покрывала его плеча; у лѣвой руки лежала тяжелая була-

ва, вѣрная повсюду его спутница; колѣна и локти были обнажены; только спутню покрывала сапожокъ изъ кожи съ желѣзною подошвой, чтобъ не повредить ноги на охотѣ въ дремучихъ, непроходимыхъ лѣсахъ.

Подъ него на спѣнѣ висѣло оружіе: шлемъ, съ выдѣланною кабаньею головою, копье окованное желѣзомъ, короткій мечъ и выкрашенный яркими красками деревянный продолговатый щитъ. Угрюмо смотрѣлъ Князь на свое оружіе.

У другаго окна пестро раскрашенной комнашны, сидѣла прелестная Аринія, его дочь; въ ея одеждѣ примѣшны уже были признаки Римскаго образованія и роскоши. Платье изъ тончайшаго бѣлаго полотна, покрываго пурпуровыми полосками, обхватывало стройный станъ ея, покрывало руки и плеча; а часть груди, по обыкновенію, нисколько несоблазнительному для Германцевъ, была открыта, и ея ослѣпительная бѣлизна еще болѣе дѣлалась привлекательною, опшиваясь чернымъ цвѣшомъ выдраной кожи, висѣвшей на плечахъ ея; прекрасные заштоцвѣшныя волосы были собраны подъ короною, украшенною драгоценными камнями; маленькая ножка скрывалась въ сандаляхъ, укрѣпленныхъ серебряными пещлями; она занималась, стоя,

пряжею, и самое верешено показывало уже Римское свое происхождение. — Опець и дочь безмолвствовали, погруженные оба въ глубокія и важныя думы; шупь вдругъ раздался рѣзкій звукъ трубы, и Герцогъ Мело сказалъ: „Вѣрно Римляне проходятъ теперь мимо крѣпости Ализо, лежащей между землями Сигамбріевъ, Херусковъ, Брукшеровъ и Кашшовъ. О, какъ умно избралъ хитрый Друзъ равнину эту для постройки шупь своихъ крѣпостей! О Альфадуръ! неужели я долженъ видѣть оковы, связующія вольность нашу, собственными глазами.“ — „Надѣйся, родитель мой,“ прервала Аринія, спараясь успокоить его: „еще Германское мужество не пошхло въ груди Германской. Часпо враги налагали на насъ цѣпи, однако жъ мы чувствуемъ, что онѣ гнѣшупь насъ и что мы въ состояніи разорвать ихъ.“

„О Аринія!“ продолжалъ Князь, глубоко пронувый: „Воданъ, богъ войны, Фрїа, его супруга, и богиня любви и брака, отвращающъ свои лица отъ насъ; разрушены будутъ наши священныя роци; Римлянинъ поставитъ шамъ спашуи своихъ развращенныхъ и презрѣнныхъ боговъ. Не мудрено, что и Германцы соблазняшся шѣмъ, прельстясь разсказами о слашлюбивыхъ подвигахъ жшителей Олимпа, отвра-

пняща отъ суровыхъ боговъ Валгалы. Виномъ и пирами умерщвляють Римляне наше мужество, которое никогда бы не уступило ихъ оружію. Другъ, во время своихъ походовъ, кошорые, по неопытности нашей въ воинскомъ искусствѣ, для него были очень удачны, заложилъ крѣпкіе замки на берегахъ Рейна и Везера; Тиверій, будучи предумышлительнѣе и хитрѣе его, обманывалъ насъ дружбою Рима, а Квинцилій Варъ даже хочеть похищать сердца народовъ своими проницательствами. О Германія! шеперь мы погибли!“

„Успокойся, родитель,“ возразила Аринія. „Спѣсны и валы Грошенбурга величественно возвышаются среди Оснигскаго лѣса, и они гораздо прочнѣе лучшихъ замковъ Римскихъ, почему и называютъ ихъ Римляне Тевшобургомъ; а Оснигъ по своему Тевшобургскимъ лѣсомъ. Германъ, сынъ Сигизмара, построилъ эшу крѣпость въ глазахъ нашихъ ушѣснителей!“

„Германъ, кошораго Римляне называютъ Арминіемъ,“ повшорилъ Мело: „это несносная рана, кошорая наибодѣе беспокоитъ меня; Германъ, сынъ храбраго Сигизмара, домогался благосклонности Августовой, сражался за Римлянъ, и былъ сдѣланъ Римскимъ гражданиномъ; брашь его живешь въ

Римъ, присягнувъ Августу въ вѣчной вѣрности и преданъ ему всею душою. Самъ Германъ связанъ тѣснѣйшею дружбою съ Варомъ; опецъ супруги его Тунильды, Сегесъ, мощный Князь Хасуровъ и Дуагнбріевъ, радуешя уничиженію Германцевъ и раздорамъ ихъ вождей, иодающихъ ему случай чрезъ поспороннюю помощь распространить власть свою. О, кпо изъ насъ можешъ надѣяшся на перемѣну положенія и ожидаешъ лучшей участи, когда и Германъ, сильнѣйшій и мудрѣйшій изъ Нѣмецкихъ Князей, ослѣпленъ Римскими пронырствами и забылъ самого себя и отечество.“— „Родитель! брось взоръ твой на валы Тевшобурга; и вѣрь мнѣ, что Германъ бодрствуетъ. Въ Римѣ-то и научился онъ побѣждать Римлянъ, зная, что храбрости и силы нашей для того недоспашочно; хитрость и припворство должны расщоргнуть Германское рабство; Германъ провелъ лучшіе годы жизни своей въ городѣ, омываемомъ Тибромъ, чтобы изучиться тамъ воинскому искусству. Римлянъ; тамъ же приобрѣлъ онъ любовь Августа, и дружбу Вара, чтобы тамъ удобнее освободить отечество.“

Внезапный лучъ надежды блеснулъ при сихъ словахъ на лицѣ стараго Мело. „Германъ!“ сказалъ онъ: „для чего ты не сдѣ-

дался моимъ сыномъ! я бы себя воспламенилъ еще болѣе вспуписья за права Германцевъ, а эпошь хладнокровный Сегесшь? О Аринія! зачѣмъ шы опказала Герману въ своей рукъ? Эша Тунильда, дочь Германца, преданнаго Римлянамъ всею душою.“

— „Слухъ носисся,“ возразила Аринія, „чшо Германъ похипиль насильно свою Тунильду у опца ея, послѣ доагвременныхъ и бесполезныхъ исканій своихъ, и никакая дружба не можешъ имѣшь мѣста между Сегесшомъ и юною чешою, хѣпя по видимому, они примирились шеперь. О вѣрь мнѣ: Тунильда, жена, досшойная своего Германа! Мнѣ шолько одной, родисель, Фрїя воспрешила наслаждашься прїяшностями любви и брачнаго союза; уподобляясь богинѣ Спошрѣ, должна я блуждашь въ одиночешвѣ, ибо такъ угодно богамъ; а мрачная Скульда говоришь мнѣ шайно: эша жертва нужна для благоденствїя швоего опечества.“

Мело не слыхаль однако жъ послѣднихъ словъ дочери; скорыми шагами ходиль онъ взадъ и впередъ по комнашѣ и воскликнулъ, съ пылающими опъ сильнаго внутренняго движенїя, щеками: „Воданъ! въ чешь швою, да прольешся Римская кровь на священномъ швоемъ холмѣ; шакъ, шребуй всего, чшо ешь для меня драгоцѣннѣйшаго въ жизни,

могущественная Гелла, богиня преисподняго свѣта! я все посвящаю тебѣ; но позволь мнѣ пролить кровь Римлянъ, позволь насладиться радостію и неоцѣненнымъ счастьемъ, видя распорженными цѣпи, положенныя на Германцевъ этими гордыми владыками свѣта!“

„Родитель! чего желаешь ты!“ воскликнула поблѣднѣвшая Аринія: „ты призываешь спрашную Геллу! — Жестоки и немолимы боги Германскіе, — отецъ мой! Скульда вѣщаешь мнѣ опять, швоя молишва исполнится, но горе мнѣ, горе бѣдной швоей дочери!“ —

„Что съ тобою сдѣлалось, Аринія?“ — сказала Мело, подходя къ ней поспѣшно. — Тушь вошелъ въ комнату богато одѣтый Римлянинъ съ извѣстіемъ, что Варъ находится въ крѣпости Ализе, и проситъ Герцога Мело о госпепрїимствѣ. — Никогда не было для Мело такъ тяжко исполнить эшошь долгъ, священный въ его народѣ; губы его шрѣслись ошъ внутренней борьбы, когда онъ ошвѣчалъ посланному: „Квиншилій Варъ найдетъ меня готовымъ принять его.“ — Когда же посоль удалился, Аринія подошла къ своему ошцу и сказала: „позволь мнѣ теперь удалиться, чшобъ не встрѣшишься здѣсь съ Варомъ; пророческій

духъ пробудился въ груди моей, и предска-
зываетъ мнѣ въ эпомѣ гостѣ близкую о-
пасность для насъ.“ — Герцогъ Мело, пре-
исполненный почтенія къ духу прорицанія,
своей дочери, кошорую онъ спавиль нарав-
нѣ со всѣми Сибиллами Сѣвера, сконился на
просьбу ея. — Вдругъ, по деревяннымъ шу-
пенямъ раздаѣся шукъ ошъ мужескихъ ша-
говъ, отворилася дверь, и Германъ, Князь
Херусковъ, входитъ въ комнату.

„Да будешь благословенъ приходъ швой
изъ Грошенбурга, мужесшвенный Князь!“
воскликнулъ Мело, простирая къ нему свои
объятія. „Что тебя привело ко мнѣ?“
„Въщїе вороны Водана, Гугимъ и Мушимъ.
Послѣдній даетъ мнѣ чувспвовашъ, чѣмъ мы
были, а первый — что мы шеперь, и внушаетъ
мнѣ, чѣмъ оная мы бышъ можемъ. Ты ко-
нечно понимаешь меня, Герцогъ Мело: Квин-
цилїй Варъ всшупилъ сегодня въ швой
домъ.“ — „Ты хочешь, чшобъ я велѣлъ его
умертшвить? Нѣшъ, Германъ, нѣшъ, эшо не
годишся; гостепрїимствво священно для
Германца; но, сражашся съ нимъ внѣ мо-
ихъ владѣнїй я не опказываюся. Пустьъ вы-
ходишъ онъ; вооружасъ своимъ мечемъ, а я
своею булавою, и пусть падешъ тогда, какъ
жертва спрашной Геллы. Уларъ могучїй
будешъ подкрѣпляшъ меня своею помощїю

невидимо.“— „Юноша съ сѣдыми волосами,“ возразилъ хладнокровно Арминій: „къ чему послужишь намъ смерть одного Вара? Когда останутся еще легіоны, по Волумпій, Легашъ его, развѣ не можешь заступитъ тогда мѣста военачальника и ужаснымъ образомъ отплатишь смерть его? Нѣтъ, Мело, нѣтъ; дружелюбно и усердно долженъ ты встрѣтитъ Вара и отогнать отъ него малѣйшую тѣнь подозрѣнія о твоей вѣрности и преданности къ нему; ты долженъ угождать ему пріятными, льстивыми рѣчами, раздѣлять забавы и радость Римлянъ; короче, сдѣлаешься совершеннымъ Римляниномъ, доколь Варъ будешь у тебя въ гостяхъ.“

Съ нахмуреннымъ лицомъ отвѣщивалъ ему Мело: „Знаешь ли ты, что я этого не могу никакъ сдѣлать, и не въ силахъ прищворяться?“

„Стоишь только захотѣвъ, Мело; дѣло идешь шеперь о свободѣ цѣлой Германіи. Германъ, двадцатилѣтній юноша, пресмыкался въ Римскихъ оковахъ, льстилъ, чпобъ получишь благосклонность Августа и дружбу Вара; прошивъ воли прикрывалъ свое прошое (открытое сердце личиною лицемерія, унижался, будучи рожденъ повелѣвашь! Повѣрь, Герцогъ, это мнѣ дорого стоило! Неужели ты шеперь не хочешь

сдѣлашь и десяшой доли шего?“ — „Сдѣлаю, чшо въ силахъ; но ошкрой мнѣ напередъ планъ лвой.“ — „Вошъ въ чемъ состоишь онъ: обходишься съ Варомъ дружелюбно и ласково до приближенія вечера шого самаго дня, въ кошорый мы празднуемъ Ошаръ; пошомъ проси Вара ошъ имени всѣхъ Нѣмецкихъ Князей сопровождать шебя въ священную рошу Гогеншпейнскую, гдѣ будешь ошправляешь торжество и жершвоприношеніе; шуда прибудешь онъ со всѣми своими Трибунами, Ценшуріонами и всѣми первѣйшими чиновниками своей свашы и войска, и чшобъ ближе къ себѣ имѣшь и вошновъ, онъ вѣрно, по выходѣ изъ швоего зѣмка, велишь сняшь свой лѣшній лагеръ у Везера и расположишь легіоны свои въ густомъ Ошнискомъ лѣсу. Жершвоприношеніе по обыкновенію, будешь ошправлено въ честь безсмершныхъ; но чшо Друидъ Либисъ увидишь во внушренносшяхъ закланныхъ жершвенныхъ зверей, шо ошкроешь онъ шолько мнѣ и швоей дочери Арини, чшобъ пошомъ въ удобное время сдѣлашь извѣсною и народу волю боговъ. Какъ скоро праздникъ кончашся, упроси ты Вара ошяшь сюда съ шобою, и онъ конечно легко послѣдуетъ швоему приглашенію, пошому чшо хочешь снискашь дружбу швою; а сверхъ шого,

онъ легко покоряется могуществу красоны женской. Въ то время, какъ невѣрная жена его смѣется надъ нимъ въ объятіяхъ спиховорца Виргилія, эпотъ сластолобивый Римлянинъ распространяетъ порчу нравовъ между дочерьми Германіи; весьма возможно и то, что онъ вздумаетъ влюбиться въ Аринію и искаетъ въ глупомъ обольщеніи ея благосклонности. — „Она не хочетъ видѣть его, Германъ; и вѣрно никогда не согласишься пить въ немъ безумные замыслы любви.“ — „Для свободы Германіи! Спарики, женщины и дѣти одушевляюся этимъ словомъ на величайшія трудности и дѣла необыкновенныя; но чего же и боишься Ариніи? Ни одинъ Германецъ не будетъ и помышлять, чтобы она когда либо вняла любви Вара; и хотя бы столь же громко заговорили прошивъ нея, какъ нѣкогда кричали прошивъ поступковъ Германа, нельзя повѣришь, чтобы сердце ея склонилось въ пользу чужеземца, непріятеля ея опечесива! Однако жъ, я опять обращаюсь къ моему плану! Пока Варъ будетъ проводишь у себя время, ласкаясь надеждами и увеселяясь своими успѣхами, Германскіе Князья сберутся въ Танфалгайской роць; тамъ, среди величественныхъ дубовъ и древнихъ вязовъ, моя рѣчь воспламенишь ихъ къ ве-

ликому дѣлу; всѣ Князья соединяшся между собою для освобожденія Германіи, произнесушь торжественную кляшву, сберушь лучшихъ и храбрѣйшихъ своихъ воиновъ, и двинушся со всѣхъ сторонъ въ дремучій Оснигскій лѣсъ; попомъ,“ — продолжалъ Германъ и сильнѣе запылали щеки его: „попомъ займушь они всѣ выходы изъ лѣса, выгоняшъ Вара изъ долины къ Гроштенбургу, и шамъ же изъ глубины мрачныхъ, лѣсисныхъ дебрей Херускъ нападешь съ яростию на опчаявшихся въ спасеніи своемъ Римлянъ, и кровь прехъ легионовъ, шесши когоршъ и прехъ вэскадроновъ конницы обогришь почву Германскую.“

„А шѣхъ, кошорые спасушся ошъ меча, мы возьмемъ въ плѣнь и принесемъ въ жертву Водану,“ вскричалъ Мело въ дикомъ воспоргѣ. — „Германъ, пы конечно былъ въ мрачномъ вертепѣ волшебства и укрощаль шамъ ядовитыхъ змѣй, заславляя ихъ попомъ служишь тебѣ же! Послушай, въ началѣ швоей рѣчи, гивъ и негодование объяли было грудь мою ошъ мысли, что Германецъ долженъ будешь упошребляшь обманъ и коварство для своей пользы; но шеперь я покорюсь силѣ швоего духа; коварствомъ и хипросію мы воспоржествуемъ шакже надъ ними. Тебя избрали

Валькирії бышь избавишелемъ своего ошечества, Германъ; и Воданъ пребываетъ съ шобою.“

„Я ввѣрюсь во всемъ Алфадуру,“ прервалъ Германъ: „шолько помни, что для успѣха нашего, почщенный Мело, необходимы: ошпорожность, предусмотрительность, скромность и шайна; въ одномъ шолько Сегешъ я не увѣренъ.“

„Развѣ Тунильда не супруга швоя и не дочь его?“

„О Князь! въ шу самую минушу, какъ я пріобрѣлъ любовь Тунильды, сдѣлалось мнѣ совершенно ошкрытымъ сердце этого предашеля. Я обвинялъ жребій, постигшій наше ошечество, а онъ вздумалъ доказывать мнѣ съ Римскимъ краснорѣчіемъ, что рабство ешь благодѣяніе, а независимость бѣдшвенная учашь. Хотя неоднократно разспроивалъ я планы его, спремящіеся къ шому, чшобы посредствомъ Вара пріобрѣсть себѣ болѣе власши, уваженія и владѣній въ Германіи; однако жъ глубоко скрывалъ я въ душѣ, какія чувшва шѣмъ возбуждались во мнѣ. Я получилъ ош него ошказъ въ рукѣ Тунильды; конечно хошѣлъ онъ, чрезъ красошуея, совершенно овладѣть сердцемъ Римскаго полководца и управлять имъ по своей воли; но благородная Гер-

манка шайно поверглась въ объятія своего Германа. Посредничесвомъ Вара, отецъ ея примирился со мною и шо болѣе для виду. Я думаю, въ Тафспанской дубовой рощѣ, въ кругу храбрыхъ Германскихъ Князей, Сегесъ не будешь имѣть въ себѣ сколько мужества, чшобъ объявить себя врагомъ Римлянъ. Однако жъ, довольно; звукъ трубы раздастся, Квиншилій Варъ приближается; хоша мнѣ и больно, чшо онъ долженъ погибнуть; но не съ нимъ веду я войну, а съ ушѣснишелями Германіи, въ какомъ бы видѣ они ни были.

Полководецъ Римскій въ сію минушу является въ комнашу, и его принимають, какъ прилично сану главнаго начальника Римскаго въ Германіи; его вспрѣчаютъ съ дружескими объятіями и осыпають ласками, хоша и пришворными.

Г о с т е п р и м с т в о .

Герцогъ Мело угощаль своего знашнаго посѣшителя всѣмъ, чшо шолько земля, ему подвласшная, производила. Дикорасшущіе овощи, свѣжая кабарина, дичина, заквашенное молоко и кислое вино Рейнское мало удовлетворяли прихошамъ и сластолюбію Римлянъ; почему Варъ и приказаль привез-

пи къ себѣ изъ Ализо искромешныя вина Греціи, Кипрское, Хіосское и пѣнящееся Фалернское. — Нѣмцы пили исправно; самъ Герцогъ, по убѣжденію Германа, опивдалъ въ первый разъ винограднаго соку Греческихъ лозъ. Веселыя пѣсни раздавались вокругъ пиршествующихъ; ибо Германцы переняли отъ Римлянъ обыкновеніе обѣдать за большими споломи, вмѣстѣ съ своими госпями; прежде же каждый изъ нихъ обѣдалъ особенно, за малымъ споломъ, такъ какъ это и понынѣ въ употребленіи у Кипайцевъ. Римляне, напрошивъ, въ Германіи оставили воспочное обыкновеніе возлежать во время обѣда, и тушь перемѣшавшись съ Нѣмцами, сидѣли они на скамьяхъ одинъ подлѣ другаго. Между тѣмъ Аринія скрывалась, обѣщая испоняшнымъ смущеніемъ, въ зеленой рощѣ, возлѣ замка отца ея: карпины будущаго, неизмѣримый предѣлъ вѣчности, сильно волновали душу ея. Она разоспала бѣлое покрывало свое на землю, опломила вѣтвь плодоваго дерева, разломала ее на мелкіе куски и разбросала ихъ по покрывалу; молилась богамъ Валгалы, и поднявши трижды къ небу исподненные благоговѣнія взоры, сказала тихимъ голосомъ: „да будетъ благо народу моему;“ пошомъ прибавила: „сегодня назначенъ переговоръ между

Германомъ и опцемъ моимъ въ полночный часъ. Но что вижу я? вы, суровые боги Ваалгалы! для чего общаете вы благо народу моему, а гибель Арини? — Не гнѣваешься ли за то, что я видѣла во снѣ божественнаго младенца Дѣвы, послѣ того, какъ Германъ рассказывалъ мнѣ о видѣннн Авгуспа? Я видѣла также истиннаго Бога на пронѣ, составленномъ изъ солнцевъ и звѣздъ, носящагося надъ мірами, окруженнаго не земнымъ, но нѣкимъ священнымъ величіемъ, и будучи объяна шрепешомъ и смущеніемъ, не дерзала приблизиться къ нему. — Громы его раздавались спрашно, огненные молніи блискали; вокругъ него спояли въ мрачномъ и грозномъ видѣ своемъ боги Ваалгалы; и между ними была спрашная Гелла, съ длинными, черными волосами, обогренными кровію умерщвленныхъ на войнѣ и въ чеспъ ея. — Тупъ объяло меня неизъяснимое спременение къ любви, сожалѣнію и милосердію, и предъ мною споялъ Сынъ Дѣвы, но уже не опрокъ, а мужъ, сіяющій лучезарностію солнца, какъ бы пришупленною шуманомъ осеннаго дня; онъ прошянулъ ко мнѣ окривавленную свою десницу и подвелъ меня къ прону Господню, мимо преобразившихся въ неподвижные камни Германскихъ боговъ. Ужасная Гелла исчезла; Господь прижалъ

къ своей груди пушеводителя моего; небесная гармонія очаровала слухъ мой, и въ эту минушу я проснулась. — Не за сонъ ли эшошь гнѣваешься ны на меня, неумолимая Гелла? Миѣ говоришь въщій духъ мой, что прошекушь цѣлаа споаѣшя преже, нежели мечшы мои совершацца; но онѣ не истинны, онѣ не относяцца къ вещешвенному, къ пространству и времени, шаъ какъ скоропреходящая жизнь моя; дочь Мело будешь жишь и умрешь, какъ Германка. Услышьше кляшву мою, вы, боги Валгалы! Такъ говоришь миѣ судьба, направляющая мои жизненные пуши: я буду жишь и паду за мое ошечештво, за его свободу.“ — Аринія спала опяшь на колъна и подняла руки вверхъ къ лунѣ, кошорая блѣдными лучами своими освѣщала шогда уединенную рошу. Тушь вдругъ какой-шо Римлянинъ вышелъ изъ гущины деревь, и изъ устъ усшрашенной дѣвы невольнo вырвалось шрепешнымъ голосомъ: „Квиншилій Варъ!“

Военачальникъ (ибо въ самомъ дѣлѣ шо былъ онъ) возразилъ съ удивленіемъ: „развѣ шы знаешь меня, прекрасная дѣвица? и шы конечно не иная кто, какъ Княжна Аринія, дочь Мело, въ груди кошорой обитаешь пророческій духъ; но скажь миѣ, для чего удадешься ошъ гостепримнаго крова

отца своего; и о чемъ мечтаетъ въ шакожъ
глубокомъ уединеніи? “

„Я молилась моимъ богамъ! “

„Ахъ! боги Германскіе свирѣпы и мрачны, хотя величественны и важны: впрочемъ, не думаю насмѣхаться надъ богами вашими, любезная дѣвица. Веданъ и Герта будутъ долго еще жить и властвовать на землѣ; тогда, какъ Юпитеръ и Юнона давно возвращились въ царство басней. — Только одинъ изъ боговъ Римскихъ и Греческихъ будешь долѣ всѣхъ царствовать, даже долѣ, нежели и самые Германскіе боги; власть его продолжишь до скончанія свѣта. И въ здѣшнихъ лѣсахъ владычествуешь онъ; и хотя стрѣлы его щадил до сихъ поръ сердца дѣвъ Германскихъ, но онъ избралъ себѣ престолъ въ ихъ прекрасныхъ голубыхъ глазахъ, и горе дерзкимъ, на нихъ взирающимъ! Неужели вы ничего не слыхали о немъ? Эшо всемогущій Амуръ! “

„Германія не знаетъ его, Варъ! “

„Однако жъ онъ и здѣсь обитаетъ, и эшо узналъ я только въ первый разъ сего дня, прекрасная Аринія! “

Герцогъ Мело, Германъ и нѣкоторые изъ свиты ихъ приблизились къ Ариніи, и Германъ не весьма радъ былъ, найдя ее въ разговорахъ съ Варомъ. Когда же кончеца,

около полуночи, гости и хозяинъ разошлись по своимъ комнатамъ, Германъ и Мело явились въ спальнѣ Ариніи, съ шѣмъ, чѣмъ и ей также открытъ свои намѣренія.

Мужественная дѣва, припоминая свою клятву, на все опважишься для блага Германіи, изъявила свое согласіе и похвалила предпринимаемый ими подвигъ.

Аринія, копорой грудь наполнена была какимъ-то восхитительнымъ упоеніемъ, дошолъ ей неизвѣстнымъ, спаралась предаться сладости сна; вскорѣ пріятныя сновидѣнія спали носиться вокругъ покоящейся; но эти сновидѣнія напоминали не родной край, а что-то Римское.

Солнце, считавшееся у Римлянъ и Германцевъ изображеніемъ божества, сполло уже высоко на небѣ, когда гости и хозяинъ замка испорглись изъ объятій покоя. Германцы, слѣдуя обыкновенію своему, пошчасъ пошли въ теплыя бани, пошомъ сполы снова были уславлены разными напиткими и роговыми чашами; а для удовольствія гостей, велѣлъ Мело нѣкоторымъ Германскимъ юношамъ показать игры и увеселенія своего ошечства. Скинувъ одежды, бросались они съ величайшимъ искусствомъ между обнаженныхъ мечей и ошрыхъ копій, не причиняя себѣ ни малѣйшаго

вреда. Римляне признались, что эта игра имъ лучше нравится, нежели ихъ гладиаторы, и въ военнопленные, преступники и даже иногда граждане Рима, обремененные презрѣнiемъ и бѣдностью, которые сначала сражались съ дикими звѣрями, а потомъ другъ съ другомъ даже на самую смерть.

Римляне старались также съ своей стороны повеселить общество разными, имъ извѣстными въ то время прiятными искусствами. Сперва показался невольникъ, который голосомъ удивительно подражалъ пѣнiю разныхъ пѣвчихъ птицъ; потомъ другой ошачился искусствомъ въ панцахъ; наконецъ одинъ молодой Сирианинъ, родившiйся безъ рукъ, вмѣсто нихъ, употреблялъ ноги свои, чтобы натягивать лукъ и играть на трубѣ, поднеся ее ко рту.

Скоро потомъ собравшiйся народъ разошелся по разнымъ отдѣленiямъ зѣмка, и занялся играми въ шары и кегли, а Германцы пошчасъ предложили имъ играть въ кости, любимѣйшую забаву сего народа; предложенiе было принято, и эта игра нашла много охотниковъ, которые принялись за нее съ большимъ жаромъ. Римскiе воины, находившiеся въ свитѣ Вара, могли проигрывать или дѣлать ставку золотомъ, оружиемъ, плащемъ и лошадьми; но у собрав-

ирихся: шущъ Германцевъ, не было шакого изобилія предметовъ для игры. Тогдашнiе Нѣмцы жили отдѣльными домами, а нѣкоторыя селенiями и деревнями, составившими изъ немногихъ семействъ, подъ управленiемъ избраннаго старшiишии. Каждый Германскiй отецъ семейства былъ неограниченный властелинъ, почти идолю своихъ домашнихъ; почему высокое понятiе о свободѣ простиралось до послѣднихъ бѣдняковъ въ народѣ. Все приговоры совершались на всенародной сходкѣ, гдѣ и самый бѣднѣйшiй гражданинъ-отецъ могъ подавать свой голосъ. Правда, что были и рабы между ними, но такіе, какъ невольники Римскіе; они не были никогда употребляемы для низкихъ домашнихъ работъ, не подвергались гоненiямъ или побоямъ. Иногда случалось только, что въ пылу спрашн, какой нибудь Германскiй владѣлецъ умерщвлялъ безнаказанно своего васалла, который самъ владѣлъ домомъ и конями и былъ полнымъ надъ ними господиномъ; но не имѣлъ покровительства законовъ касательно своей личной безопасности.

Сей народъ, столь мужественный и простодушный, и не за долго предъ шѣмъ столь упорный въ охраненiи своей независимости и въ привязанности къ своимъ правамъ, нѣ-

которымъ образомъ самъ сдѣлался ревностнѣйшимъ пособникомъ въ усиліяхъ Римлянъ къ ослабленію его мужества и къ распространенію просвѣщенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и порчи нравовъ. До тѣхъ поръ Германцы не знали употребленія монеты, и чрезъ мѣну нѣкоторыхъ вещей удовлетворяли нуждамъ своимъ; тогда же деньги получили у нихъ также цѣну, и они, прельщаясь блескомъ золотыхъ монетъ Римскихъ, ставили наудачу не только дома свои и поля, но даже самую свободу. Поперявшій такую своенравіемъ горшувъ, добровольно позволялъ себя вязать, и терпѣливо отдавался въ рабство, храня слово свое, какъ прилично честному Германцу.

Германъ пришелъ на первый дворъ, гдѣ просыпые Германцы и солдаты Римскіе увеселялись бросаніемъ костей. Онъ подошелъ сурово къ тѣмъ, которые поперяли свободу свою, и говорилъ имъ такъ громко, что другіе могли слышать: „Вы можете радоваться неблагоразумію своему, рабы Римскіе! Въ Римѣ и среди цирка должны вы будете забавлять народъ; но вы конечно не сдѣлаете того, что сдѣлалъ тотъ великодушный Германецъ, который, будучи посаженъ въ колесницу для ристанія въ циркѣ, нарочно свѣсилъ свою голову, чтобы

размозжитъ ее подъ колесами, и такимъ образомъ мучительную смерть предпочесть безчестию быть увеселеніемъ, народа Римскаго.“

Тихій, понемногу увеличивающійся репошь поднялся въ народъ, когда Германъ переспалъ говорить, и игра вдругъ прекратилась. Германцы разошлись, каждый къ своимъ занятіямъ, а любопытство и взоры Римлянъ обратились на пріездъ Княгини Тунильды, кошораа, въ полномъ великолѣпнн Римлянки, спѣшда къ увеселительному замку Герцога Мело, въ блестящей; украшенной серебромъ, позолотой и слоновою костью колесницѣ, запряженной четырьмя красивыми лошадьми. — Тунильда, по желанію супруга своего, была одѣта совершенно по Римски; она имѣла на себѣ тунику изъ тончайшей бѣлой шерсти, которой рукава покрывали руку по самую кисть; сверху оной надѣта была шелковая маншія пурпуроваго цвѣта, украшенная золотымъ шитьемъ, и спереди, ниже груди, укрѣпленная пряжкою изъ драгоценныхъ камней. Это верхнее платье покрывало только лѣвое плечо, а правое оставалось обнаженнымъ. Темно орѣховаго цвѣта волосы Тунильды собраны были подъ золотую гребенку, а голова украшалась золотомъ богато-осыпанною

разными драгоценными камнями короною; на ногахъ надѣты были также золотыя сандалии, коихъ перевязи украшались жемчугомъ; на пальцахъ блистали драгоценныя кольца, и двѣ Греческія неводьницы, одѣтыя въ пурпуръ, слѣдовали за нею.

Аринія, показавшись въ этотъ день въ одеждѣ Германской прорицательницы, называвшейся тогда Волде. Она состояла изъ низкаго плашня свѣтлоголубаго цвѣта, усаженнаго блестящими звездочками; на плечахъ развѣвалась мантія изъ лъвиной кожи, голова окружалась дубовицъ вѣнкомъ; длинныя искусно сдѣланныя лисья висѣли внизъ. Въ семь-то необыкновенномъ уборѣ, явилась Аринія подлѣ блестящей Тунильды, одѣтой по послѣдней Римской модѣ, уподобляясь испинѣ подлѣ басни. — Сравнивая обѣихъ красавицъ, хотя и трудно было рѣшить, которой изъ нихъ опдашь преимущество, однако жъ большая часть изъ присутствовавшихъ предпочитала блѣдную, задумчивую Аринію.

Тунильда, коей черты приближались къ красотѣ Фимлянъ, жительницъ Юга, гордою поступью и правильнымъ лицомъ совершенно заслуживала первенство; цвѣтъ шѣла ея былъ бѣлъ и чистъ; однако жъ она казалась смуглою подлѣ Ариніи; и Варъ,

при взгляды на сию послѣднюю, невольно помышлялъ о холмахъ Реніи, покрытыхъ снѣгомъ, когда они блистають при захожденіи вечерняго солнца. — Въ самомъ дѣлѣ, на щекахъ Ариніи пылалъ румянецъ, какъ бы опраженіе какого-то священнаго, внутренняго огня, согрѣвавшаго душу ея, а въ чертахъ лица ея выражалось что-то неизяснимо прелестное, невольно внушающее мысль о сродствѣ и сообщеніи ея съ духовнымъ міромъ. — Германъ и Туинльда представляли собою цѣлому собранію картину чистѣй, взаимной и счастливой любви. Квиншилль Варъ далъ еще почувствовать Герману сипраснымъ вздохомъ, и ошъ хишраго Нмнда не скрылось, какъ глубоко Римлянинъ пораженъ красотой Ариніи. Во взорахъ Военачальника выражалась не сполько пыжоспъ, какъ самое нѣжнѣйшее чувство, безъ кошораго, казалось, для него ничего незначило жпшь на свѣшъ. — Служители Герцбга Мело въ сей день заняшы были пригото-вленіями дороги къ Гогеншшейну, (Гогалишійну), гдѣ всѣ окружные Князья, намѣривались приносить жерпву лунному богу Оспору. Но сей-то причинъ была опложена зашъ-вавшаяся прежде охота. Варъ восхищался симъ случаемъ, ибо теперь онъ сопровождаль пррекрасную Аринію, безирешанно

расказывала ей о великопѣнии Рима, о сла-
вѣ предковъ, и о богахъ и герояхъ своего
ошечества и Греціи.

„Когда я въ первый разъ услышала о
богахъ вашихъ, сказала Аринія, то показя-
лось мнѣ, какъ будто бы яши милостивые,
привлекательные образы, носящіеся въ стра-
нахъ, благословенныхъ умѣренностію клима-
та, съ дружескими объятіями приближающі-
ся къ нашимъ суровымъ божествамъ и смяг-
чаютъ ихъ неприсутній къ жалости серд-
ца, но скоро потомъ увидѣла я, какъ ложны
были мои понятія и какъ обманулась я въ
своемъ заключеніи. Ваши герои суть на-
стоящіе боги вашего народа, въ то время,
какъ боги ваши предаются такимъ гнуснѣй-
шимъ порокамъ, какихъ успыдился бы и са-
мый послѣдній изъ Германцевъ.“

„Въ томъ виноваты большею частію
наши стихотворцы, возразилъ Варъ: давно
уже каждый образованный Римлянинъ въ-
руеть только въ одно вѣчное, невидимое,
высшее Существо, а въ нашихъ богахъ и
богиняхъ мы видимъ только наименованія
различныхъ силъ и явленій природы; но про-
спой народъ, который слѣпо приверженъ
къ пѣснямъ и вымысламъ стихотворцевъ,
непримѣнно теряетъ уваженіе къ своимъ
богамъ, и алтари разрушаются у насъ го-

раздо прежде, нежели жершвенный холмъ
вашего Водана. Но когда нибудь придешь и
его очередь; полько богъ, взирающій изъ
двоихъ прелестныхъ глазъ, богъ, смершель-
до уязвившій сердце мое, будешь вѣчно вла-
дычешшовать надъ смершными.“

Аринія покраснѣла, въ смущеніи попу-
дила взоры и поспѣшила удалишься отъ
полководца Римскаго. Въ эту минушу при-
ходишь шолстый Аппій, одѣшый въ пурпу-
ровую маншію — торжешственную одежду
Авгуровъ, и съ лицемъ, покраснѣвшимъ отъ
излишняго упопреленія винограднаго на-
лишка. „И такъ, Квиншидій Варъ,“ началъ
говорить онъ съ блиспающими глазами: „на-
ши дѣла идушь какъ нельзя лучше. Герман-
цамъ шеперь нечего будешь желать лучше-
го, какъ назвашься Римскими невольниками.
Развѣ шы не замѣшилъ, какъ понравилась
вина наши вшому шарому медвѣдю, Мело?
Взгляни полько на Княгиню Херусковъ, не
одѣша ли она такъ, какъ Юлія? На шо мо-
жешь шы швердо положишься, что приняв-
ши разъ наши обыкновенія, они уже не оп-
шанушь отъ нихъ, хошя бы и вся Герма-
нія пошла вверхъ дномъ; когда же Нѣмецкія
жены будушь рядиться и убираться, какъ
Римскія, тогда мы легко воспоржешшвуемъ
надъ ихъ прокляшымъ цѣломудріемъ и скром-

носпію: не всѣмъ же имъ оспавашься Веспалками! Я не понимаю, какъ все это дѣлается; но полководецъ, ты узнаешь, что Аппій Авгуръ имѣешь проницательный взоръ въ будущее и даже касательно твоей судьбы; Семела Но извѣстно ли тебѣ, что Римъ, въ теченіе десяти столѣтій, зарылъ живыми въ землю четырнадцать Веспалокъ, нарушившихъ свои клятвы? И у Нѣмцевъ это бываешь. И такъ, полководецъ, береги сердце свое! “ — „Замолчи, несносный болшунъ;“ воскликнулъ Варъ, бросая повелительный взглядъ, оный кошораго любимецъ его принужденъ былъ усмириться и замолчать: „въ тебѣ бродитъ Фалернское!“ Испугавшись грозныхъ словъ сихъ, Авгуръ поспѣшно удался и легъ спать на мхъ, въ пѣни древняго дуба. Разсѣявшіеся по садамъ замка госпи Мело собрались къ ужину, кошорый рабы Вара пѣніемъ, шанцами и представленіемъ разныхъ явленій изъ Римскихъ Драмъ спарались всячески сдѣлать пріятнымъ. Германъ и Варъ рассказывали шакже собравшемуся обществу много кой-чего о Римскомъ Театрѣ, построенномъ Помпеемъ, въ кошоромъ надѣлано было сорокъ тысячъ покойныхъ мѣстъ для зрительей; и Варъ вспомнилъ при семъ случаѣ слова великаго жреца Сципіона Навики, кошорый, въ героич-

Ческія времена Рима, склонилъ Сенатъ выдать законъ, чтобы никогда неспроисъ въ Римъ Театра съ мѣстами для сидѣнія. Стоя, должны наслаждаться граждане Рима искусствами, поражаемыми миромъ и спокойствіемъ, гласилъ декретъ Сената. Германъ утверждалъ при томъ, что К. Тавромъ построенный каменный амфитеатръ, гдѣ представляюща сраженія со звѣрями, будетъ гораздо продолжительнѣйшимъ памятникомъ величія Римскаго, нежели это великолѣпное зданіе, сооруженное Помпеемъ; и Варъ соглашался съ Нѣмцемъ во всемъ, что льстило надеждою на долговѣчность Рима. Также и о дарованіяхъ великихъ комедіаншовъ и особенно Росція, услышали шумъ много удивительнаго, добродушные Германцы, которымъ казалось непонятнымъ, что онъ ежегодно изъ общественной казны получалъ 500 тысячъ сестерцій жалованья, между тѣмъ, какъ славный стихотворецъ Теренцій за Комедію, которая наиболее нравилась Римлянамъ, получалъ только восемь тысячъ сестерцій.

Нѣмецкія женщины весьма желали видѣть балетъ *Орфей*, о которомъ рассказывалъ имъ Германъ. По словамъ его, шумъ цѣлый лѣсъ казался оживленнымъ; деревья проходили мимо Орфея, сгибаясь въ знакъ

почпишельности; за ними слѣдовали ушесы и камни съ дикими звѣрями, обиташелами: пустынь. — Развязка сего балеша, въ которомъ безсмертнаго Орфея, обворожавшаго слухъ зришелей волшебными звуками лиры своей, съ неописанною яростию расшерзываютъ Фригійскія женщины, была названа безчеловѣчною женами варварскаго народа, ибо роль Орфея игралась осужденнымъ на смерть преступникомъ, и его собственная кровь орошала мѣсто народной забавы. — Также и Муція Сцеволу предшавлялъ въ Римѣ осужденный преступникъ, одѣтый въ шунику, напишанную сърой съ примѣсью соломы, кошорую угрожалъ шопчасъ заечь на немъ, если уступая боли, вынималъ онъ скоро свою руку изъ жаровни, наполненной горящими углями; въ прошивномъ же случаѣ, онъ получалъ прощеніе.

Къ концу ужина Тунильда и Арниія сплели два вѣнка изъ разныхъ душистыхъ шравъ, чшобъ на другой день украсить ими назначенныхъ въ жершву бѣлыхъ агнцевъ; и, около полуночи праздникъ, по причинѣ предстоящей повздки къ Гогеншшейнскому ушесу, былъ прекращень. —

Германъ и Тунильда.

Удалившись въ уединенную комнату, Германъ съ любовію заключилъ супругу свою въ объятія, воскликнувъ: „о какое благополучіе для меня, что я могу успокоиться на швоей вѣрной груди, и въ объятіяхъ швоихъ забыть ужасную будущность, какъ тяжелое бремя, гнетущую мою душу! — „Развѣ ты думаешь, мой Германъ, что я не раздѣляю съ тобою заботъ и огорченій швоихъ?“ прервала его Тунильда: „ты имѣешь во мнѣ мужественную и неустрашную Германскую жену, пушницу швоей жизни, швоихъ опасностей и швоихъ трудовъ. Не уподобляясь Порціи, жестоко поразившей себя изъ любви къ супругу, я въ состояніи показать тебѣ, что достойна тебя, моего Брута! Развѣ не принесла я тебѣ въ приданое, по обыкновенію нашего народа, не золото, драгоценности и великолѣпная одежда, а браннаго коня, мечъ, щитъ и охотничій снарядъ, въ залогъ того, что я достойна быть швоею женою. Однако жъ я прелещу, о Германъ, помышляя, что ты подъ покровомъ мира, дружбы и веселія скрываешь свои исполинскіе планы.“ — „Знаю, о чемъ ты хочешь сказать, Тунильда; ты обвиняешь меня въ безчестномъ поступкѣ прошивъ

Вара, кошораго дружбою я пользуюсь; по я посвящаль жизнь мою отечеству, и каждое другое чувство должно уступать мѣсто этой священной обязанности. Брушь вонзилъ кинжалъ въ грудь собственнаго отца своего, и я не могу щадить друга въ лицѣ Римскаго Подководца. Да будетъ предана грозной Гелль ша минуша, въ кошорую коварство Римское проникло въ Германію, но уничтожить его можно только коварствомъ же.“ — „Нъшь, Германъ, я неосуждаю себя: не обманывайся въ швоей проницательной Тунильдѣ. — О какъ ошибаюшся Германцы, когда они проникающему во глубину лѣсовъ ихъ просвѣщенію и образованности, приписываютъ вину нашего уничтоженія; хорошее сѣмя на безплодной почвѣ не принесетъ никакихъ плодовъ; для того нужно сіяніе солнца и рачительное воздѣлываніе. Образованіемъ, тобою приобрьшеннымъ и мнѣ сообщеннымъ, обязанъ шь знакомству своему съ просвѣщеніемъ древнихъ великихъ мужей Греціи и Рима; шому же обязана и я за свое чувство ко всему великому, истинному и прекрасному. Руководимая симъ чувствомъ, могу я хорошо разсмотрѣшь отношеніе и связи швои съ Варомъ. Ты называешь его другомъ? но дружба ли шо, что сославляетъ одню шолько временное

дружеское обхожденіе, происходящее отъ одинакаго образа воспишанія и мыслей; скорѣе эту связь можно назвать сближеніемъ отношеній. Эпошь Варъ, кошораго ты называешь другомъ, нынѣшнею же ночью пронзилъ бы грудь швою, если бы ты какимъ либо образомъ сдѣлался препяшствіемъ къ достиженію цѣли, имъ предположенной; и повѣрь мнѣ, великіе и для насъ непріязненные замыслы, липаешь въ себя духъ его, но смѣлая рука распоргнешь сію завѣсу. Ты знаешь, что онъ очарованъ красотою Ариніи болѣе, нежели ты нѣкогда пѣвнень была моею, и это пошому, что самая пламенная любовь твоя конечно принадлежитъ опечесшву. Но ты вѣрно не воображаешь, чтобы Аринія соопвѣшествовала его склонности?— „Какъ это возможно? Прежде, нежели я узналъ тебя, спарался я снискашь ея любовь; но она показывала явно что не хочешь преклоняться ни къ какой земной спрасши.“ — „Такъ ты и думаешь, что если она опказала въ благосклонности своей Арминію, то нѣшь уже ни одного человека, кошорый бы могъ пронуть сердце ея? О. Германъ! мы, женщины, развѣ мало забошимся о красотѣ своего лица? Развѣ ты забылъ, что Римляне для того изображаютъ Амура съ завязанными глазами, что

спрѣлы его неожиданно попадають въ свою жерпву, и что для шѣхъ, кто наиболее смѣлся его могуществу, онъ пригото- вляетъ самыя оспрѣя? Аринія, эта невинная дѣвушка, преданная неземнымъ чувствамъ, въ груди своей согрѣвающая пророческія видѣнія и опкровенія, не вздумаетъ помы- шлять о плѣнныхъ связяхъ... О мнѣ, Германь! но дѣвушка, подобная нашей Ари- нии, чуждая всѣхъ земныхъ радостей, съ не- изъяснимою ревностію спремящаяся къ со- общенію съ духовнымъ міромъ, способна ощу- щать всюю силою души своей это сладост- ное упоеніе, эту божественную спрасць, копорая болѣе всѣхъ уподобляясь дневному свѣшлу, разливаешь свѣшь и шеплому среди всѣхъ горесшей и напасей жизни. Не сомнѣвайся въ истинѣ моихъ словъ и наблюдений: женщина, копорая любишь по- добно мнѣ, весьма легко можешь опкрышь слѣдъ самой скрышной любви.“

„Аринія поклялась мнѣ богамъ Валгал- ды, на все рѣшишься для освобожденія Гер- мани.“

„И она сдержитъ свое обѣщаніе! Жен- щина, подобная Аринии, не нарушитъ клят- вы своей; хотя бы разрывалось опъ горе- сши сердце ея, она все пребудетъ вѣрною обязанности своей. Тунидда скрылась въ

швои обьяшїа изъ ошеческаго крова; но Сегеспъ, бѣдный рабъ Римлянъ, уже болѣе не ошець ея; она сдѣлалась шеперь дочерью шолько своего ошечества. Германъ! я умру въ швоихъ обьяшїяхъ хошя бы шерзали меня ядовишья змѣи Геллы, но ни за что въ свѣшъ не ошавлю шебя.“ — Сказавъ сїи слова, Тунильда скрыла прекрасное лице свое на груди Германа, и онъ съ жаромъ цѣловаль горящїа щеки ея, орошенные слезами; шунъ нечаянно упаль взоръ его на вѣнокъ, сплетенный его супругою для украшения роговъ жершвеннаго агнца, и онъ спросиль ее: „куда дѣвался другой?“ — „Тошъ, кошорый Аринїа сплела для самой себя, у нея и ошпался.“ — „Увлекаясь волшебною предешїю предвѣднїа, какъ неожиданно передала она и мнѣ свой даръ. шотрѣшь въ будущее? Кажешся, я вижу уже блестящїа молнїи, сверкающїа сквозь мракъ будущности. Не шолько два дикїе кабаа будущъ принесены въ жершву, но еще одна бѣлая голубица, милая и прекрасная, кака шолько могла лешашь когда либо подъ небомъ Германскимъ, и могучїй орель, самый смѣльїй и благородный изъ всѣхъ, парїшь подъ солнцемъ. Ахъ! Аринїа и Германъ падушъ жершвами за свободу Германїи. Внезапная смершь, рано или поздно, поразїшь обоїхъ!“

„Тунильда! милая Тунильда! что съ тобою сдѣлалось? я не вижу ни ошкуда грѣзщей мнѣ смерти.“ — „Тяжела и гибельна бишва, кошорую ты предпринимаешь, Германь! Противъ сильныхъ Римлянъ, противъ раздоровъ швоего народа, противъ зависти Нѣмецкихъ Князей долженъ ты подвизаться, и шакая борьба свыше всякой человеческой силы; ты не долженъ ждашь успѣха, хотя бы на швоей сторонѣ были счастье и тайны войны. Но останешься ли ты побѣдителемъ, или побѣжденнымъ, все равно; ты долженъ будешь погибнуть.“ — „Что въ шемъ одна мысль у меня: свобода Германіи. Что значить крайковременная жизнь въ сравненіи съ вѣчною славю шакого великаго подвига!“

„Я удивляюсь тебѣ, Германь; но сердце мое обливается кровію. Не шполѣ великодушна, какъ ты, могу я презирашь земное счастье; оно шеряется для шого, кого слава избрала своимъ любимцемъ. Ты уподобляешься Римскому юношѣ Курцію, кошорый, для спасенія своего опечества, бросился въ разверзшую бездну. — Мой Германь! чужеземные воины будешь опустошашь швои поля, между непріятельскимъ народомъ будешь нѣкогда шоминься жена швоя и оплакивашь своего мужа, а сынъ швой опца своего: шакъ въ-

щаешь во мнѣ смутный духъ шемцаго предчувствія.“

„Развѣ я не швой, Тунильда? Гдѣ бы я ни былъ, въ Валгалъ, Олимпъ, Оркъ, въ шемномъ царствѣ Геллы, Германъ домышляешь о своей любви къ тебѣ.“ — „Мнѣ надобно время, Германъ, чшобы достигнуть этой вышины“ — продолжала Тунильда, опирая слезы; хошя и не сполько презираю я земныя радости, сколько Аринія, однако жъ поведи меня, возлюбленный, за собою, и я охотно послѣдую. Моя душа возвысится чувствованіемъ, чшо великій Арминій принадлежалъ мнѣ, Арминій, коего имя дополь будешь благословляемо, пока не преспанушь зеленѣющіе древніе дубы въ лѣсахъ нашихъ. — Теперь же обратимся къ Алфадуру съ просьбою — даровашъ намъ покой и укрѣпишь силы наши.“ — Тихо спустился пріятный сонъ на одръ Тунильды, покрышый мягкими кожами пушныхъ звѣрей, а чрезъ мѣру безчечный Варъ покомлся на мягкихъ Сирійскихъ пуховикахъ, прельщаясь сладкими сновидѣніями; лишь щолько Германъ и Аринія бодрешвовали среди общаго успокоенія.

Жертвоприношеніе Остару.

На другой день, когда все устроено было къ дорогѣ и всѣ оправились въ пушю, Варъ одинъ остался на нѣкоторое время для раздачи приказаній,— Князь Эмскій, по совѣту и проискамъ Германа, прислалъ извѣстіе Римскому поководцу, что между подданными его оказываются признаки бунта, почему онъ и проситъ вспоможенія Римлянъ для обузданія дерзости мятежниковъ. Варъ послалъ приказаніе Волумнію отпра- виться къ Эмсу съ 1,000 человекъ; и объявилъ желаніе, чтобы лѣшній лагерь при Везерѣ былъ снятъ, а другой шаковой же устроенъ у Тевшбургскаго лѣса, ибо военачальникъ располагался пробить долѣ въ крѣпости Ализъ, и не оплачаться далеко отъ своего войска. Словесныя повелѣнія были немедленно начертаны Волумніемъ на дощечкахъ, напершыхъ воскомъ. — Кроме ихъ, Римляне употребляли еще для письма пальмовые листья и Египетскій папиръ, на которыхъ начерчивали буквы особаго рода чернилами. Древніе Нѣмцы мало знали употребленіе письма; иногда чертили только Руническими буквами на деревянныхъ или каменныхъ доскахъ, которыхъ немногіе остатки дошли до насъ. Варъ

спѣшили догнать на прекраснѣйшемъ жеребцѣ Арабской породы войско, ушедшее впередъ, и духъ его возвеселился при взглядѣ на величественныя красоты спираны сей, кошорая и понынѣ носить на себѣ оппечашокъ Нѣмецкаго характера, исполненнаго силы и приапности. „О Германь!“ воскликнулъ подководецъ: „корона швоя для меня была бы драгоцѣннѣе Августовой.“

При подошавъ высокаго Зюнпѣльберга лежащаго по шу спорону Везера, соединилса Варъ съ своимъ главнымъ войскомъ. Ариця и Тунильда ѣхали въ колесницѣ. Мело, по обыкновенію Германцевъ, опправлявшихся на шоржественныя сборища, сидѣлъ на мощномъ конѣ, въ панцырѣ, со щипомъ и копьемъ. Подлѣ него ѣхалъ на гордомъ иноходцѣ Германь, прекрасный и мужеспвенный воинъ, уподоблявшійся Ахиллу. Онъ имѣлъ на себѣ золошой панцырѣ, подарокъ Августа, въ правой рукѣ держалъ длинное коцѣ, а въ лѣвой щипъ, на коемъ изображалась бѣгущая лошадь — гербъ Херускихъ Князей. Спальной мечъ его висѣлъ на перевязи, украшенной каменьями, а у сѣдла дрикрьилень былъ тяжелый бердышъ, любимое оружіе Германцевъ. Длинные, віющіеся докнами темнорусые волосы его, по обычаю Германцевъ, были сплешены вмѣстѣ на

макушкѣ и падали красиво внизъ вокругъ лица его, мужественнаго и выразительнаго; шлемъ, на кошпоромъ предспавленъ былъ орелъ съ распроспертыми крѣпкими, держаль вѣхавшій въ нѣкошпоромъ опдалѣннн за нимъ оруженосецъ его. Щеки Вара запылали огнемъ зависти, когда онъ увидѣлъ Германа во всемъ блескѣ мужественной красоты его, и какъ нѣкогда Геркулесъ изъ любви занимался женскими работами и ходилъ въ одеждѣ женщины, такъ теперь Квиншилій Варъ, Римскій Проконсулъ, герой и стихошворецъ, уступая щеславію, или по крайней мѣрѣ склоняся на оовѣшы Авгура Анпія, вздумалъ показашъ себя во всемъ величїи убранства Римскаго. Онъ приказалъ, чшобы при Идуискомъ священномъ источникѣ, кошорый еще и теперь, невдалекѣ отъ Гогеншпейна, образуешъ живописный водопадъ, была раскинуша палашка. Тушъ полководецъ, сбросивъ съ себя воинскій уборъ, облекся въ богатое одѣяніе, какое Римляне носили во время мира. Рабы его подали ему нижнее плашье изъ тончайшаго Египетскаго полотна, плашно засшегнушое, короткое и безъ рукавовъ; сверхъ шого накинупь онъ бѣлую шерстяную съ пурпуровыми полосами тунику, кошпоя доходила до колѣвъ и жилистую руку оставляла непокровенную; за симъ надѣшо было

паладаментумъ, верхнее плащье полководца, изъ Индѣйскаго багряноцвѣтнаго шелка, богато вышитое золопомъ; укрѣпленное на плечахъ, оно красивыми складками спускалось до самыхъ пяшь. Ручьи розоваго масла были вылиты на черные волосы Вара, убранные мелкими кудрами, ошпѣнявшими цвѣшь лица его; позлащенные полусапожки украшались пряжкой, осыпанною алмазами подъ самымъ колъномъ. Разрядившись такимъ образомъ и не уступая блескомъ своимъ Герману, сѣлъ Варъ въ свою легкую раковинной сдѣланную колесницу, запряженную чепырьмя быспрыми конями въ рядъ, и скоро догналъ колесницу Арини, ухавшей впередъ. Всѣ вмѣстѣ достигли пошомъ подошвы величественнаго Гогенштейна, котораго острые ушесы выдаваясь изъ густоты дубоваго лѣса, шорчашъ, подобно зубцамъ короны. Величїе и красота Гогенштейна могутъ привлечь вниманїе каждаго спранника, хотя бы онъ возвращался изъ спраны чудесъ — Ишалии, или съ высотъ Респин. Сїя гора состоитъ изъ длиннаго ряда крупныхъ известковыхъ ушесовъ, коихъ вершины покрываетъ густая зелень и копорые образуютъ множество разсѣлинъ, пещеръ, овраговъ и шѣснинъ. „Клянусь Зевесомъ“ — сказалъ одинъ Трибунъ Аппїю:

„какъ будшо сами Титаны, вооружившіеся прошивъ неба, набросали эти ушесы одинъ на другой, или не чрезъ эти ли мрачныя ущелія ведетъ дорога въ адъ? Позволь намъ поспѣшишь на верхъ, чтобъ разсмошрѣшь ближе всѣ эти чудеса.“

Облака дыму и куреній, восходящія съ Гогенштейна, показали Нѣмцамъ, что шамъ уже собрались сосѣдственныя Князья, народъ и жрецы. Недалеко отъ вершины ушеса жилъ верховный Друидъ Либисъ, въ глубокомъ единеніи. Жипели, при подошвѣ горы обитавшіе, снабжали его всѣмъ нужнымъ къ поддержанію.

Мимо его опшельнической хижины шла узкая пропинка, копорой опушку сосна-вляли цвѣшны и кустарники, а за ними скрывались спрашныя бездны, въ копорыя многіе Римляне падали, не зная опасности мѣстоположенія, и нерѣдко, низвергаясь къ подошвѣ горы, находили шамъ смерть свою. „Такъ будущъ покрывашъ цвѣшны и справы бездну, копорую мы изгошовимъ врагу опечества нашего!“ шепшаль Германъ на ухо Мело, бросая косвенный взглядъ на Вара, непре-спававшаго восхищашъ дикими красошамми природы. Наконецъ досшигли всѣ ближайшаго ушеса, на передней споронѣ Гогенштейна, называвшейся Сингрунскимъ жерш-

венникомъ, гдѣ обыкновенно Германцы приносили жертвы богамъ своимъ. Тупъ, предъ восхищенными взорами пушниковъ, открылась вся прелестная Везерская долина, съ ея дѣсисстыми холмами, представлявшими разнообразіемъ высошь и мѣстностей пріятнѣйшую каршину, доспойную къ части живописца. Опадаеннѣйшую гору, видимую на горизонтѣ, Арпъ, Князь Каншовъ, призналъ лежащею въ его владѣніяхъ. Сингрунскій жершвенникъ виситъ на подобіе воздушнаго полуострова, надъ ужаснѣйшею бедною; только посредствомъ узкой полосы земли, съ другихъ утесовъ можно достигнуть до вершины его. Большою частію жертвы, приносимыя Германцами, закалались сперва на верхней его части утеса, и потомъ на верхней части сожигались, хотя взбираться туда и надобно было почти съ опасностію самой жизни. Пламя, пожиравшее жертвы, далеко видимо было въ окрестности. По обвѣмъ сторонамъ Сингрунскаго жершвенника грады утесовъ, взгроможденныхъ другъ на другъ, являющіяся въ удивительно грозномъ и величественномъ видѣ. Въ ущельѣ, раздѣляющемъ ихъ, извиаётся пропика, поросшшая правою красноватаго цвѣща.

Варъ, имѣя умъ, богатый равными свѣдѣніями, былъ удивленъ такимъ необыкновеннымъ явленіемъ природы, и спросилъ о причинѣ красновашаго цвѣта правъ, растущихъ по сей узкой пропиккѣ. Мело оповѣщивовалъ ему сурово: „Онѣ произрасти изъ земли, орошенной кровію враговъ нашихъ, принесенныхъ въ жершву богамъ Валгалы; кровь ихъ лилась по сей самой пропиккѣ до подошвы эшихъ ушесовъ. Давно, давно уже не была она полиша ихъ кровію!“

Невольный шрепешъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ Вара; но это показалось ему слѣдствіемъ отвращенія къ приношенію людей въ жершву богамъ.

„Я хочу показашъ тебѣ, полководецъ,“ продолжалъ Мело, болѣе пріятнымъ голосомъ, „изображенія нашихъ боговъ. Мы, Германцы, не забошимся, какъ вы, сооружашъ въ честь богамъ великолѣпные храмы: холмъ, покрытый зеленью, для насъ кажешся самымъ достойнымъ алшаремъ божешва!“ „Однако жъ, въ нашихъ священныхъ рощахъ и жилищахъ Друидовъ находяшся нѣкошерыя начерпанія нашихъ боговъ, изображенныя грубо на камнѣ. Разсмошри прилежно эту каменную доску, покрывающую одну спорону Сингрунскаго жершвенника.“

Варъ наклонился посмотришь внизъ, и примѣшилъ на камнѣ какое-то грубое изображеніе, кошорое въ рукѣ держало кривой рогъ, изъ коего лилась вода; по лѣвую сторону сей фигуры плавалъ въ воздухѣ шаръ съ опверзшіемъ, изъ кошораго вылетало пламя. Тушь же ашрибушами божества служили луна и пѣсухъ, а вокругъ главной фигуры и по краямъ доски начертаны были руническими буквами, спихи, зывающіе къ могущему Оспару.

„Эши спихи“ — сказала Мело — „поюшся жрецами всякой разъ, когда мы приносимъ жершвы на Гогенштейнъ; почему и называюшся они Сингрунскими гимнами, а сей грозный ушесъ Сингрунскимъ жершвенникомъ.“

Между шѣмъ, какъ любопытные Римляне осмашривали чудеса и красоты сей дикой природы, Римскіе и Германскіе невольники изгошовляли обѣденный шоль въ густошъ лѣса, окружавшаго сіи ушесы, ибо, по обыкновенію Германцевъ, жершвоприношеніе должно было опправляяшся шолько во время восхожденія луны.

Чшобы унизишь простыя нравы и образъ жизни Германцевъ, Римляне на эшопъ разъ ишощили всю роскошь своихъ пиршественныхъ шоловъ. Пурпуроваго цвѣша

шашры раскинуты были надъ ихъ сполами, уставленными разными драгоценными яствами и напиткими; вмѣсто дешевыхъ плоскихъ бычачьихъ роговъ, употребляемыхъ Германцами для пишья, Римляне выставили хрустальные, раскрашенные кубки, копорые употреблялись однако жъ только простыми и бѣднѣйшими гражданами, а знатнѣйшіе и богатѣйшіе изъ Римлянъ имѣли для этого дорогіе, мѣталлическіе бокалы, украшаемые драгоценными камнями. Сполы были покрыты пурпуровыми скаперпями, и многіе выученные рабы забавляли слухъ гостей игрою на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Эта музыка имѣла какую-то неизъяснимую прелестъ и выразительность на Гогенштейнѣ, гдѣ, среди густаго дубоваго лѣса, весьма часто опустошавшагося ужасными бурями, не обила ни одинъ пѣвецъ лѣша. — Но вдругъ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, многочисленный хоръ пѣвчихъ пщицъ вспорхнулъ на воздухъ и огласилъ священную рощу мелодіею звуковъ; сіи пшички были спряшаны въ одномъ огромномъ пирогѣ, копорый, какъ образчикъ Римскаго повареннаго искусства, сполалъ прямо прошивъ одра, гдѣ возлежалъ Римскій Полководецъ. Однако жъ сіи веселые жипеди лѣсовъ, не долго пробыли въ мрачной густошѣ за-

повѣдной роши, но скоро разлещьлсь по-
сосѣднимъ долинамъ и перелѣскамъ.

Князья Германскіе и старѣйшины, ко-
торымъ пріятно было общество Римлянъ,
съ дружескою и непринужденною радостію
раздѣляли шущъ удовольствія и забавы сихъ
послѣднихъ.

Крошкіе нравы и искусство наслаждашь-
ся жизнью, кошорымъ Римляне обладали въ
совершенствѣ, сблизило многихъ владѣше-
лей Нѣмецкихъ съ бывшими дошодѣ ихъ не-
примиримыми врагами; многіе Нѣмецкіе
Князья пишались даже надеждою, съ помо-
щію Римлянъ распроспранить владѣнія свои
и могущество; ибо въ это время каждый
ошець семейшва въ Германскихъ племенахъ
былъ виѣсшъ и верховнымъ повелителемъ,
какъ надъ своимъ домомъ и имуществомъ,
такъ и надъ всѣми своими подчиненными.
Князья или Старѣйшины въ цѣлыхъ поко-
лѣніяхъ, получали ошъ своихъ вассаловъ
ежегодную подашь, сосшоявшую въ скотѣ,
плодахъ и другихъ земныхъ произведеніяхъ;
кромѣ шого, они предводительшвовали вои-
нами, заключали миръ и объявляли войну,
но не имѣли никакой власпи надъ чешью,
наслѣдшвомъ и жизнью своихъ подданныхъ.

Сегешъ, ошець Тунильды, давно уже
начершалъ ошважный планъ соединить всю

Германію подь самодержавную власшь свою; уже неоднократно опкрываль онъ Вару на-мѣренія свои, а сей послѣдній обѣщаль ему своимъ могущесшвомъ и власшю содѣйшво-вашь видамъ сего Германца, который опъ шого всею душею преданъ былъ выгодамъ Римлянъ. Германъ долженъ былъ призвашь шеперь къ себѣ на помощь все свое муже-сшво и проицашельность ума, дабы проши-вудѣйшвовашь хищрымъ проискамъ своего коварнаго госпя.

Чернь, или просшые Германцы, не раздѣ-ляли однако жъ съ Князьями своими и спа-рѣйщинами шого благорасположенія, какое оказывали къ Римлянамъ сіи послѣдніе. Многія важныя причины побуждали къ шому: Германскія различныя племена прошивъ воли повиновались иноземнымъ законамъ, съ боязнію и негодованіемъ смотрѣли на упадокъ древнихъ своихъ преимущесшвъ, и роишали на миръ, который покрываль ржавчиною мечи ихъ, и споль удобно опкрываль имъ дорогу къ презираемому ими рабсшву. Множество юношей, желая насы-шитъ спрасшь свою къ войнѣ и негодуд на ненавистное для нихъ бездѣйствіе, опправлялись безпрешанно къ опдаленнымъ племенамъ, воевавшимъ другъ съ другомъ.

Будучи грубы, свирѣпы и суевѣрны, (качества опличительныя у всѣхъ древнихъ Германцевъ), не находили они никакой цѣны въ крошкѣхъ и невинныхъ удовольствіяхъ и образованіи ума, которое Римляне всячески старались распространить между ними; посему съ недоувѣрчивостію и подозрѣніемъ взирали они шеперь на своихъ незванныхъ гостей.

Это расположеніе умовъ оказалось и на порожествѣ при Гогенштейнѣ. Ощѣдясь ошъ всякаго сообщества съ Римлянами, сидѣли простые Германцы, завернувшись въ звѣриныя кожи и грубые шерстяныя плащи свои, и бросали мрачныя взгляды на деревянныя колоды и каменные плиты, служившія имъ вмѣсто столовъ; насыщаясь своими грубыми яствами, они упорно отвергали всѣ лакомыя кушанья и дорогія вина, коими угощала ихъ роскошный Варъ.

Напроставъ шого, Римскіе воины предавались вполнѣ шумной и непринужденной радости, ощущаемой ими ошъ избытка дорогихъ яствъ и напитковъ, раздаваемыхъ по щедрости ихъ военачальника „Всякой день, какъ шеперь!“ кричали они всѣ вмѣстѣ; иногда за сими восклицаніями раздавались горькія жалобы на суровую и безплодную страну, въ кошоую привелъ ихъ

Варь, и гдѣ не находили они никакой добычи, а также не могли весело проводить время. Они прославляли, напрохивъ шого, богашую Сирію, въ кошорой до шого времени проживали съ своимъ полководцемъ; даже большая часшь воиновъ обнаруживала желаніе ошавишь какъ можно скорѣе эту скучную землю и ея негосшепримныхъ обиташелей.

Германъ, кошорый въ это время дружески разговариваль и шушилъ, проходя между длинными рядами пировавшихъ Римлянъ, сказалъ въ полголоса: „скоро исполнитшя желаніе ваше; вы ошавише Германію, — шолько не живые!“

Между швмъ, солнце сѣло за лѣсъ, и необыкновенно яркая вечерняя заря подернула небо темно-розовымъ покрываломъ, кошорое еще не успѣло исчезнуть, какъ появилась на небосклонѣ печальная царица ночи. Это былъ обыкновенный часъ жершвоприношенія, и верховный жрецъ, Либисъ, сопровождаемый Бардами, показался на ровномъ мѣстѣ, находившемся возлѣ самаго Сингрунскаго жершвенника.

Либисъ былъ почщенный старецъ, коего лице внушало уваженіе, а голова покрыта была длинными густыми волосами, убѣденными долговѣчною жизнью. Онъ имѣлъ

на себѣ длинную полошнѣную одежду, а на ногахъ сандаліи; поясъ огненнаго цвѣща перехватывалъ на самой срединѣ верхнее его плащье; голова украшалась вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ; въ правой рукѣ своей держалъ онъ жезлъ съ шрема зубцами, на коихъ изображались солнце, луна и огонь, какъ эмблемы, по мнѣнію Германцевъ, означавшія божество въ шрехъ видахъ его. Барды, также шарцы почтеннаго вида, ошлѣчавшіеся длинными бородами своими, имѣли на себѣ длинную одежду шемнокоричневаго цвѣща; головы ихъ были обнажены, а въ рукахъ держали они арфы. Служители, исполнявшіе повелѣніе жрецовъ и помогавшіе имъ при жершвоприношеніи, по закону, данному Друидами, зажгли огонь на алтарѣ Сингрунскомъ, принесли шуда сосуды съ водою, жершвенные ножи, и привели пошомъ двухъ агнцевъ бѣлаго цвѣща, украшенныхъ вѣнками изъ благовонныхъ шравъ.

Главный жрецъ умылъ свои руки, опрыскалъ священною водою сшоявшихъ близъ него Германскихъ Князей, въ знакъ своего къ нимъ благоволенія, и опрѣзалъ клочокъ шерши со спины агнцевъ; пошомъ, перемишавъ онѣй съ благовонными шравами, бросилъ его на огонь, пылавшій на жершвенникѣ. Пошомъ положивъ лѣвую свою руку

на спину обреченныхъ на закланіе двухъ агнцевъ, возведь свои взоры на луну, и бросилъ правою рукою веревку на шею посвященныхъ ей въ жершву агнцевъ; послѣ чего служители и прислужники схватили ихъ и закололи. Пока еще они шрепешали, испуская послѣдній вздохъ, подошелъ къ нимъ одинъ жрецъ, вошкнулъ въ горло ихъ жершвенный ножъ и принялъ въ каменный сосудъ побѣжавшую изъ раны кровь, кошорую пошомъ шакже вылилъ въ пламя, пылавшее на жершвенникѣ. Засимъ, разсмотрѣвъ внимательно ихъ внушренности, помазала медомъ и солью шѣла жершвенныхъ агнцевъ, и бросилъ ихъ въ огонь. Тогда Барды ударили по струнамъ арфъ своихъ, и возгласили священную пѣснь. Князья и народъ присоединились шакже къ нимъ; величественно и спрашно пылала огонь на жершвенникѣ, далеко гремѣла благодаршвенный гимнь, возглашаемый въ честь луны, тысячами голосовъ.

Когда пламя на жершвенникѣ ярко заблиспало среди сгустившихся мраковъ ночи, подошелъ къ нему Герцогъ Мело, подняла свою правую руку вверхъ къ лунѣ, и произнесъ обѣщъ, что онъ всѣхъ благородныхъ и знашныхъ Римлянъ, кошорыхъ возьмешъ въ плѣнь, обрекаешъ въ жершву

богамъ-испишелямъ. Громкая пѣснь, возглашаемая цѣлымъ народомъ, сокрыла звукъ словъ его опъ слуха присушествовавшихъ шуть Римлянъ; однако жъ Германъ видѣлъ кланувъ Сигамбрійца.

Наконецъ, мало по-малу, жершвенноѣ пламя погасло и глубокой мракъ распро-
сранился по всей окружности, когда Рим-
ляне и Германцы возвращались на мѣста
своего отдохновенія. Тушь пиршество, пѣ-
ніе, пляски и другія увеселенія опашь воз-
обновились. Величіе и шоржеспвенность
совершаемаго цѣлымъ народомъ священнаго
обряда развеселили по-немногу задумчивые
умы Германцевъ; они предались всѣмъ удо-
вольствіямъ, какія имъ наиболее нравились,
и по обыкноненію своему, безъ всякой умѣ-
ренности принялись насыщаться всѣми ла-
комыми для ихъ вкуса кушаньями и напиш-
ками. Римляне также собрались въ своихъ
палашкахъ, гдѣ ишоощась опъ напряженія
силъ въ продолженіе цѣлаго дня, скоро погру-
зились въ глубокой сонъ.

А р и н і я и В а р ь.

Въ часъ полуночи, блѣдная луна освѣ-
щала въ уединеніи догоравшую еще кучу
цепла на Сингрунскомъ жершвенникѣ, предъ

коимъ сполла на колънахъ — прелестная Аринія. Уподобляясь звукамъ словъ, коими разглагольствуешь между собою духи бесплошные, разносились въшромъ среди шишины ночной слабые, едва внятные звуки, вылетавшіе изъ усть вдохновенной дѣвы, стоявшей на утесѣ одинокомъ.

„Куда бѣжать мнѣ опъ невольныхъ предчувствій и шайныхъ видѣній, меня преслѣдующихъ? И тамъ внизу, въ нѣдрахъ самой радости, среди шумнаго веселія, они не даюмъ мнѣ покоя. Ни очаровательные звуки флейшъ Римскихъ, ни обманчивые призраки счастья, ни любовь родительская не могушь успокоить волненія моего сердца! Предъ моими взорами открывается картина будущаго и прошедшаго, а я, Аринія, дочь Мело, объемлемая ужасами предчувствія, забываю, что обязана священною клятвою, — спаси свое опечество! Пророческій духъ, обитающій въ моей груди, открываетъ мнѣ грозную мою участь; а какое-то неизъяснимсе помленіе увлекло меня на сію высоту; но какіе спрашныя признаки окружаюшь меня и здѣсь? Тамъ, въ долинь, льюшся кровавые ручьи: это кровь Римлянъ! тамъ бѣльюшся груды костей: это головы ихъ! Надъ собою вижу я, среди мраковъ ночи, Валькирій на ихъ воздушныхъ коняхъ, поспѣвающихъ на поле

швы; зву и оружія уже раздаюшся вокруг ушей моихъ; ахъ! и что представляется мнѣ... Предъ моими взорами спрашная карпина кровопролишной бипвы; изъ моей головы, кажешся, вылеташаеш она! О Альфадуръ! какъ объясню все, что шы мнѣ открывашеш? — Горе мнѣ!... горе!... Только одного эшого Римлянина..... шакъ, я должна спаси его!... Квиншилій Варъ!...“ — „Аринія!“ воскликнулъ полководецъ, приближаясь къ уединенному жертвеннику: „въ другой разъ имя мое вылеташеш изъ швоихъ прелестныхъ ушъ, среди глубокой шишины ночной. Если вѣришь предчувствію, шо, кажешся, сердце мое не обмануло меня, приведи неожиданно въ сіе угрюмое мѣсто. Но для чего пребывашеш шы здѣсь одна, среди глубокой шишины, божественная дѣвушка?“ — „Меня призвалъ сюда невидимый духъ, открывающій предо мною картину будущаго“ — отвѣчала Аринія, въ смущеніи.

„О! не довѣрай обманчивымъ предчувствіямъ и ложнымъ мечшамъ, прекраснѣйшій цвѣшокъ Германіи! открой лучше мнѣ сердце свое, и избери меня предметомъ швоихъ пророческихъ изступленій! О если бы я могъ найши слова, еще до сихъ поръ никому неизвѣшныя, для выраженія всей силы пламени, пожирающаго сердце мое! если бь

помощію сихъ-шо словъ я могъ изъяснишь шебъ, что чувствую въ глубинѣ души моей! — Но облакаясь въ слова, которыя приносили уже прежде меня милліоны влюбленныхъ, сердечное чувство мое спановишся весьма обыкновеннымъ и холоднымъ! — И пакъ, о дражайшая Аринія! назови мнѣ слово; открой мнѣ неизвѣстное доселѣ слово, какимъ бы я поклялся въ вѣчной моей къ тебѣ любви, и совершенно изобразилъ весь жаръ пылкой спраси моей!“ — „Квиншилій Варъ!... чего ты хочешь ошь меня? къ чему ведуть эти слова?“ ...

„Изъ глубины моего сердца, изъ внутренности существа моего несуться они къ тебѣ, обожаемая дѣвушка! — Бездушныя слова не могутъ вполне открыть тебѣ безконечную любовь мою; и пакъ, будь моею повѣренною: я отдаю великодушно въ твои руки участь мою. Внемли, что открою тебѣ: не для того, чтобы расширить предѣлы владѣній Августа, возведши въ санъ Короля этого хитраго Сегеста, пребываю я въ Германіи. Нѣтъ! съ рукою Ариніи взойду я самъ на престоль Германскій, и буду презирашь Августа и всю власшь его.“ — „Варъ! на что ты рѣшаешься?... Какой исполнскій замыселъ!... Ты хочешь измѣнишь законному своему Государю? Нѣтъ,

никогда Германія не признаешь иноземца своимъ повелителемъ!“...

„Измѣнишь моему Государю?... Онъ самъ давно уже сдѣлался предателемъ нашего благополучія, нашей древней славы. Будучи самъ рабомъ Августа, не въ силахъ я уже болѣе пріобрѣтать ему новыхъ рабовъ. Я хочу самъ быть Царемъ, самодержавнымъ повелителемъ благороднаго и храбраго народа; хошя мнѣ и преданы Германцы, однакожь шайно долженъ созрѣть планъ мой. Какъ скоро Аринія будетъ моею, я совершенно преобразуюсь въ природнаго Германца. — Распорженъ уже почти союзъ, соединявшій меня съ сущесвомъ недостоиннымъ, къ коему привязывали меня мои старинныя обязательства. Я уничтожу даже и послѣдній узелъ, соединявшій меня съ опечесвомъ, если Аринія назовешь меня своимъ супругомъ!“

„Я уважаю такую довѣренность твою, Варъ; однакожь, человекъ, дерзающій искашь взаимной любви въ дочери Мело, никогда не долженъ сомнѣваться въ ея добродѣтели, и думаешь безразсудно, что Германская дѣвушка въ соспояннн предашь Римлянину опечесво свое и наложитъ на себя добровольно иго чужеземца. Но, къ несчастію, какъ скоро, можешь быть, уничтожатся

пвои высокоумные замыслы! Такъ, пророческій духъ описъ вселеня въ грудь мою бива и алчная смерть предсавляюща шюимъ взорамъ!“ . . .

Полководецъ, видя дѣву, изнемогающую подь бременемъ скорби душевной и уешунающую могуществу шѣлесныхъ спраданій, послѣшилъ поддержать ее своими руками и сказала ей: „Римлянинъ не спрашива никакихъ предчувствій; самая будущность уешупаешь или непреклонной воли или мечу его. Съ непреодолимымъ мужествомъ прошивушюишь онъ ударамъ судьбы немилосердой!“ — „Квинтили Варъ,“ возразила тогда Аринія, расшроганная внушренними колебавшими грудь ее чувствами: „умоляю себя, не откажи мнѣ въ одной просьбѣ.“

„Хотя бы она спюнда моей жизни, не откажу себя!“

„Удаляйся биввы, прошу себя, брось свой мечъ; ошрие его стремимся уже прошивъ швоего собшвеннаго сердца! Брось его ошь себя далъе, я предосшерегаю себя!“

„Ты обманываешься, Аринія!“ воскликнулъ Варъ: „но какъ изъяснишь мнѣ сладкія предчувствія моего сердца? Клянусь всемогущимъ Амуромъ, шы любишь меня!“ Сшремительно обхвалилъ Варъ сильною рукою смущенную дѣвушку, и воскликнулъ

въ восторгъ: „прочь шеперь вы, боги Валгалы и вы, обидшатели Олимпа: она моя, моя! . . . Какого блаженства не достаешь мнѣ, когда заключилъ я въ объятія обожаемую мною Аринію!“

„Оставь меня, если тебѣ драгоценна жизнь моя,“ умоляла шепещущая дѣвушка; „Друиды приближающія уберечь оставшки жершвоприношенія. О Варь! умоляю тебя, оставь меня, если ты въ самомъ дѣлѣ меня любишь! . . .“

Тутъ полководецъ, не смотря на пламень, пробѣгавшій по всѣмъ его жиламъ, преодолевъ неукротимое стремленіе; внявъ моленію беззащитной дѣвы, напечатлѣвъ жаркій поцѣлуй на помершвѣлыхъ устахъ Ариніи, и поспѣшилъ удалиться.

Опчаянная дѣвушка, ослабѣвъ отъ борьбы душевной, упала изнеможенная на колѣна предъ жершвенникомъ. Она предостерегла своего возлюбленнаго, нарушила клятву свою; боги опечесшвенные казались ей за то разгнѣванными: опдаденные перекашны грома глухо раздавались въ горахъ и сильный вѣспрь завывалъ уныло въ густыхъ дубовыхъ лѣсахъ, окружавшихъ древній Сингрунскій жершвенникъ.

Предъ ея мысленными взорами появились шеперь грозныя картины будущности:

боги язычества, исчезающіе предъ ученіемъ Распяшаго на крестѣ, и въ душу Ариніи пролился внезапный лучъ надежды и утѣшенія; но слабое шло изнемогло подъ тяжестью скорби и сильнаго внутренняго движенія. Когда Друидъ приблизился съ своими прислужниками, чтобы погасить догаравшіе угли, которые бывъ разнесены въпрямь, могли бы легко причинить пожаръ въ священной роствъ, — но нашель дву сію, лежащую безъ чувствъ, и велель осторожно перенести ее въ домъ стараго Мело.

Исполненная клятва.

Едва только наступило утро другаго дня, какъ Сегесъ уже стоялъ у палатки Вара, и велель доложить о своемъ приходѣ, какъ можно поспѣшнѣе. Полководецъ Римскій вышелъ, уже совершенно одѣтый, и пошелъ вмѣстѣ съ Сегесомъ къ Сингунскому жершвеннику, куда увлекала его сладкая надежда. — Сегесъ же, напрошивъ, всячески старался пробудить подозрѣніе и недовѣрчивость въ душѣ Вара.

„Я слышу,“ сказалъ онъ во время своего разговора съ нимъ: „ты хочешь послать значительный отрядъ Римскихъ воиновъ на помощь Князю Кимвровъ противу мяшеж-

ныхъ Исландцевъ? Но скажи мнѣ, полководецъ, для чего ты ослабляешь такимъ образомъ свое войско?“

„Эшопъ Князь самъ просидъ меня о томъ,“ возразилъ Варъ: „его подданные не хошашъ повиновашься Римскимъ законамъ, а съ помощію воиновъ моихъ, онъ ихъ легко принудитъ къ повиновенію. — Впрочемъ, чрезъ эшо я нимало не ослабилъ силы моего войска: Арминій спойтъ недалеко со своими Херусками; Герцогъ Мело, кошорый прежде былъ ко мнѣ непріязнень, предложилъ также своихъ воиновъ; Кашшы приближающя, а Брукшеры уже собрались здѣсь. Всѣ сіи поколѣнія должны присоединишья къ моимъ легионамъ, сшоющимъ лагеремъ въ Тевшобургскомъ лѣсу; шамъ-шо соединивъ вмѣстѣ шакое многочисленное и храброе войско, согласное повиновашься волѣ моей, я опшправлюсь съ нимъ на покореніе независимыхъ еще племень Германскихъ.“

„Ты весьма слѣпо полагаешься на свое счастье,“ возразилъ Сегеспъ, съ задумчивымъ и подозрительнымъ видомъ. — „Спрашивалъ ли шы, полководецъ, совѣща у швоего Авгура? Знаешь ли, что вчера цѣлый рой пчель усѣлся на одинъ изъ Римскихъ орловъ; эшо предузнаменованіе весьма опечали-

ло и смушило воиновъ своихъ! Даже самъ Германъ“

„На подобныя предзнаменованія не обращаю я никакого вниманія,“ перебилъ рѣчь его Варъ, смѣючись. — „Ни одинъ просвѣщенный Римлянинъ не вѣришь уже болѣе оракудамъ, почиая ихъ за хипросшь жрецовъ, въ обманъ суевѣрной черни.“

„Германъ, кошораго ты хочешь очернишь въ глазахъ моихъ и сдѣлашь подозрительнымъ, не стремишься, подобно тебѣ, Сегесшъ, къ распространенію своихъ владѣній; нѣшь, эшо я давно бы могъ примѣшишь. Арминій ничего ошь меня не скрываетъ; да и Варъ не допустишь провести себя.“

„Къ сожалѣнію, я примѣчаю эшо за побою; и мнѣ кажешся, что Германъ не безъ причины взялъ на себя шажелый шрудъ привлечь на свою сторону всѣхъ Нѣмецкихъ Князей, побудилъ ихъ вооружить своихъ подданныхъ и собралъ всѣхъ въ одно мѣсто.“

— „Все эшо было сдѣлано по моему нашою и съ моего согласія!“

„Въ самомъ дѣлѣ? И никакое подозрѣніе не смущаешь души швоей, Варъ? . . .“

— „Нѣшь, Сегесшъ; я полагаюсь на Германскую вѣрность, хотя и тебя хорошо знаю. Однако жъ, не задерживай меня здѣсь“

долго. Ты щещно спаряешься привестъ въ подозрѣніе у меня Арминія. Я теперь ясно понимаю причину, отъ которой происшекаетъ такая твоя ко мнѣ преданность; ты завидуешь дружбѣ моей къ нему; можешь быть, опасаясь поперяшь чрезъ него какія либо свои выгоды. Такъ, я скажу тебѣ въ немногихъ словахъ: планъ твой, сдѣлаться владыкою всей Германіи, не созрѣлъ еще, и долго можешь быть не созрѣешь. Теперь же оставь меня одного, и спуй своей дорогой; въ Тевшбургскомъ лѣсу надѣюсь увидѣшься опять съ побоею и твоими войнами.“

„Нѣтъ, туда не явлюсь я; сердечно желаю однако жъ, чшобъ тебѣ не пришлось шамъ вспомнить о моихъ совѣсахъ и увѣщаніяхъ!“

— „Неужели ты воображаешь, что я испугаюсь, если бъ Германцы и въ самомъ дѣлѣ приняли безразсудное намѣреніе пошпишь со мною непріязненно? Сравни только наши оружія съ вашими; взгляни только на наши спрашныя колесницы, вооруженныя косами, на нашихъ лашниковъ и нашу конницу!“

„Но, среди болошь и лѣсовъ, они ни къ чему не будутъ годишься,“ прервалъ Сетесъ хладнокровно.

„Правда, ихъ успѣхъ бываешь не всегда одинаковъ, но по крайней мѣрѣ, разносишь ужась и безпорядокъ между рядами враговъ нашихъ! Пращники и сгрѣлки Римскіе гораздо превосходятъ Германскихъ; у воиновъ вашихъ одни шолько булавы, корожкія копья, деревянные щиты; не многіе изъ нихъ имѣють на себѣ шлемъ, панцырь или кольчугу. Правда, Херуски вооружены совершенно по обычаю Римлянъ, но число ихъ не велико. Варъ уподобился бы тогда робкому и ничего незнающему ошроку, а не опышному полководцу, если бы допустилъ шакому неосновашельному спраху овладѣть собою.

Сегесшъ хотѣлъ возразить чшо-що, но вдругъ, въ шу самую минушу приходишь Германъ, вооруженный съ головы до ногъ, чшобъ распрощашься съ Полководцемъ Римскимъ.

„Ты возвращаешься опять въ Тевшобургъ,“ сказала Варъ: „черезъ нѣсколько дней намѣреваюсь и я шуда ошправишься; шамъ-шо мы опять увидимся.“

„Доспойнымъ образомъ приму я тебя шамъ,“ ошвѣшшвовалъ Германъ важно, и обратился шощасъ къ Сегесшу, съ сими словами: „Башюшка! Тунильда прошишь, чшобъ вы сопровождали ее во время

дороги, и вы конечно не откажете дочери вашей въ ея просьбѣ.“

— „Но, кажешся, неприлично будешь мнѣ...“ ошвѣщствовалъ Сегестъ, запинаясь и какъ бы прошивъ воли. „Очень будешь прилично,“ прервалъ его Варъ поспѣшно, желая во что бы то ни стало избавишься ошъ такога несноснаго совѣтника. „Ты не долженъ отказывашъ дочери своей въ эшой просьбѣ; пустьъ будешь эшо хошя наружнымъ знакомъ вашего примиренія. Прощайше! чрезъ нѣсколько ночей, ибо вы Германцы прошекшее время считаеше не днями, мы будемъ всѣ вмѣстѣ весело пировашъ въ Тевшобургѣ.“

Какъ скоро только Сегестъ и Германъ удалились, къ Вару подошелъ Римскій Ценшуріонъ съ увѣдомленіемъ, что все уже гошово къ ошвѣзду. „Я буду провожашъ Герцога Мело до самаго его жилища,“ сказалъ ему Полководецъ: „заѣду потомъ въ Ализо, чтошъ дашь шамъ нѣкошоры повелѣнія Луцію Аспренѣ, кошорый стоишъ съ своею конницею на лѣвомъ берегу Рейна; а изъ Ализо, куда спекаюшся вмѣстѣ всѣ чешыре военныя дороги, проложенныя къ Рейну, мнѣ весьма удобно будешь, не шеряя времени, сообщашъ ему мои планы и распоряженія. Чрезъ нѣсколько дней потомъ пой-

демъ мы опшуда всѣ къ главному корпусу, споящему лагеремъ въ большомъ Тевшобургскомъ лѣсу, гдѣ присоединяшся къ намъ также вспомогахельныя Германскія войска.“

Ценшуріонъ ушелъ, изъявляя своими шѣлодвиженіями и взорами недовѣрчивость и подозрѣніе, а Варъ опсправился, въ сопровожденіи Ариніи и Герцога Мело, въ замокъ сего послѣдняго.

Такимъ образомъ, надменный вождь, по безопасности своей и самонадѣянности, непримѣчавшій бездны, гошовой поглотилъ его, и неожиданшій шакъ скоро преждевременной и жестокой смерпи, насладился еще, хошя и корошкое время, высочайшимъ блаженствомъ жизни — очарованіемъ, какое ощущаемъ, находясь въ обществѣ съ предметомъ пылкой спрасши! Любовь Вара къ Ариніи явилась шеперь во всей своей силѣ. Хошя присущствіе суроваго опца ея препяшствовало ему показывать и малѣйшіе признаки пылкой спрасши своей, но въ самомъ чувствованіи любилъ и былъ любиму, хошя бы эша увѣренность была шолько воображаемая, находишся какое-шо непоняшное удовольствіе, превышающее самыя пыкіе порывы спремилельныхъ вождельній и сильныхъ движеній душевныхъ.

Аринія была ласкова, внимашельна, но въ то же время важна и сурова въ обхожденіи своемъ съ Римляниномъ, въ пылкихъ взорахъ кошораго находила она увѣреніе, что ее считаешъ онъ существомъ самымъ возвышеннымъ, священнѣйшимъ, нежели всѣ богини Олимпа.

Римскій полководецъ ошправился пошомъ въ замокъ Ализо, и послалъ пошъ же часъ гонца къ Луцію Аспренъ, съ повелѣніемъ присоединишья къ главному корпусу и расположишь воиновъ своихъ по кварширамъ; шакіе же почно гонцы ошправлены были къ ошрядамъ, споявшимъ на берегахъ Эмса, и къ Кимврамъ, обишавшимъ по берегамъ морскимъ.

Но, къ крайнему удивленію своему, Варъ узнаешъ на другой день, что еще въ прошлую ночь, воины Мело снялись съ мѣсць своихъ и ошправились къ Херускамъ. Намѣреніе полководца Римскаго было помѣсшишь Сигамбрійцевъ, въ вѣрности которыхъ онъ еще сомнѣвался, между своими шѣлохранишелями, дабы шакимъ образомъ имѣшь ихъ всегда у себя въ виду. Не смошря однако жъ на сіе обшояшельство, по своей безпечности и самонадѣянности, онъ нимало не примѣчалъ угрожавшей ему опасности. Какъ скоро настало утро другаго

дня, Варъ, сопровождаемый нѣсколькими своими Ценшуріонами, посѣщилъ замокъ Герцога Мело, между тѣмъ, какъ шѣлохранительная его сѣража, въ полномъ вооруженіи выступала чрезъ крѣпостныя ворота. Варъ быспро обошелъ нустныя комнаты жилища Мело, въ намѣреніи еще разъ увидѣшь Аринію, и узналъ, что она прогуливается въ саду. Онъ въ самомъ дѣлѣ, нашелъ ее шамъ подъ шѣнію дуба, погруженную въ глубокія размышленія. При взглядѣ на Римлянина, внезапная блѣдность, копорую Варъ принялъ за восхищеніе спыдмвой любви, покрыла прелестное лице невинной дѣвушки. Сказавъ ей ушреннее привѣтствіе, хошѣлъ онъ уже въ пылу спрасши своей, прижасть къ своему сердцу задумчивую красавицу, какъ вдругъ одинъ неизвѣстный, одѣшый по обыкновенію Германцевъ въ звѣриныя кожи, вбѣгаешъ въ садъ, и падаетъ на колѣна предъ полководцемъ Римскимъ. Въ шу же минушу, мезнакомецъ поспѣшно сбрасываетъ грубую одежду свою и медвѣжью шапку скрывавшую черныя лица его, а Варъ узнаешъ въ немъ своего раба, копорого онъ нѣкогда подарилъ Сегешу. Вынувъ пошомъ изъ кармана воцаную дощечку, пришлецъ подалъ Вару, и сей прочишалъ на ней слѣдующее увѣдомленіе.

„Полководець! шебъ измѣнили. Возмутившія Германскія племена съ непріязненными намѣреніями окружають лагерь швой со всѣхъ споронъ. Побиты уже войны швой, между Эмсландцами и Кимврами споявшіе. Съ опасностію своей жизни, приносишь шебъ эшо извѣстіе рабъ сей!“

„И шакъ, правда все, чшо говорилъ онъ мнѣ? . . .“ воскликнулъ полководець, какъ бы пробуждаясь послѣ глубокаго сна. „Такъ, Римъ! шы найдешь во мнѣ сына доспойнаго шебя! . . . Аринія! шы шакже предосперегала меня о шомъ на ушесъ Гогеншшейнскомъ; я люблю шебя, какъ шолько смершный можець любишь; шы находишь меня непрощивнымъ себъ; и шакъ, спупай въ мои объашія, слѣдуй за мною въ лагерь Римскій!“

„Никогда!“ воскликнула дѣва, принимая видъ величавый: „дѣлай, чшо шебъ предписываешь долгъ швой; сражайся, умри даже за свое ошечешво, если эшо будешь необходимо. Я гошова на шакую жъ жершву. Тамъ, гдѣ нѣшъ ни времени, ни прощрансшва, гдѣ обиаешь вѣчное спокойшвіе, миръ и блаженшво, шамъ опашъ увидимся мы другъ съ другомъ! — Прощай! . . .“

„Какъ?... ты прошивишься?... презираешь меня?“ воскликнулъ полководецъ, приходя въ гнѣвъ. „Ты хочешь, чшобы я упопробилъ насиліе? Неужели ты думаешь, что воля Римлянина должна преклоняться предъ упрямствомъ твоимъ?... Ценсуріоны, сюда!... Первый Римлянинъ основаль опечество свое, похививъ въ первый же разъ Сабинку; шакъ шочно и я спасу шеперь Римъ, похививъ силою упрямую Германку!“

Раздраженный сопровивленіемъ, Варъ обхватилъ крѣпкою рукою своею беззащитную дѣву; но сія поспѣшно вырвалась изъ объятий Римлянина, и оставивъ въ рукахъ его верхнее свое платье, усшремилась въ бѣгшво къ замку, чрезъ ряды воиновъ, удивленныхъ шакимъ подвигомъ, испуская жалобные крики и призывая къ себѣ на помощь. Герцогъ первый услышалъ пронзительный и печальный вопль своей дочери: онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вѣрныхъ слугъ своихъ, спремительно выбѣгаешъ, вооружась одною шолько булавою.

„Ошкройше двери въ садъ!“ воскликнулъ Варъ своимъ шѣлохранишелямъ. Въ минушу, двери были выломаны, и множешво Римскихъ воиновъ вбѣжало шуда, шараясь разлучишь Мело и немногихъ васса-

ловъ его, успремившихся на помощь къ бѣгущей дѣвѣ.

Герцогъ сражался, какъ бѣшеный, но велико было число враговъ его: скоро, получивъ при шязелыя раны, упалъ онъ безъ чувствъ на землю, орошенную его кровію.

Мужественная Аринія, вырвавши мечъ у одного воина, хотѣла съ сею помощію продолжитъ себѣ дорогу на другой конецъ сада, чрезъ густыя поляны сбѣжавшихся ошвсюду Римлянъ.

„Смерть тому, чей мечъ дерзнешъ ее ранишь!“ закричала вдругъ полководецъ громовымъ голосомъ, и Римляне шолько что спарались ошражать ея удары. Почши уже доспигала она своего намѣренія, и прудралась сквозь ряды воиновъ, какъ одинъ смѣлый юноша, во время сего сраженія, успѣлъ выбишь мечъ изъ рукъ ошчаянной дѣвы.

Съ быспрошою лани успремилась тогда Аринія къ восшочной часши сада, гдѣ небольшая рѣчка, падая съ крушыхъ ушесовъ, образовала водопадъ, поглощаемый пошомъ спрашною бездною. Молодой Римлянинъ почши догналъ ослабѣвшую ошъ продолжишельнаго и быспраго бѣга дѣву; уже онъ гошовъ былъ схватишься за ея зашопвидные волосы, рассыпавшіеся по плечамъ; еще одинъ шагъ, и Аринія сдѣлалась бы до-

бычею опважнаго юноши; но мужеспвенная Германка, предпочишая славноу смершь поспыдному рабсшву, ни мало не колеблясь, низверглась въ пвнящіяся волны прежде; нежели Римлянинъ успъл схватишь ее. Быспрое печеніе воды увлекло ее въ самую бездну, крушые ушесы расперзали ея нвжное шво, и пвнящаяся поверхность обagriлась дввическою кровью. Какъ испшупленный, оспановился шущъ юный Римлянинъ, въ изумленіи ошъ геройсшва Германки, и самъ полководецъ воспренешаль ошъ ужаса.

„Туда,“ воскликнулъ онъ дрожащимъ гогосомъ, указывая на бездну рукою своею: „шуда скрылись безвозвратно сладчайшія надежды жизни моеи! Мечъ и непреклонная вода! уже ль вы не въ сосшояніи прошивуспашъ непреложнымъ ушавамъ судьбы?“ Сказавъ сіи слова, полководецъ оспановился и молчалъ, какъ бы вопрошая самого себя.

„Прочь, прочь ошсюда,“ воскликнули начальники воиновъ: „удалимся ошсюда прежде, нежели возстанешъ прошивъ насъ весь народъ, и новое кровопролишіе возникнешъ въ сихъ мвсшахъ.“ Почши не помня самага себя, Варъ далъ приказаніе выспупись, и жилище Мело опусшво. Герцогъ и нвсколько изъ его приближенныхъ лежали

или мершвые, или шяжею раненные на зеленой шравъ уединенной роци, въ коей свершилось пресшупленіе, предавшее душу влюбленнаго Вара угрызейіямъ совѣспи.

Собраніе Германцевъ въ Танфананской роцль.

Восшедшая на горизонтъ луна, освѣшила блѣдными лучами своими роцу Танфананскую; въ срединѣ сей древней роци, на обширномъ и гладкомъ полѣ, собрались уже Князья и вожди Брукшеровъ, Кашшовъ, Хауковъ и другихъ Германскихъ племень; между ними находились шакже и Князь Дуагибриевъ, Сегешъ, и Германъ, Герцогъ Херусковъ.

Скоро ошкрылось шумное военное собраніе, коего начало возвѣщено было громкими ударами въ щипы и грозными криками, далеко разносимыми эхомъ сосѣднихъ ушесовъ.

Безчисленное множештво вооруженныхъ рашниковъ волновалось на пространной равнинѣ, окруженной со всѣхъ споронъ шрема рядами высокихъ и гусныхъ деревъ.

Посреди сей-шо поляны видѣнь былъ дерновый холмъ, на коемъ устроены были сѣдалища Князей, а вблизи сего холма спруился испочникъ, счишаемый у Германскихъ племень священнымъ.

Разсшавленная въ надлежащемъ порядкѣ почешная спража Нѣмецкихъ владѣшелей, окружала холмъ сей со всѣхъ споронъ. За сею спражею шояли, въ нѣкошоромъ ошдаленіи, ошцы семейшвъ, старѣйшины, прошые воины и обшашели окрешныхъ спранъ, сопровождаемые гущыми шолпами своихъ женъ и дѣшей, собравшихся изъ любобышшсшва. Тишина, подобная морской предъ наспушающею бурешю, господшвовала среди необъашной шолпы народа, коей легкой малѣйшій ропощъ казался ошдаленнымъ рокошаніемъ грома. Взоры всѣхъ присущшвовавшихъ усшремлены были съ любобышшсшвомъ на верховнаго Друида, кошорый, завернувшись въ длинную маншію ослѣпштельной бѣлизны, сидѣлъ при входѣ въ пещеру, ископанную человѣческими руками въ срединѣ священнаго холма, и обложенную снаружи камнями. Въ глубинѣ ея, подѣ крѣпкими запорами, хранились чешыре лошади бѣлой шершши, посвященныя Водану, и по сей причинѣ, неупошреблявшіеся ни на какую рабошу.

Когда въ ошщемъ собраніи всѣхъ Германскихъ племенъ рѣшено было начашь войну, шо обшкновенно впрягали ихъ въ священную воинскую колесницу; изъ ихъ ржанія и посшупи, главный Друидъ предсказывалъ

успѣхъ или неудачу начинаемаго предпріятія. — По сей причинѣ, собравшіеся Германцы, съ нешервнїемъ и любопытствомъ ожидали вѣхода ихъ изъ мрачнаго убѣжища, въ коемъ они сберегались. — Между шѣмъ, какъ кубокъ или лучше скажешь грубой бычачїй рогъ прилежно переходилъ по рядамъ собравшихся кучами Германцевъ, Германъ спаралса увлечь сердца соотечественниковъ пылкимъ краснорѣчіемъ своимъ, и кончилъ убѣжденіе свое призывомъ къ бишвѣ съ Римлянами, что съ несказаннымъ воспоргомъ было приняшо всѣми. Только одинъ презрвннй и малодушный Сегесшъ прошивурѣчалъ ему; но прочіе Германскіе Князья послѣдовали примѣру мужественнаго Князя Херусковъ, и положено было единогласно ошважись на священную брань, сразись съ Римлянами за свободу и спокойшвіе Германїи.

Тутъ внезапно послышались жалобные крики и сшоны, пошомъ мало по-малу увеличивающїйся ропощъ между народомъ, а наконецъ нешповыя восклицанїя шысячи голосовъ: убїшшво!... мщенїе!... война!...

Величештвенно подвигалось ближе и ближе печальное шешвіе сквозь густыя шодпы Германцевъ, разшупавшихся, что-бы дашь дорогу, и съ почшенїемъ привѣш-

снвовавшихъ приближающихся къ нимъ со-
ошечесвенниковъ.

Двѣнадцать дѣвиць, одѣшыхъ въ печаль-
ное плашье, держа въ рукахъ пламенники,
несли погребальный одръ, на коемъ лежало
шѣло обернутое въ бѣлое полошно и укра-
шенное множествомъ цвѣшочныхъ вѣнковъ.
За ними слѣдовало много другихъ дѣвушекъ,
женщинъ и опроковъ, одѣшыхъ также въ
печальный уборъ: сіи послѣдніе несли ду-
шистое дерево для похороннаго костра.
Впереди процессіи шель важно верховный
жрецъ Сигамбрійскій, держа въ правой ру-
къ своей жершвенное орудіе.

Собравшіяся на полянѣ шолпы Герман-
цевъ обоого пола съ нешерпѣніемъ бросились
на-вспрѣчу приближающихся, и когда
печальное шествіе достигло священнаго
холма, возсѣдавшіе на ономъ Германскіе
Князья послѣшно осшавили мѣсша свои, а
Германъ, глубоко пораженный симъ печаль-
нымъ зрѣлищемъ и воспоминаніями прежней
своей несчастной любви, воскликнулъ съ
гореспію: „Аринія!.... О боги! — неужели
шебѣ суждено было сдѣлаться первою жер-
швою? ...“

„Вдохновенная дѣва пала подѣ ударами не-
исшоваго врага нашего“ — сказала суровымъ

голосомъ Первосвященникъ. — „Мщеніе! . . . война! . . .“ кричалъ собравшійся народъ.

„Можешь ли ты заспавишь испочникъ обратишься прошивъ его печенія?“ сказала Германъ споявшему подлѣ него Сегесту. „Взгляни, вопъ здѣсь лежишь Германская Лукреція! Она уподобляешся шеперь божественной искрѣ, опъ копорой воспламенишся мщеніе ея соопечешвенниковъ!“ — „Война, война непримиримая!“ воскликнули опяшь всѣ Князья и обнажили мечи своимъ. „Германъ будь предводителемъ племень Германскихъ! — Германъ, будь нашимъ начальникомъ! — веди насъ на бишву!“ повшорилъ народъ съ радостными криками, и воины, въ знакъ своего согласія, ударили мечами въ щипы, шакъ, что звучное эхо раздалось далеко по полямъ и окрешнымъ ушесамъ.

Друидъ Либисъ вывелъ попомъ изъ пещеры чешырехъ священныхъ Водановыхъ коней, и надѣлъ на нихъ серебряную сбрую, украшенную искусно разными воинскими эмблемами. Гордые кони били опъ неперцнїя объ землю копышами и громко ржали, радуясь свободѣ своей, а собравшійся народъ съ восхищеніемъ принялъ сіи признаки за счастливое предзнаменованіе. Замѣчено было шакже, что кони, выходя изъ пещеры, подняли напередъ свою правую ногу, что

не менѣе почишалось благопріятнымъ знакомъ.

Какъ скоро впрягли ихъ въ колесницу Водана, поспѣшно вскочилъ на нее Германъ, избранный Полководцемъ племень Германскихъ, а главный Друидъ вручилъ ему потомъ изображенія воинскихъ боговъ Германіи: главу Туискона, лошадь и льва, кои грубо были выдѣланы изъ камня. Сіи спашуи хранились также въ священной пещерѣ, и шолько во время войны были выносятся опшуда.

Сопровождаемый радостными криками всего народа, Германъ, сидя на колесницѣ, двукрашно пробѣжалъ по равнинѣ Танфананской, и когда, окончивъ бѣгъ сей, пригошовлялся сойши на землю, къ нему приблизидись двѣнадцать храбрѣйшихъ воиновъ, державшихъ къ верху щипы свои. Посадивъ на оные новоизбраннаго начальника, гордо пронесли они его чрезъ ряды восхищенныхъ рашниковъ. Удары тяжелыхъ булавъ и бердышей объ щипы, коими, по своему обыкновенію, Германскіе воины оказывали радость свою, нестройные крики женъ и дѣшей, и пронзительные звуки роговъ и другихъ музыкальныхъ орудій Германскихъ, разнеслись эхомъ на нѣсколько миль въ окружности сквозь мракъ и тишину ночную. —

Между шѣмъ жрецы сложили уже на вершинѣ священнаго холма погребальный костеръ, долженствовавшій пожрать смертные останки Ариини. Хотя онъ уже былъ совершенно гошовъ, однако все еще медлили зажигать его, ибо собравшіяся шамъ разныхъ племена Германскія съ нешерпвнїемъ и нѣкоторымъ благоговѣнїемъ желали еще разъ увидѣшь и облобызашъ охладѣвшее шѣло героини.

Сообразно обычаямъ Германцевъ, погребальный костеръ не былъ покрытъ драгоценными шканими, ниже наполненъ какими либо благоговенными сосшавами; единственное украшеніе умершей сосшало изъ одежды пончайшаго бѣлаго полотна и ожерелья изъ яшмара, добываемаго на берегахъ опечешвеннаго моря. Длинные златовидные волосы Ариини были распущены, а прекрасное лице ея, среди хладныхъ объятій смерти, являло собою красосу болѣе нежели земную.

Вскорѣ пошомъ распроспранилась мало по-малу молва, что сїя достойная имени своего Германка, избѣгая насилїя Вара и предпочипая славную смерть безчестїю, бросилась въ пѣнящїяся волны, и Герцогъ Мело, кошорый тогда же былъ шажело раненъ Римлянами, нарочно опсправилъ въ Тан-

французскую рошу бездушное шило своей дочери, чшобъ шѣмъ легче, возбудить собравшихся шамъ Германцевъ къ мщенію прошиву ихъ неисповыхъ и коварныхъ враговъ.

Намзреніе злодѣлчанаго опца исполнилось, какъ нельзя лучше: участіе, которое приняли собравшіеся Германцы въ горестной судьбѣ, постигшей Аринію, обратилось почти въ свирѣдосшь. Князья ихъ поклялись на прахѣ мужественной дѣвы, пожертвовавшей жизни за опечество, уничтожишь замыслы надменныхъ владыкъ свѣша; а простые войны съ величайшею охотою повшорили сію кляшву. Народъ бросился, какъ бѣшеный, со всѣхъ споронъ, чшобъ еще разъ прикоснуться и облобызашъ печальную жерщаву; каждый спорилъ другъ съ другомъ о чести, получишь хоша одинъ изъ дѣвшковъ, украшавшихъ погребальныи оупъ усопшей.

Какъ скоро показалаь ушрениия заря и волненіе сердце успокоилось, верховный жрецъ схвашилъ пламенникъ, оборотился лицомъ къ востоку, и при первомъ лучѣ восходящаго солнца, бросилъ его на косшерь.

Въ минушу вспыхнуло сильное пламя, и шѣло Ариніи обратилось въ кучу пепла; спшоявшіе вокругъ кошпра жрецы и двѣнад-

цать Сигамбрійскихъ дѣвъ воспѣвали между шѣмъ печальную пѣснь смерти, а собравшіеся шущъ Германцы обоого пола помогали имъ своими голосами. — Когда же пламя погасло, прахъ вдохновенной дѣвы былъ собранъ въ просшую глиняную урну и преданъ попомъ опечесивенной землѣ. Свѣжая могила Ариніи оросилась кровію жершвъ, а изъ ихъ препещущихъ внупренносшей жрецы съ шоржеспвенными обрадами возвспили собравшемуся народу, чшо боги предаюшъ Римлянъ праведной жести, и желаемая всѣми война кончшся гибелію сихъ послѣднихъ.

М щ е н і е.

Германъ умѣлъ воспользовашься симъ расположеніемъ умовъ и ненавистью племель Германскихъ прошивъ Римлянъ; изъ средины Танфананской роши, онъ повелъ ихъ прямо на бишву. Римляне были окружены шеперь со всѣхъ споронъ ожеспочившимся врагами; цѣлые при дня продолжалась упорная и кровопролишвая бишва среди непроходимыхъ лѣсовъ, куда завлечены были въ засаду легіоны Римскіе. Сегеспъ принужденъ былъ своими воинами, прошивъ воли своей, сражашься съ Римлянами.

Луцій Аспрена посвѣщавъ имъ на помощь съ береговъ Рейна; но имѣя малое число воиновъ, не смѣлъ вступити въ сраженіе; посему самая малая часть Римской конницы спаслась отъ ударовъ поржествующаго врага, и только по безпрестаннымъ шрубнымъ звукамъ, раздававшимся въ спазмъ искуснаго Аспрены, Германцы подумали, что войско его гораздо многочисленнѣе, нежели каково оно въ самомъ дѣлѣ было, и потому не отважились далеко преслѣдовать разсѣянные всюду ошпашки Римскихъ легіоновъ. Безъ сей счастливой хитрости Аспрены, ни одинъ человекъ изъ всего Римскаго войска не избѣгъ бы свирѣпости Германцевъ. Позлащенный орелъ гордыхъ легіоновъ былъ брошенъ и скрытъ среди густою лѣсной, въ шинѣ болошней. На высокомъ холмѣ, посвященномъ Одину, поелъ бивши, текла кровь военнопленныхъ, и когда знавшійшіе воинскіе чиновники и Римскіе Ценшуріоны закалаемы были на дикомъ жертвенникѣ Гогенштейна, въ честь луннаго бога, Мело, отецъ Арини, сладкимъ чувствомъ удовлетвореннаго мщенія оживленный, воскликнулъ въ восхищеніи: „Варъ! воззри сюда изъ мрачнаго царства Геллы: вершина Гогенштейна окропилась опять кровію нашихъ враговъ!“ — Спусти мечь

льпъ послѣ сего прѣисшествія, Германикъ, сынъ Друзовъ, проликнувъ въ сію спрану, велѣлъ собрать въ одно мѣсто кости своихъ неоспорожныхъ соотечественниковъ, и предать ихъ съ честью погребенію. Эпистою погребальный холмъ еще и понынѣ видѣнъ въ Веспфалии, и составляетъ любопытный памятникъ для ученаго Антикварія. — Германія освободилась отъ ига Римлянъ. Августъ запрещежалъ за своею тронъ; онъ воскликнулъ въ отчаяніи: „Квинтилиъ Варъ! опдай мнѣ мои легіоны!“ Но Варъ не могъ уже болѣе вѣнчаться рѣчьми Императора. На третій день битвы, когда уже все пропало для Римлянъ, полководецъ, весь израненный, ринулся въ отчаяніи на свой острый мечъ, подобно древнему Римлянину, предпочитая самую смерть постыдной жизни. Весь усиліе Римлянъ подвергнувъ Германію опять своему владычеству, уничтожены были мудростию и геройскимъ духомъ Германа, однако жъ предчувствіе Тунильды въ самомъ дѣлѣ, по спеченію обстоятельствъ, исполнилось. Счастіе оставило его, какъ скоро слава назвала его своимъ любимцемъ. Сегестъ скоро попомъ опять приблизился къ Римлянъ. Недовольные такими его поступками, другія Нѣмецкія племена осадили его въ самомъ его замкѣ, и сей измѣнникъ

отечества вторично спазъ просишь помощи у Римлянъ. Германикъ поспѣшилъ къ нему, разбилъ Нимцевъ, освободилъ Сегеста и завоевалъ Тевшобургъ, въ которомъ жительствовала вѣрная и прекрасная Тулильда. — побѣдитель повлекъ сію драгоценную добычу въ Италію вмѣстѣ съ другими своими пѣвниками. Тамъ была она блистательнѣйшимъ украшеніемъ шріуфа, который заслужилъ Германикъ своими подвигами. Сегестъ также долженъ былъ предшествовать при семъ шоржествѣ, какъ союзникъ Римлянъ, и сморщивъ съ спокойнымъ лицомъ, какъ собственная его дочь, Тулильда, Книгиня Херусковъ, обременная золотыми оковами, съ благородною гордостію шла передъ шоржественною колесницею побѣдителя. Но благородная Германка неудостоила ни однимъ взоромъ ни презрѣннаго отца своего, предавшаго ее врагамъ отечества, ниже гордаго своего побѣдителя. Съ опущенными внизъ глазами и съ величавою осанкою окончила она назначенный ей путь; самый народъ Римскій не могъ опознать ей въ уваженіи, какое умѣла она внушить. Вскорѣ попомъ родила она сына, который воспитанъ былъ въ Равеннѣ, и никогда не видалъ отца своего.

Безпрестанно сражаясь и всегда оставаясь побѣдшелемъ, жилъ Германъ послѣ сей роковой бѣшвы еще 12 лѣтъ, проводя въ уныніи и горести жизнь свою, какъ мужъ, лишившійся милой супруги, но вѣрный своему народу и своимъ обязанностямъ. Пошомъ, по наущенію враговъ своихъ, палъ онъ подъ ударами наемнаго убійцы, на 37 году своей крашкой, но славной жизни. Германцы, дабы почтить память его, соорудили въ честь его въ Эресбургѣ ирминзуль или енашюю Арминію, которую уже велъвъ пошомъ уничтожилъ Карлъ Великій, пошому, что пошомки того самаго народа, который некогда былъ освобожденъ Германомъ, воздавали ей почши божескія почести, не смотря на пространство времени, прошедшее послѣ его смерти. Однако жъ, сей безразсудный поступокъ Карла не могъ испребишь славы сего мужеспвеннаго Германца, ибо память о великихъ людяхъ сохраняется не посредствомъ пышныхъ пирамидъ и обелисковъ, но живетъ въ сердцахъ и воспоминаніи благодарныхъ пошомковъ, умвющихъ цѣнить заслуги предковъ своихъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Письмо о деньгахъ и торговлѣ.

Другъ мой!

Сосѣди твои доставили мнѣ письмо твое. Я радовался, что ты здоровъ. Разспрашивалъ о жищѣ быщѣ твоемъ. Они мнѣ много насаказали диковиннаго. Ты спашъ великій вкономъ, и образецъ въ околоскѣ; даже охошникъ до садоводства; и какъ Квиншъ Горшензій, самъ садишь Смоленскія, Тульскія и Курскія яблони и груши. Поздравляю! Но береги вино, а полива проешто Воджскою водою.

Разказы ихъ меня болѣе всего удивилъ шѣмъ, что ты на крѣпкій запоръ заперъ свою баблюшеку. Не получаешь ни Газешъ, ни Журналовъ, и какъ Спаршанецъ, ходишь зъвая.

Что съ тобою сдѣлалось? — „Я уединился.“ — Какъ? ты уединился! Ты уединился шакъ, какъ мышъ въ сырѣ. Прочитай-ка Басенку Дмишрѣва, анъ и будешь спыдно.

Да! я и забылъ; вѣдь ты спаривный мечшашель. Циммерманъ свель шебъ съ ума. Циммермана и я саушалъ, мой другъ; но ны-

нѣ вижу, что Циммерманъ, обманывая себя, обманываетъ и другихъ. Разбери теперь его сказки.

„Въ уединеніи, говоришь намъ Циммерманъ, все является безъ покрова, безъ ложнаго сіанія. Въ свѣтскомъ обращеніи истина шествуешь въ одѣяніи, здѣсь открываешься нагою.“

А ты, поборникъ истины, и давай, давай закупоривашься. Разсуждай же теперь. Для чего бытъ истинѣ нагой? Почему по истиницѣ, что наго, и почему по не истинно, что одѣшо?

Если бы мнѣ довелось одѣвать истину, то я одѣлъ бы ее во всю драгоцѣнность, какія въ мірѣ есть.

Но пойдемъ за Циммерманомъ. „Гдѣ можешь поставишься въ порокъ любишь истину, обожаешь ее, и говоришь оную? Или по преступленіе, чтобы опѣваишься иногда признашь истину погрѣшительно, о которой обыкновенный человекъ ни мало не заботишься.“

„Философъ въ уединеніи говоришь ошважно, на что, можешь бышь, въ обществѣ и не покусишься бы.“

Сколько шумъ противорѣчій! Философъ истину говоришь въ уединеніи; философъ говоритъ ее въ обществѣ; философъ не поку-

смыслъ бы говоришь истину въ обществѣ. И все это сказано на одной страничкѣ.

Я спросилъ бы Циммермана: кому же философъ, живучи въ лѣсу, въ полѣ, въ берлогѣ, или какъ Діогенъ въ бочкѣ, спалъ бы говоришь истину?

Въ лѣсу волкамъ, чшобы не паскали изъ стада овецъ. Медвѣдямъ, чшобы не ломали коровъ. Лисицамъ, чшобы не ходили въ курятникъ, и не крали куръ. Въ полѣ мужикамъ во время срады. — Мужики бы ему ошвѣчали: кормилецъ! намъ недосугъ балышо слушаешь! у насъ языкъ пересохъ. И такъ, философъ въ уединеніи говорилъ бы въшпру.

Хочу излечить себя ошъ проказы, и покажу тебѣ, что Циммерманъ всѣхъ морочилъ.

„Въ уединеніи, говоришь онъ, сражающъ предразсудокъ и заблужденія, какъ боецъ поражаетъ своего сопрошивника.“

Ну, дорогой мой уединенникъ! разобралъ ли ты это пустословіе? Какіе въ уединеніи предразсудки, какое заблужденіе? развѣ въ дубровѣ кто заблудился. Но онъ обольщаетъ себя именами великихъ людей древности.

„Перикль, Фокіонъ и Эпаминондъ всѣмъ своимъ величіемъ обязаны уединенію. Они научились въ ономъ, шакому образу судо-

производства, какого не приобретающъ въ канцеляріяхъ. Всѣ удивлялись, и одинъ другого спрашивалъ: когда и какимъ образомъ Эпаминондъ могъ научиться и обнять однимъ разомъ Военное Искусство во всемъ совершенствѣ? “

Нѣтъ ни слова, похожего на дѣло. Фокионъ и Эпаминондъ никогда судопроизводствомъ не занимались, и въ уединеніи не жили.

Периклъ, какъ правитель Республики, занимался государственнымъ дѣлами, но не въ Аѳсу, а въ Аѳинахъ. Чей умъ, чьи силы и чьи руки украсили Аѳины?

Периклъ любилъ и собранія. Аспазія угощала его друзей. Периклъ за столомъ сидѣлъ до изліянія жерствъ. И не въ домѣ ли Перикла образовалъ себя Сократъ?

Сидѣвшъ въ кабинетѣ за дѣлами, по Циммерманову мнѣнію, есть уединеніе.

Скажи: гдѣ образовали себя Аристидъ, Мильшіадъ, Солонъ,Themistocles, Алкивіадъ, Кимонъ, Тисъ, Траянъ, Антонинъ и Юліанъ?

Если сіи мужи не превосходятъ первыхъ, то стоятъ параллельно, не бывъ никогда въ уединеніи.

Но Циммерманъ балагуръ. Чѣмъ прельщались уединеніемъ, и все великими людьми, но зашатались шуда насильно обоеихъ Платонъ и Евъ. Младшаго и слова приводишь.

„Неужели не освобожусь я (будто говорил Плиний) отъ узъ, меня удерживающихъ? Каждый день новыя безпокойства! Едва успѣю кончить одно дѣло, какъ встрѣчаешся другое.“

Этимъ словамъ я не вѣрю. Плиний 19 лѣтъ началъ заниматься дѣлами, и любилъ дѣла, а паче тѣхъ, гдѣ спрдадала невинность. Пошомъ былъ Консулъ, послѣ Проконсулъ. Онъ былъ изъ первыхъ вельможъ Траянова Двора; крошокъ, милосивъ, внимателенъ, а съ шакими качесствами не скучающъ дѣлами.

Послѣ сихъ доказательствъ, выбросишь ли ты изъ головы блажь уединенія? Брось, и по наставленію Сираха, скажи мнѣ спасибо.

Вошь тебѣ Журналы. Читай, 1-е, Земледельческій. Этошь тебѣ нуженъ, для усовершенствованія пашни, для овиновъ, для леченія скопа, для градо-опводовъ, и проч. деревенскихъ устройствъ.

2-е, Мануфактуръ и Торговли. И шунтъ естѣ много для хозяйства, лѣсоводства, винокуренныхъ и проч. заводовъ.

3-е, Замѣчанія о Сибири. Сибирь далеко отъ себя, однако много увидишь хорошаго и любопытнаго. Во снѣ лѣтъ, изъ всѣхъ Губернашоровъ, первый Губернашоръ написалъ шо, что видѣлъ; и первый былъ въ

Березовъ: Это рѣдкость! Посѣщеніе его не щещно было: убѣдилъ шамъ принять прививаніе оспы, и о многихъ предметахъ даль поняшіе, что до него было неизвѣстно.

4-е, Рѣчь Г. Полеваго, говоренная въ Москвѣ, въ Коммерческой Академіи. Эша тебѣ докажешь, что намъ шеперь неужны деньги.

„Ну, слава Богу! А мы какъ изъ нихъ хлопочемъ.“— И подъяомъ. Не уединайся.

Ты въ Журналахъ найдешь то же, что и у Циммермана. Но какъ же бышь? Прощиворвчія шолько открывають истину, шакъ, какъ безъ удара кремнемъ въ спашь, невылетишь искра. И не заблужденія ли древнихъ Философовъ открыли намъ истину?

Не осердись пожалуйста, что я на многія спашьи дѣлаю мои примѣчанія, не оставаяя уму швоему работы. Эшо вышло случайно.

Назадъ шому лѣшь 20, когда собиралъ я библіошеку, купилъ сочиненія Г. Виршта. А читая нынѣ Журналы, встрѣшилъ въ нихъ мысли подобныя шому, и прошивныя. Захошьлось свѣришь: кто правъ, кто виновашъ, и слово за слово, рѣчь за рѣчью, а далье завело и до письма.

Г. Вирштъ, написавъ книгу о Законодательствѣ, Финансахъ и Коммерціи, посвящилъ Государю Имперашору и говоритъ:

„Счастливымъ буду, когда трудъ мой произведетъ пользу для Государства, исправитъ предрассудки и заблужденія посредствомъ испытанныхъ истинъ.“

Какъ приятно Царямъ слушать истину, когда вѣрный подданный представляешь ее! Государи чаще слышатъ о злоупотребленіяхъ, слышуютъ, желаютъ истребить; но какъ причины зла отъ нихъ сокрыты, то истребляя видимое злое, остается корень, который произрастаетъ сильнѣйшіе стебли. — Предъ Короля представленъ былъ Коломбъ въ оковахъ. Король видѣлъ страдальца, скорбѣлъ, разрѣшилъ кандалы, но причина была сокрыта: и какія же злодѣянія послѣ того разидись по Америкѣ?

Г. Вирсъ въ книгѣ своей открываетъ не только зло, но и причины зла, возрожденіе, ходъ, средства къ истребленію. Онъ чисташелей проситъ:

„Желаю, чтобы у насъ явились мужи, кои бы рѣшились, или оспоришь предлагаема мною начала, или признавъ ихъ правильными, основашъ на нихъ заключенія.“ Онъ, будучи врагомъ всѣхъ тайныхъ записокъ, и всѣхъ хранимыхъ знаній, предложилъ явно свои мысли, и ожидаетъ явнаго же замѣчанія и возраженій. „Общая польза, говоритъ онъ, пребудетъ, чтобы голосъ иначе

мыслящихъ слышанъ былъ явно. Сей голосъ будешь слышать, когда онъ произнесется громко. Похвала Правительству сосноишь въ свободу, даруемой судить явно и безбоязненно, съ скромностію.“ И заключаешь :

„Блаженны народы, коихъ Государи пре-
бующь, чшобы имъ говорили истину. Воз-
вѣщаемыя ими слова, возвѣспяшь ихъ хвалу.“

Во многихъ мѣстахъ Сочинитель одер-
жалъ слово, а въ нѣкоторыхъ ошступилъ,
и наклоняется къ предразсудкамъ. И если
бы Г. Вирсъ не имѣлъ ихъ, шо: былъ бы
превыше смершнаго. Наклоненіе его къ пред-
разсудкамъ есть и собшвенное, и послѣдо-
ваніе шѣмъ Писателямъ, изъ которыхъ из-
влекалъ онъ мысли. Представлю одинъ пред-
разсудокъ.

Г. Вирсъ, описывая проистекающія
опъ торговли на народъ благоденствія въ
настоящемъ времени, показываетъ бывшую
за спо лѣшь бѣдность. Тогда пенька про-
давалась по 4 руб., а нынѣ по 40 руб. (1806
года) (1), опъ чего города, помѣщики и
земледѣльцы удлучили бытъ свой. Напро-
шивъ: Чукчи, Лопари и Самоѣды во спо
лѣшь не удлучили своего сосноиія, не
подвинулись впередъ ни шагу: продающъ

(1) По табл. No. 3. цѣна показана 47 руб.

лисицу за ту же рюмку водки, какъ и прежде, живущъ на пѣхъ же шундрахъ, въ пѣхъ же юрсахъ и порахъ; пинающа шюю жъ олениною, гнилою и смрадною рыбою, какъ и ошъ начала сотворенія.

Тутъ Г. Вирспѣ судишь, какъ человекъ, благородно мыслящій, сердобольный, или, какъ говорится, скорбишь, какъ философъ.

Но послѣ предразсудкѣ одолеваетъ его. Онъ возстаетъ на роскошь, на ту роскошь, которая во вселенной поставила свои шроны, кошорой владычество, есть владычество — благошворить, и щедрою рукою сыпашъ изобиліе на всѣ живущія швари, ошъ человека до насъкомаго.

Я предложилъ бы Г. Вирспу вопросъ:

Вамъ пріятно видѣть шо, что народъ начинаешъ благоденствовашъ? Тамъ, что люди живущъ въ городахъ, селахъ, деревняхъ, мирно, подъ кровлею въ каменныхъ палапахъ (кошорыя за шо лѣшъ и въ Москвѣ были диковинкою;) въ избахъ оконницы спекляныя, а не пузырныя; поставлены скамьи, лавки, на кошорыхъ можно и сидѣшь, и лежашъ; шулья, кресла, канапѣ, диваны; горницы теплыя, нѣшъ чаду и смраду, какъ у Лопарей; посуда муравленая, фаянсовая, фарфоровая; ложки деревянные и серебряныя; шшолы чышше, на шшодахъ пища

свѣжая: жирныя щи, хлѣба до-сыща, а не въ обрѣзъ, пироги; ешь яблоки, груши, сливы, виноградъ; огурцы свѣжіе и соленые, грибы, капуста, квась, пиво, медъ. Какъ это назвашь?

Г. Вирсшъ отвѣчаетъ: „изобиліемъ.“ А что это за слово — изобиліе?

Но спрошу еще. У изобилующихъ ешь зонтики, плащи, серпуки, кафшаны, шубы, шляпы, кареты, дрожки, сани, лошади. Это что такое? „Необходимыя потребности?“

Далѣе. У изобилующихъ ешь лодки, барки, корабли, мапросы, компась, Аспрономія. Это какія необходимыя потребности?

„Корабли, отвѣчаетъ Г. Вирсшъ, плавають по океанамъ, компась и Аспрономія показывають мѣсто на моряхъ, и гдѣ мореплаватели открываютъ новыя земли.“

А для чего эти открытія?

Тутъ, вмѣсто Г. Вирсна, я скажу. Тутъ человекъ долженъ остановиться, размыслишь, и сказать самъ себѣ: „куда я ни кину взоръ мой, вездѣ вижу рай (1); вездѣ вижу роскошь; роскошь есть бытіе мое! Для глазъ — прелестныя цвѣты; для слуха, пѣніе птицъ; для обонянія, ароматы; для души — плоды, рыбы, скоты, птицы; для

(1) Исключая Чукчей и имъ подобныхъ.

одѣанія, шелковый червь, хлопчатая бумага, лень, соболій и лисій мѣха.

Все это даешь мнѣ природа. Но есть люди, кошорые говоряшь: не должно роскошествоватьъ.

Давай вещамъ названіе: изобиліе, потребности, способъ проживанія; но все будешь роскошь. Она одна живошворить все, и всему даешь бышіе и движеніе.

И для чего та самая торговля, о которой Г. Вирсъ писалъ? Для чего Финикіане изобрѣшали пурпуровую краску? для чего они по всему тогдашнему Свѣшу развозили ароматы и шкани?

Для чего Кукъ пускался въ неизвѣстныя мѣста на моряхъ, входилъ во льды? Для того ли, чтобы на островѣ Овайги бышь убишу и съвдену?

Для чего Колумбъ поплылъ открывать неизвѣстныя земли? Для того ли, чтобы въ Испанію привезли его въ цѣпяхъ?

Скажи ны мнѣ, — что такое наша печаль, радость? Изобрази въ щѣ минувшы Колумба, когда съ саенга закричали: земля!

Скажи, что такое есть добродѣтель, и ошъ чего благошворитель льешь слезы, когда онъ спасаешь невинную жертву?

Опъ роскоши! Душа благошворилея роскошествоуетъ такъ, какъ не роскошествовадъ ни одинъ сапрапъ.

„Что такое произвело законы? говоришь Беншамъ. Польза, скорбь и удовольство. Наслаждаешься, наслаждаешься безъ всякой скорби, вошь общее желаніе челоуковъ.“

Приведь бы я тебѣ два миѣнія: Сенеки и Цицерона, одно на другое не похожія. Сенека разврапъ назвадъ роскошью, да и кричалъ: роскошь разврапила нравы. А у него же, опъ шягоспи золотой и серебряной посуды (*) въ шкафахъ ломились цолки.

Но оставлю до времени разеуждате о роскоши. За слово роскошь Гельвецій подпалъ ненависпи, а Римскіе Ценсоры роскошнаго челоука исключили изъ списка Сенаторовъ.

Обратимся къ книгѣ Г. Вирста. Г. Вирстъ, первый въ Россіи писатель, копорый смѣлою рукою написалъ различныя распоряженія въ сборѣ пошлинъ и о деньгахъ. Онъ показываешъ невыгоду шѣхъ распоряженій. До него хотя и было писано кое къмъ, но подъ общимъ именемъ. Онъ пер-

(*) У Сенеки посуды было на 300 милл. Хорошь Философъ!

вый прямо сказалъ о тайномъ вывозѣ (*) нашей монеты, о подвозѣ такой же монеты изъ чужихъ краевъ, подъ Русскій шпемпель поддѣлываемой. Онъ явно говорилъ о конспирандѣ, что другіе только намѣкали.

Г. Вирспъ размашривалъ учрежденіе Банковъ, пользу и вредъ ихъ. Предполагаетъ большіе и малые проценты, пользу и вредъ ихъ. Разсуждаетъ о введеніи ассигнацій, о пользѣ и вредѣ ихъ. Дѣлаетъ сравненіе съ другими Государствами. Здѣсь онъ придержался общаго предразсудка; ибо приводя въ примѣръ Англію, самъ же говоритъ, что Россія не то, что Англія, однако же настоитъ во мнѣніи, которое даетъ.

А я скажу, что введеніе въ Россіи ассигнацій, есть такое благошворное дѣло, за которое Великая Екатерина достойна особеннаго алшаря.

Если Г. Вирспъ разсмотритъ со вниманіемъ Россію, и сдѣлаетъ карту, подобную картѣ Рѣка времени, сообразитъ свое же мнѣніе о лежащихъ по Казначействамъ

(*) Кольберъ сказалъ: если на границѣ Государства будетъ скважина проколоша только иглою, то и въ шу пошечешъ золошо.

деньгахъ, съ злоупотребленіемъ по переводамъ, вмѣсто перевозки, но онъ самъ скажетъ: я ошибся.

О тарифѣ и запрещеніяхъ говорилъ справедливо, кромѣ малосшей, которыя въ огромной массѣ ничего не значать.

Сожалѣлъ объ исчезающемъ щещно государственномъ богатствѣ, доказывалъ такъ вѣрно, какъ дважды два. Но онъ не могъ разрушить предрасудка: ибо есть такіе чудачки, что и большіе короваи хлѣба спавяшъ въ вину. И гдѣ бы надобно призывашъ руки, тамъ связывающъ руки. Онъ не зналъ происшествій въ царствованіе Анны Иоанновны, по Новгородской Губерніи, по рѣкѣ Памсѣ, около Нарвы, и по Губерніи Смоленской; сіи бы болѣе подкрѣпили его мнѣніе. „Но труднѣе бываетъ разрушить заблужденіе, нежели доказать истину,“ сказалъ одинъ Министръ.

Въ налогахъ прямыхъ и косвенныхъ много доказательствъ. Въ послѣднихъ соль, водку и шабакъ Г. Вирстъ подвергаетъ большимъ налогамъ, приведя въ подкрѣпленіе Бюша. — Бюшъ шутъ и не нуженъ, ибо Г. Вирстъ судилъ и самъ хорошо; но шолько мнѣніе его тогда будетъ полезно, когда будетъ принято подъ условіемъ. Ибо

Англія и Пруссія, поставленныя имъ въ примѣръ, къ Россіи нейдущъ, шакъ шочно, какъ ассигнаціи. Тамъ льшо 8 — 9 мѣсяцевъ, а въ Россіи 5 — 6.

Фабрики Г. Вирсшъ размашпривалъ съ обѣихъ споронъ, и видѣлъ бѣлую и черную. Въ одной главѣ судилъ справедливо, въ другой сдѣлалъ ошсшупденіе, и гдѣ онъ спавишь 50, а бы поставилъ 500; гдѣ 100, шамъ 1000. Чшо, однако же, нѣкоторымъ не понравилъся.

Вывелъ наружу мѣнялъ, лихоимствуюхъ, кощорые у бѣднаго шашашъ и послѣднюю копѣйку. А для Государства говорилъ Г. Вирсшъ, мѣнялы суть болѣзнь ракъ.

Я удивляюсь, какъ адское корышполюбіе до сихъ поръ не побилло Авшора каменьямъ.

Бадансы шорговме Г. Вирсшъ находилъ невѣрными, по кощорымъ не можно сдѣлалъ основашельныхъ заключеній; ибо до нѣкощорыхъ предмешовъ добиралъся по догадкамъ.

Наконецъ машщабъ—серебро. На немъ вершишся и коммерціа, и финансы, шакъ, какъ земля ходилъ около солнца, и вершишся на своей оси. Онъ доказываешъ сіе шаблицами Но 2 и 3. Но онъ показывающъ прошивное.

За всѣмъ шѣмъ, книга и шаблицы Г. Вирсша на Русскомъ языкѣ единшвенны. Изъ нихъ можно соорудилъ зданіе, если бу-

душъ въ рукахъ хорошаго Архитектора. Но, для огромнаго зданія недоспашъ важнаго мадеріа — полишки.

Г. Вирсть Россійскую торговлю представилъ шакъ, какъ бы она была ни съ кѣмъ несвязана. Но мы находимся уже не въ шѣхъ временахъ, когда Англичане случайно прибины были бурей къ устью Двины.

Нынѣ Россія уже не та. Нынѣ Россія стоишь на чредѣ великихъ Европейскихъ Державъ; и если съ нѣкоторыми неравняешся въ обладаніи морей, шо въ другихъ отношеніяхъ имѣешь преимущество, а потому о Россійской торговлѣ разсуждашь должно обьявлять прежде полишки другихъ Державъ, потомъ полишки своего Государства. Безъ сихъ соображеній, всѣ предложенія и разсужденія будутъ шщепны; ибо одно происшествіе, одинъ практашь, какъ Архимедовъ рычагъ, переверошишь все въ прошивоположную сторону.

На сіи мои мысли представляю шебъ и доказательства.

Первое. Одесса нынѣ производишь шаковую торговлю, какой за 50 лѣтъ, или и ближе, всѣ наши порты не производили. Она отъ чумы заперша была на 5 мѣсяцевъ; наконецъ освободилась, обрадовалась, распусти-

ла связанная крылья. Теперь слушай рѣчи самовидца.

„Уже получены были порученія изъ Италіи, Франціи и Испаніи, о закупкѣ товаровъ, а особливо пшеницы; уже снаряжали суда, какъ вдругъ ночь — съ 13 на 14 Февраля все разрушила: купечество поражено было ужасомъ, и немедленно поскакали эскафеты, чшобы все заказы пріостановить.“ — И не на бездѣлицу: Одесса производила торговлю ошъ 30 до 40 милліоновъ.

Что бы вы думали это было? Опгадашь не шрудно. Наполеонъ сдѣлалъ высадку!

Вшорое. Ксташи здѣсь соединю конвеншеншальную систему. Эша система разорала не Россію, не Европу, но весь Свѣшъ, не исключая и самага основателя. Но, къ счастью, рушилась.

Трешіе. Разрывъ, съ Китаемъ бывшій, засшавилъ насъ покупать чай у Голландцевъ, и вмѣсто рубля, платишь имъ по 5 руб. А свои товары, на Кяхшу завезенные, хоть брось. Сей разрывъ осшановилъ тогда всю Сибирскую торговлю.

Не справедливо ли мое мнѣніе, чшо не зная полишки, никакихъ въ торговль основаній положишь нельзя? Ибо нынѣ торговля не та, которую производилъ

Сидонь; не та, котору производили Венеціань, Генуезцы и Ганзейскій Союзъ.

Нынѣ Европейскіе народы въ шорговль другъ за другомъ смошряшъ шакъ, какъ смошряшъ за ворами, чшобъ одинъ передъ другимъ чего не перешащиль.

Едва Русскія войска перешутили за Дунай, какъ въ Палашъ Депушашовъ и начали говоритъ освободной шорговль по Дунаю и Ріону на шарую дорогу, въ Индію.

Ты вскочишь и скажешь: „шакъ! шакъ! Иношранцы вездъ успѣють! вездъ хошяшъ шорговать, вездъ обладать.“

Но я тебѣ говариваль: брось эши мысли. Они пахнутъ XVII, XV, X и всми назадъ бывшими вѣками невѣжества. Нынѣ вѣкъ просвѣщенія. Просвѣщеніе гнушается ненависью. Оно идешъ иною спезею, имѣеть иной предметъ: согласіе и дружбу. Выслушай, что одинъ великій законодатель написалъ.

„Всякаго честнаго чедовѣка желаніе есть и будешъ — видѣть опечество свое на самой высшей степени благополучія и славы.“

А по сему мнѣнію законодателя, всякой можешъ о своемъ опечествѣ имѣть попеченіе. И я имѣю виды, хошя они останутся и безъ пользы.

Вошь мой виды. По послѣднему шрак-
пашу съ Персією, Россія имѣешь свобод-
ную торговлю въ Персіи; отъ Эривани
до Бассоры ближе, чѣмъ отсюда до Нижегородской ярмонки. Ты скажешь: да Бассо-
ра уже не Бассора, а бѣдная деревушка. —
Такъ. Но кто можешь сказать, что въ Пер-
сіи не будешь Шаха Аббаса? Кто можешь
сказать, что не призовешь шамъ Армянъ,
и не дадутъ имъ денегъ? А когда это сдѣ-
лають, то бѣдная Бассора будешь такою,
какъ была бѣдная деревушка Гаджи-бей.

Кто могъ 1703 года, стоя на берегу Не-
вы, сказать то, что мы нынѣ видимъ? Кто
могъ за 40 лѣтъ сказать, что по морямъ
будешь плавать новое чудесное существо
безъ парусовъ? Но еще чудеснѣе тебѣ пред-
спавлю.

Обладашельница всемірной торговли
предлагаетъ свободную торговлю всѣмъ на-
родамъ. О семъ ты найдешь въ Журналъ и
ошвѣтъ.

Но я не такъ думаю, какъ въ Журналъ
написано. Я переносусь ко времени Саламин-
ской бишвы, и предложенію Оемиспокла по-
слѣ сей бишвы. Если бы новые Аѳиняне
предложеніе свое опдали на судъ Ариспида,
то онъ бы сказалъ безъ предлога, *но не*, а
пресоединилъ бы союзъ и.

Но какая же противоположность встрѣчается предложенію Англичанъ? Сѣверная Америка всѣмъ издѣліямъ Европы, Индіи и Каша запераетъ двери. Ибо послѣднимъ тарифомъ пошлины положены отъ 50 — 60 ‰. Одинъ народъ хочешь облегчить торговлю, другой придавить. Разбирай.

Г. Вирсъ просилъ публику возражать ему, а я тебя, какъ друга, прошу доказать мнѣ, если я заблуждаюсь.

Полишика въ спорону. Разсмотримъ таблицы Г. Вирста, которыми онъ доказываетъ, что серебро удерживаетъ цѣны отъ возвышенія, какъ товаровъ, такъ и жизненныхъ потребностей.

Фридрихъ II, говоритъ Г. Вирсъ, въ семилѣтнюю войну съ 756 — 763 года изъ 4 золотниковъ въ шалеръ унизили до 1. При семъ униженіи серебра цѣны возвысились. По окончаніи войны, шалеръ опять получилъ свое достоинство, и цѣны упали.

Въ Россіи, когда рубль содержалъ $4\frac{3}{4}$ и 4 золотника, тогда цѣны держались ровно. Но когда рубль дошелъ до $2\frac{3}{4}$ зол., то цѣны возвысились.

Таблицы Г. Вирста товарамъ No 3 съ 783 года по 807. Онъ всѣ цѣны сравниваетъ съ шѣмъ годомъ. А No 2-й серебра съ 754 съ сего года по 763 годъ рубль содержалъ

4 $\frac{78}{100}$ съ 763 по 807 4 $\frac{21}{100}$ а 2 $\frac{3}{4}$ зол. не по достоинству серебра, а по курсу, да и этого времени не много, 793, 800, 801 года. Но курсъ не на всѣ вещи, и не всегда имѣешь вліяніе, что и докажутъ таблицы.

Табл. No 3.

П е н ь к а

годы	курсъ	цѣна		ассигн.
783	42 $\frac{1}{2}$	16 р.	670	99 $\frac{0}{100}$
786	42 $\frac{1}{2}$	15 $\frac{1}{2}$ —	658	98

Въ оба года курсъ одинъ. Ассигн. — 1 $\frac{0}{100}$; пенька должна бышь, + но она — 50 $\frac{0}{100}$.

С а л о

	курсъ	цѣна	
783	42 $\frac{1}{2}$	21 р.	892
786	42 $\frac{1}{2}$	34 р.	1445 + 62 $\frac{0}{100}$

Теперь надобно разрѣшить: какимъ образомъ цѣны измѣнились? Курсъ одинъ, се-ребро одно ассигн. что же, но ошъ чего пен-ка, а сало 62 $\frac{0}{100}$ +?

Л е н ь

	курсъ	цѣна	
783	42 $\frac{1}{2}$	26 $\frac{1}{2}$	1126
786	42 $\frac{1}{2}$	25 $\frac{1}{2}$	1083. — 4 $\frac{0}{100}$.

Ж е л ь з о

783	42 $\frac{1}{2}$	9 р.	
786	42 $\frac{1}{2}$	11 + 22 $\frac{0}{100}$	

И здѣсь шотъ же вопросъ: ошъ чего желѣзо 22 $\frac{1}{2}$ +, а лень —; ошъ чего желѣзо противъ сала — 40 $\frac{1}{2}$?

Послѣ 786 года курсъ уже не возвышался; но посмотримъ чрезъ 10 лѣтъ, когда ассигн. упали на 77 $\frac{1}{2}$, курсъ на 25 $\frac{1}{2}$; еще чрезъ 10 лѣтъ, когда ассигн. + 80 $\frac{1}{2}$, курсъ 34 $\frac{1}{2}$.

П е н ь к а.

годы	курсъ	цѣна	
793	25 $\frac{1}{2}$	19 $\frac{1}{2}$	497 — 26 $\frac{1}{2}$.
803	34 $\frac{1}{2}$	43	1467 + 119.

Л е н ь.

	курсъ	цѣна	
793	25 $\frac{1}{2}$	34	876 — 23.
803	34 $\frac{1}{2}$	63	2150 + 90.

С а л о.

	курсъ	цѣна	
793	25 $\frac{1}{2}$	44	1112 + 25.
803	34 $\frac{1}{2}$	56	1911 + 113.

Ж е л ь з о.

793	25 $\frac{1}{2}$	16 —	413 + 8
803	34 $\frac{1}{2}$	18 —	614 + 60.

И здѣсь въ одинъ и шотъ же 793 годъ пенька и лень —; а сало и желѣзо +, и въ чувствительной разницѣ. А 803 года всѣ повары +, тогда, когда бы они по ассигн. 80 $\frac{1}{2}$ и курсу + 9 пенсовъ должны быть дешевле.

Во всѣ 23 года по Табл. No 3 ничего нѣтъ похожего, чтобы серебро удерживало цѣны постоянно, даже и жизненныхъ потребностей; что видно изъ его же Г. Вирсша таблицъ.

К і е в ь.

годы	рожь	пшеница	мясо	ассигн.
797	13 пудъ	39 пудъ	90 пудъ	77 %.
799	27 —	100 —	100 —	66 %.
801	32 —	60 —	110 —	66.
803	22 —	46 —	130 —	80.

Такимъ образомъ цѣны показаны еще въ четырехъ городахъ: Тамбовѣ, Аспирахани и С. Пешербургѣ. Въ послѣднемъ во всѣ четыре года цѣна муки 90 коп.; но курсъ ассигн. былъ разной: 77, 66, 60 и 80 %, мясо 97, 99, и 801 года 4 руб., а 803 г. 4 руб. 50 коп., тогда, когда бы по возвышеніи ассигн. на 80 % должно было быть дешевле.

Въ Тамбовѣ мясо 97, 99 г. 1 руб. 20 коп., 801 г. 1 руб. 50 коп., 803 г. 2 руб. 40 коп., вдвое дороже двухъ первыхъ годовъ.

Въ Кіевѣ 97 г. за пудъ мяса можно было купить 7 пудъ муки, 99 г. 4 пуда, 801 г. 3½ пуда, 803 г. 5½ пудъ. Послѣ сихъ разнообразныхъ цѣнъ, можно ли мѣрять масштабомъ серебра?

Сія цѣны взяты изъ разныхъ противоположныхъ городовъ. Они ясно доказыва-

вопть, что Папа полишико-экономистовъ, А. Смитъ, зѣло, зѣло и зѣльно ошибался, и другихъ введъ въ ошибки.

Торговлею нельзя управлять такъ, какъ въ Машемашикѣ поставя + и —.

Мнѣ извѣсны цѣны въ Архангельскѣ, которыхъ, можешь бышь, не случилось видѣшь Г. Вирсту, тогда, когда не было ассигн.; я тебѣ ихъ покажу:

годы.

1710 пеньга 6 руб., лень 11 $\frac{1}{4}$, сало 10 руб.

1715 } — 7 до 9 — — 12 до 16 — 9 до 18 —

1716 } — 6 до 8 — — 8 до 14 — 11 до 15 —

Иностранные повары и шамъ же сукна шонкія отъ 2 до 2 $\frac{1}{2}$ руб., Голандское полошно 16 р. шшука.

И въ Архангельскѣ тѣ же перемѣны, какъ и въ Санктпетербургѣ.

Въ 1720 году зеведены въ Санктпетербургѣ шрактиры. Въ сихъ шрактирахъ за кушанье въ мѣсяць плашилось по 1 рублю съ персоны, кшо браль одно блюдо; 2 р. за два блюда. Присоедини: услугу, бѣлье, посуду, и предшавъ самъ дешевѣйшее мѣсто Кіевъ: возьмушь ли и шамъ нынѣ рубль въ мѣсяць? И за одинъ хлѣбъ съ мужика не возьмушь.

1742 года въ Санктпетербургѣ канашы продавались по 1 р. 20 к. пудъ.

Теперь если бы сдѣлали рубль и въ 10 золотниковъ, то по шѣмъ цѣнамъ ничего купишь невозможно. Да и сохрани Богъ ошъ шѣхъ цѣнь!

Вопъ шебъ расчешы серебра и ассигнацій, на кошорыя нынѣ шакъ немилосердо ополчились, какъ въ сшарину на бѣднаго Лава, и кошораго проклинаяшъ и донынѣ, но кошорый право заслуживаешъ благодарность. Ибо не Лавъ виновашъ, чшо не умѣли распорядить колонією Миссисипи, и уморили 12,000 человекъ.

Послѣ сего должно бы предсшавишь картину машушки - Русіі основаніе шорговли со времяъ Петра Великаго, ходъ ея, перемѣны; и при семъ изслѣдовашь вопросъ: — чшо полезнѣе для Россіи — ошашься ли ей въ шомъ положеніи, въ какомъ она по физическимъ законамъ находишся, или ишши вопреки природѣ?

Но захошѣлось поскорѣе упѣшишь шебя, и избавишь ошъ хлопошъ о деньгахъ.

Читая журналъ Ман. и шорговли No 8, сожалѣлъ, чшо у насъ нѣшъ Бланки. Но чрезъ мѣсяць прислали мнѣ рѣчь Г. Полеваго. — Прочишаль: признаюсь, согрѣшилъ, подумаль: што переводъ съ Французской, съ шою шолько разницею, чшо чѣмъ Бланка началъ, шѣмъ Полевой кончилъ.

Но какъ же я покраснѣлъ ошъ спыда! Послѣ вздумалось еще прочишашь рѣчь, и нечаянно увидѣлъ 9 Юля, а Бланка говорила въ Августѣ. Я обрадовался, что наша рѣчь оригиналь.

Разсмашривалъ, обдумывалъ, и вошъ плоды моего мнѣнiя.

„Вѣв вещешвенные предметы, говорилъ Г. Полевой, приобрѣшленные человѣкомъ, необходимы для удовлешворенiя его. Удовлешворенiе создало пищу, пише, одежду, жилища, и явило намъ идею о богашствѣ, семь обольшишельномъ предметѣ.“

„Ошибочныя мнѣнiя вовлекали людей во множештво прошиворѣчiй. Долго думали, что сила ешъ основанiе богашства. Народъ, который могъ ошнимашь у другихъ, считашаь себя богашымъ. Долѣ всѣхъ заблуждений держалось ложное мнѣнiе, что деньги составяющъ богашство; наконецъ всѣ сiя заблужденiя сгорѣли въ пламени ума.“

Фраза чрезвычайная! шѣмъ, что можешъ мнѣшъ обрашное дѣйшвiе.

„Нынѣ убѣдились уже люди, продолжашь Г. Полевой, что деньги ешъ шолько условные знаки предметовъ, потребныхъ человѣку. Здѣсь раскрылось, что основанiе всего составяешь шрудъ.“

Доволенъ ли? Трудись, шрудись, шрудись. А деньги вмѣстѣ съ заблужденіемъ сторѣли на авшо-да-фе.

„Недоволенъ, недоволенъ.“ Почему? „Послушай моей сказочки.“

„Анхисеену, разумѣйся, Философу, ученикъ обѣщаль заплашишь деньги, шогда, когда корабль его прійдешъ. Анхисеенъ пошедъ на шоргъ, взялъ съ собою сего ученика, накупилъ разныхъ вещей, и вмѣсто ошдачи денегъ, указавъ на шого ученика, сказала: онъ вамъ заплашишь деньги, когда корабль его прійдешъ.“

Чего же больше: вѣдь Анхисеенъ и вещи получилъ? „То-шо нѣшь.“—А почему? Лавочники ему ошвѣчали: Не сули намъ журавля въ небѣ, а дай-ка хошь сидницу да въ руки.

Дураки, необразованные пни. Да неужели жъ въ Аѣннахъ знали Русскую пословицу?

Въ молодосши память у шебя была хороша, бывало Шлехеразаду наизустъ говорилъ. Нѣшь ли чего нибудъ?

„Да не смѣшно ли будешъ говоришь сказки?“ Почему? Римскіе Консулы народу говорили сказочки; Омисшоклъ Аѣинянамъ говорилъ сказочки, а въ Англии и въ Парламентѣ говоряшь сказки. Такъ какъ же намъ не говоришь? „Когда шакъ, шо изволь.“

„Послѣ Акшійской битвы Окшавій возвращался въ Римъ; на дорогѣ встрѣченъ былъ поселяниномъ, кошорой выучилъ ворону говорить: здравствуй, Цесарь! здравствуй, герой! Окшавій щедро наградилъ поселянина, но не деньгами, а знаками предметовъ потребныхъ человѣку! Сапожникъ, узнавъ о счастіи сосѣда, началъ учить ворона. И какъ воронъ худо понималъ ученье, шо сапожникъ и говаривалъ: вошь и работа и прощори ни во что.

И сего Окшавій наградилъ, шолько не знаками предметовъ потребныхъ человѣку, а просто деньгами.

Ушынъ, разскажи еще что нибудь. — „Съ охотою.“

„Вешроній, приближенный Александра Македонскаго, собиралъ проспаковъ, ищущихъ мѣспъ и милоспей у Царя, разумѣшся денежками, по невѣжеству шѣхъ времянь почитаемыхъ богашствомъ; но не доспавлялъ ни мѣспъ, ни милоспей. Александръ, узнавъ его плушовство, приказалъ Вешронію привязать къ столбу, куришь его дымомъ, и приговаривать: шому дымъ дарю, кто дымъ продавалъ.

Предоволенъ швоими сказочками; послушай же и моихъ.

Ты началъ Философомъ, и я. Когда Аристидъ предсталъ предъ Діонисія, шо сей

Государь спросилъ: для чего онъ (Аристиппъ) оставилъ Сократа?— Когда нужна была мнѣ мудрость, опивчалъ Философъ, тогда я искалъ Сократа. Когда надобны спали деньги, тогда пришелъ къ тебѣ.

Другая сказка. Ученое дитя, пусшь хошь у Эвклида, возвратилось въ домъ къ ошцу и машери. Время было шакое, что салились ужинашь. Вся пища сосшюла изъ двухъ рябчиковъ; ибо неожиданно попаловаль сынокъ. Ощецъ и машь, обрадованные прівздомъ сына, хлопотали, живучи въ уединеніи, какъ и шы, какъ бы поскорѣ сыскашь шрешьяго рябчика и изжарить. Ученый сынокъ, видя хлопоты, сказалъ: „машушка! не беспокойся, не беспокойтесь! я вамъ докажу, что нашошь при рябчика.“

„Какъ!“ спросилъ удивленный щецъ. Ученый сынокъ, для доказательства, взялъ одного рябчика въ правую руку, и сказалъ: „одинъ;“ пошомъ обвихъ рябчиковъ сложилъ, и сказалъ: „два; а одинъ и два сосшавляюшь при.“

Ощецъ ученаго дитяши былъ профанъ, какъ и Аѳинскіе лавочники, и не понималъ аксіомы; взялъ изъ рукъ сына рябчиковъ, одного себѣ, другаго ошдалъ женѣ, а сынку сказалъ: „а шы, мой любезный, ученаго рябчика самъ и кушай.“

*

Хорошо, что теперь осенние вечера, а летом бы тебе недосуг было балы-шо почитать; а как время есть, то после сказок можно и на докуменсы взглянуть.

„Что нужно для войны?“ спросил Король у Маршала.— „Деньги, деньги, деньги.“

И Генрих IV и Сюлли думали что же; но это было во времена ложных мнений.

Но Фридрих II жил во время просвещения, если прошедший век можно так назвать. В семилетнюю войну зашел разговор, и рассуждали, кто в этой войне будет победителем. Фридрих сказал: „кто будет порожествовать, у кого останется в кармане последний палер.“

Эту же семилетнюю войну заключу я доказательством Г. Вирша. Шведская армия, за недоспашком, денег не могла маршировать и 200 верст.

Кажется, довольно бы докуменсов, что деньги, деньги, деньги; но я представляю еще случай.

„Творцы Французской Республики чувствовали надобность в деньгах. В народном собрании находилось много людей, одними теориями занимавшихся, кои силились доказывать все общими понятиями. О деньгах принято было такое понятие, что они суть знаки достоинства.“

Изъ сего и заключаемъ, что каждый знакъ долженъ принявъ бытъ за полномѣсныя деньги. Сии мудрецы не помыслили того, что умозрительныя управления финансами льстятъ прекрасными послѣдствіями, но надѣвъ оспарюся безъ пользы.“

Къ сему же мнѣнію, приведу мнѣніе Француза.

„Трудно прошивишься впечатанію мнимыхъ мудрецовъ: они соединивъ всѣ понятія во едино, думаютъ, что открыли связь, кою которой проситъ народъ не понимаетъ. Но сколько надобно не довряться предположеніямъ, конми нападающъ на общественный порядокъ!“

Что умозрительныя мечты бесполезны, то я сегодня, какъ Анхисеень, испыталъ. Мясникъ принесъ мясо, свѣсилъ и шребуешь денегъ. Я ему, вмѣсто денегъ, чишаю рѣчь; а онъ, какъ быкъ, смошрѣлъ, выпуча глаза — здѣшніе мясники великіе невѣжи.

Но нельзя обойти и шруда. Пословица говоритъ: надѣлу не обидь. И то шрудъ, что я къ тебѣ пишу; но сей шрудъ не увеличимъ капишала. А! это шрудъ нешребительный.

Трудъ, говоритъ Адамъ Смишъ, увеличиваешь капишала. купи на 10,000 шерсти, вышки сукно, и продашь за 50,000; умножишь

капиталь 40,000. Я не скажу *ложное мильиё*. Оно или само себя оправдываетъ, или исчезнетъ въ глазахъ людей, знающихъ прошивное.

Т р у д ъ.

Рыбные промыслы. На Каспійскомъ жорь и по Волгѣ ловящъ, бѣлугъ, осепровъ, севрюгъ, сазановъ и прочую рыбу. Одинъ неводъ, одна аршель ловитъ бѣлугу, въ 2, 3 и 5 пудъ; и та же аршель ловитъ такую бѣлугу, изъ кошорой икры достаютъ 20 пудъ.

По Волгѣ же, по Камѣ, Сурѣ, Окѣ Шев-снѣ, ловящъ на самоловы и сѣтями сперлядей, въ 10, 20 коп., въ 50 и 100 руб. Какой трудъ рыболова увеличилъ цѣну сихъ рыбъ?

Я не буду тебѣ рассказывать, что сперлядь, Камская, Сурская, Очная и Шехонская, при одинаковомъ трудѣ, дороже Волжской: это другое обстоятельство, А. Смишу неизвѣстное.

Промыслы звериные. Одинъ и тотъ же охотникъ бьетъ или на приманку ловитъ соболя, лисицу, въ 1, 2 руб. и въ 50 руб., трудъ равный. Но что увеличило цѣну звѣря?

И здѣсь не говорю о разности еще цѣвъ звѣрей по мѣстоположеніямъ.

Промыслы золотые. Новооткрытыя у насъ золотыя руды находятся почти на поверхности земли, какъ въ Королевствахъ Галамскомъ и Сороколецкомъ; рабочий копаешь день, два, достаешь 1, 2 золотишка, а иногда и ничего; но шопъ же рабочий, придя на работу, копнулъ разъ, и вдругъ вынимаешь самородокъ съ полпуда, а плашины въ 10 фуншовъ рѣка ошмыла.

Цѣна симъ самородкамъ уже произвольная, подмилліона и болѣе. Какой шрудъ увеличилъ цѣну?

Изъ Россіи перейдемъ въ другія Государства.

Алмазныя копи. Алмазъ Короля Португальскаго въсиль 1680 карашовъ, оцѣненъ въ 1,120 милл. рублей. Алмазъ И. Могольскаго 793 кар. оцѣненъ въ 2 милл. 144 ш. руб. Алмазъ Пишпъ, въ 2 милл. 500 ш. лив.

Тушь два шруда: одинъ копаль въ земль, другой граниль, — кошорый шрудъ увеличилъ цѣну сихъ алмазовъ? — шопъ ли, кошорый выкопаль, или шопъ, кошорый граниль?

Ни шопъ, ни другой: природа и деньги дали имъ цѣну. Звѣрямъ, рыбамъ, жемчугамъ, ароматамъ давали цѣну деньги, пока они не сгорѣли въ пламени ума. Эшо Арисшипповы курошашки. Садись, Филоксень, и кушай.

Говоря о живошныхъ, ископаемыхъ, должно сказать и о насѣкомыхъ.

Кошениль, шелковый червь.

Я не буду говорить о шѣхъ червяхъ, кошорыхъ кормяшь, ходяшь за ними, умножая трудомъ цѣну. Оставляю говорить и о шомъ, что при одинакомъ трудѣ въ воспитаніи червя, шелкъ, и по странамъ, и по погодѣ, имѣешь различную цѣну. Я скажу о шомъ червь, при воспитаніи кошораго чловѣкъ не употребляетъ труда. Сей червь водится въ лѣсахъ, около Каншона. Машерин, изъ сего шелка дѣлаемая, называется *Kientшеу*, и продается дороже ашласа.

Но есть еще шелкъ дороже и сего; въ Италіи онъ извѣстенъ подъ именемъ *matre regia*. Сей шелкъ даетъ усприца, когда она перемѣняешь мѣсто. Его ловяшь около Таренша и въ Сициліи.

Почему сн шелки дороже шѣхъ, въ воспитаніи кошорыхъ употребляетъ чловѣкъ трудъ?

Кошениль. Сіе насѣкомое само собою разводится. Какой трудъ умножилъ цѣну сей краски? Ибо на другія краски много употребляютъ трудовъ, а менѣе умножаютъ капиталъ. Напримѣръ: индиго.

Когда индиго дѣлають, шо работники закрываються просынями, удерживають дыханіе, дабы испаренія краски внутрь ихъ не входили; но, и за сими предосторожно-стями, не всегда избѣгають яда, и соки рабошающихъ получають синій цвѣшь. Опы-щами дознано, что яйцо положенное на одну ночь, въ шопъ сарай, гдѣ рабошають крас-ку, все внутри посинѣеть.

Какой бы капиталъ работникъ долженъ пріобрѣсти ошъ сего ядовишаго шруда?

Слѣдуя порядку расшеній, скажу о ко-риць, гвоздикъ, перць, кофе и чаѣ. Трудъ при собираніи сихъ расшеній просшь, без-опасень ошъ индиго. Но изъ сихъ же, нѣко-шорья продаются дороже индиго. Послѣдній ошъ 5 до 50 руб. фуншь.

Почему, при меньшемъ шрудѣ и совер-щенной безопасности, болѣе получають де-негъ, нежели при большемъ и опасномъ?

Обратимся къ Россіи, и ошъ малыхъ расшеній поидемъ къ огромнымъ.

Мужикъ идешь въ лѣсъ, съ капиталомъ ничтожнымъ, шопоромъ, споящимъ рубль; рубишь огромное мачшовое дерево, вадишь, и за рубль шопора, за шрудъ шолько двухъ рукъ, безъ умшвенныхъ способностей, въ полдня добываешь капиталъ 100 рублей. Рубишь сосѣдъ его и почвы рядомъ; ва-

лишь, но въ деревѣ раковина и шрудъ его — ничшо.

Но какъ мачшовыя деревья продаются по 1000 р., шо и пойдемъ слѣдомъ, и посмотришь, какъ шрудъ увеличитъ цѣну дерева.

Изъ лѣсу вывозишь на рѣку Вяшку. Весною грузишь въ судно (не одно, а многія). Плывущъ внизъ до Волги, идушь вверхъ до Рыбинска. Тушь перегружающъ въ барки, идушь до Ржева. Здѣсь выгружающъ на берегъ. Зимю перевозаешь въ Бѣлую, опсюда плывущъ весною до Риги. Симъ и оканчиваешся шрудъ. И дерево, въ лѣсу нештоившее ничего, въ два шрудовые года, но не по шруду, а по плашежу купцомъ денегъ, за всѣ наймы коноводовъ, барокъ, судовъ и пр. возрасло въ 1000 р.

Чтобы возвратишь первоначальный капиталъ, какъ говоряшь полишико-экономисты, и шрудовой двухъ лѣшь, купецъ идешь на биржу и просишь за шрудъ 1000 р., даюшь шолько 500 р. или и совсѣмъ не покупающъ. Миръ въ Европѣ, кораблямъ разоружены.

Купецъ паки начинаешъ умножашъ шрудомъ капиталъ, а поспросу безъ системы разоряешся. Выкапываеш мачшы на оспровъ, и за эшопъ шрудъ плашишь деньги. Мачшы лежашъ, лежашъ, загнивающъ;

и наконецъ сгнѣюшь. Я это видѣлъ моими глазами.

И гдѣ капиталъ, умноженный трудомъ? О! говорятъ полишико-экономисты: это трудъ истребительный. А сколько на свѣтъ трудовъ? И трудъ червя, который ископалъ мачшы.

Послѣ сего доберемся до разсоловъ.

Соляныя разсолы, находящіяся во свѣ и болѣе сажень подъ землею, ни какой цѣны не имѣюшь, но трудомъ умножаются до 200, и 300 % вываркою, и доспавкою, какъ и мачповое дерево.

Посмотримъ же на доспавку. Ладья, ужасное чудовище, какихъ, кромѣ Россіи, въ цѣломъ свѣтѣ нѣшь, длиною до 40 сажень, шириною въ 8, глубиною груза сажень, соли вмѣщаетъ до 80 п. пудъ, и на копорой сошныя трудящихся, и рукъ, и ногъ, на копорыхъ и мои ноги ходили; плывешь по Камъ, это чудовище на хвашкѣ обрываетъ, или изъ рукъ вырываетъ канашъ, и бухъ въ берегъ, и 80 п. пудъ соли, какъ не было.

Въ Рыбинскѣ изъ магазиновъ продаюшь соль. Купецъ покупаетъ 6,000 пудъ. Плашишь 7,000 р. Покупаетъ барку, грузишь, идешь до Волочка, спускаешься до Боровицкихъ пороговъ. И уже трудомъ, ш. е. плаши коноводамъ, лоцманамъ, концевымъ, ко-

реннымъ, сходочнымъ за снаспи и разнаго рода припасы; возвысилъ цѣну до 9000 р., спускаешь въ Боровицкіе пороги; барка въ спѣну или на валу понешъ: соль исчезаетъ. Исчезаетъ первоначальный, средній, и послѣдній капиталъ. Какой здѣсь испребительный трудъ? — Вода.

Какъ съ сапожникомъ не скажешь: вошь и рабша, и прошори ни во что!

Полишико-экономисты предсавляютъ трудъ, умножающій капиталъ, шакъ, какъ будшо бы всё дѣлалось даромъ. И шакъ, какъ ты посадилъ маленькую яблонку, а она выросла сама собою съ версту. Ты знаешь, самъ что за все, про все давай деньги.

Но шеперь дошелъ же я до труда, дѣйствительно умножающаго капиталъ. Тушьшо трудъ, придежаніе и искусство сосавляютъ и несгараемое богатство, и не-испребительный капиталъ. Фабрики.

А. Смишь говоришь: купи шерспи на 10 ш., вышки сукно, продашь за 50 ш., и капиталъ умножишь 40-ю ш.

И это не худо разсмошрѣшь, шакъ же, какъ соль, и машы, и вѣрно ли на 10 ш. 40 ш.

Но прежде я спрошу А. Смиша. Что шъ 10 ш., на кошорыя онъ велишь купишь шерспъ? — Деньги. — Ошкуда онъ взялся?

Нѣтъ, шо были не деньги. А что же? знаки предметовъ, пошребныхъ челоуѣку.

Какой смѣшной фаншомъ! фаншасмагорія! фигура чѣмъ ближе къ глазамъ подходитъ, тѣмъ большею кажешся, и въ моментъ исчезаетъ.

Пусть деньги будутъ знаки предметовъ, да какимъ же образомъ фабрикантъ, изъ 10 ш! умножитъ свой капиталъ въ 50 ш.? Ошъ шого ли, что онъ купилъ шолько шерсть? — Нѣтъ, сукно вышкано.

И шакъ, сколько помню, шерсть прежде продають, и не даромъ. И эшо умножаетъ капиталъ. А по-проспу, фабрикантъ за работу платитъ деньги. После снуютъ, шкутъ, и, кажешся, на шпанахъ, и за нихъ деньги. Кажешся надобна фабрика а шо зимою, и руки да и фабричные замерзнутъ; думаю, не худо и дровъ купишь; не забудь и свѣчь; ножницы, ворсильныя шпиги, краску, машины, и разныхъ наименованій вещиць, и шрудовыя руки, и въ эши руки класъ, хошя и не деньги, а знаки предметовъ, пошребныхъ челоуѣку.

Такимъ образомъ фабрикантъ, шаская знаки, шо изъ сундука, шо изъ коншорки, шо изъ кармана, а иногда онъ мѣнялъ вышаскаетъ, къ первоначальнымъ обзаведеніямъ еще 40 ш.; ошъ сего-шо капиталъ его и у-

величился въ 50 п. п. е. какъ былъ; а не опъ того, что купилъ шерсти на 10 п. и продалъ за 50 п.

Посмотримъ же, какъ фабрикантъ возвращилъ капиталъ. Ибо и полишко-экономисшы сего не запрещаютъ, пошому, что лежачій товаръ подобенъ мачшовому дереву, которое испочили черви, а сукно вьшь моль и производилъ шрудъ испребительный.

Фабрикантъ сукно отправляетъ на Нижегородскую ярмонку; при семъ отправленіи шрудъ умножаетъ еще капиталъ, а попросу фабрикантъ убылчился. Даетъ знаки пошребные человьку извощикамъ, нанимаетъ лавку, посылаетъ прикащика, а иной еще и самъ вьдетъ. Положимъ вьшихъ знаковъ 1000; но можно ли назвашъ ихъ рублями? не знаю.

И шакъ шерсть десяти-тысячная стоилъ уже фабриканту 51 п. Продаетъ, даюшь 50 п.; фабрикантъ видитъ, что къ шруду его присосьдился, какъ гость, шрудъ испребительный, котораго онъ никогда не звалъ. Не продаетъ. На другой день даюшь уже шолько 45 п. Не продаетъ. Везетъ обрашно. Тушь шрудъ опяшь увеличиваетъ капиталъ: опяшь извошники, опяшь давай знаки, пошребные человьку.

Привозишь въ Москву, держишь, выжидаешь цѣны и, наконецъ, продаешь за 40 ш. то, что по труду стоило 52 ш. и болѣе.

Послѣ сего событія, повѣришь ли фабрикантъ А. Смишу, что трудъ увеличилъ его капиталъ изъ 10 ш. въ 50 ш.?

Въ Земледѣльческомъ Журналѣ No XXIII, ты увидишь подобныя сему событія. Папа полишико-экономистовъ тебѣ будетъ ошвѣчать: это трудъ испребисельный.

Однако же, что купленная шерсть за 10 ш. умножаетъ капиталъ въ 50 ш., говорено было публично. Ну, если въ томъ собраніи находились фабриканты, знающіе хорошо свое дѣло, и слушая несбыточные рассказы, что они думали? Отгадываешь трудно, но скажешь можно: посмошрѣли другъ на друга, погладили бороды, улыгнулись, и покачали головами.

Ты возражишь: — фабрикантъ могъ продать сукно за 55 ш. — Не оприцаю но тогда капиталъ его умножился только ось 4 до 5 ш. а не 40 на 10.

Если бы трудъ безъ денегъ умножалъ капиталы, то угольники въ Англіи, по труду своему, были бы первые богачи на свѣтѣ. Напрошивъ, они если не хуже Лопарей, то и не лучше ихъ.

Знаешь ли ты, что такое система А. Смита? То же, что рѣчь Руссо въ Дижонской Академіи. Они въ предмѣсахъ различны, а въ существѣ одинаковы.

„Нѣтъ глупости, кошорой бы разумъ человѣческій не принесть дани.“ И Руссо ей воскурилъ едніамъ.

Изъ нихъ одного можно назвашь наперсникомъ нашуры, какъ называли Аристотеля; другаго, какъ называли Платона. Но между сими Философами, надобно ходишь съ Діогеновымъ фонаремъ.

Знаешь ли ты, что такое трудъ, богатство? Это Ликидовъ сосудъ, Зеноновъ невольникъ. Судьба разбишь, и судьба бышь бишу.

Разбей сосудъ у А. Смита. Скажи: вино трудъ истребительный. Скептикъ тебѣ будешь опивчашь: дома мы поешупаемъ по другимъ правиламъ, нежели учимъ съ кафедръ.

Говоря о многихъ трудахъ, умножающихъ капиталы, и истребляющихъ капиталы, я не говорилъ о трудѣ особеннаго рода, о кормышполюбивыхъ ростовщикахъ. Къ какому роду трудъ ихъ причислишь? Къ умножающему или истребляющему капиталу?

„Въ Индосманъ, говоришь Историкъ, шри
рода проценшовъ. Одинъ процентъ спочи-
щается грѣхомъ, другой ни грѣхомъ, ни
добродѣтелью, а преній добродѣтелью.“

Процентъ, почищается грѣхомъ, когда
берушь 4 на 100 въ мѣсяцъ. Процентъ ни
грѣхъ, ни добродѣтель, 2 на 100. Добродѣ-
тель — 1 на 100. А какой трудъ упошреб-
ляешь ростовщикъ?

Я не говорю, какіе у насъ проценты;
но если ты хочешь знать, шо можешь ви-
дѣшь изъ описанія Одесской торговли.

Тщешно законы и правители всѣхъ на-
родовъ прилагали стараніе истребишь ли-
хоимство! Опъ лихоимцевъ и Лукуллу до-
спалось. Это болязнь ракъ.

Забывъ-было сказашь еще о шрудени-
кахъ. Воры и мошенники, для умноженія ка-
питала, шакъ шрудятся, что и ночью не
смыкають глаза.

Г. Полевой, исчисляя шрудъ танцора,
стихотворца, кузнеца, машиниста, изъ не-
вещественнаго капитала ума составляю-
щаго вещественный, забывъ или пропу-
сшилъ даръ голоса, наприм.: Капалани, со-
ловьи, жаворонка, попугая.

Конечно умъ составляетъ капиталъ.
Гаррикъ, Шекспиръ, Вольтеръ были богачи.
Руссо жилъ на чердакахъ; Гомеръ чумъ съ

голоду не умеръ, а Скандербергъ въ завѣщаніи сыну написалъ: спихопворцевъ награждать листкомъ бѣлой бумаги.

Умъ, и кромя Поззіи, имѣешь много рабшны, и изъ невещественнаго капитала составляешь вещественный; и болѣе количествомъ, нежели танцоръ вывезъ въ Парижъ. Танцоръ доставлялъ удовольствіе, но другаго рода умъ наносишь скорбь. Эшошь умъ шрудишься надъ чашами увѣсовъ правосудія.

Желашельно, чтобы сего шруда не было, ибо Г. Полевой говоришь:

„Творецъ показуешь намъ поприще здѣшней жизни, и его благосшь здѣшній міръ содѣлала неплачевною юдолюю.“

Эшо правда. Но для чего не показашь, что такое благосшь? Ибо по одному слову не можно о благосши имѣшь понятія. Онъ говорилъ о обязанностяхъ, и нѣкошорья исчислилъ. А пошому мы и знаемъ, что должны дѣлать и чего убѣгать.

Но и между сими обязанностями, я не видалъ обязанности важнѣйшей: — человекшлюбія.

Неужели въ коммерціи человекшлюбіе не прилично? Напрошивъ, оно-шо и необходимо. Одинъ умъ просвѣщенный безъ душевныхъ чувствшвованій будешъ бичъ.

Коммерція, безъ челоуѣколюбія производимая, что представляешь? — Изверговъ рода челоуѣческаго! Въ одномъ мѣстѣ Коршесовъ и Пизарровъ, за золоно опустошающихъ Америку. Въ другомъ, за корицу, гвоздику и перецъ, Поршугальцевъ, Голландцевъ, Англичанъ, Французовъ, грызущихъ и терзающихъ другъ друга, и обагрѣющихъ кровію несчастныхъ Индѣйцевъ и моря и земли Индіи.

Въ Журналѣ Мануфактуръ и Торговли ты найдешь много предметовъ, относящихся къ челоуѣколюбію, о чемъ прежде просвѣщенія и не помышляли. Сіе показываешь, что просвѣщеніе нашего вѣка учитъ насъ не шому шолько, какъ пріобрѣтать богатство, но учитъ и не забывашъ спраждающаго челоуѣчества.

Орашоръ зналъ это, и сказавъ о Творцѣ, могъ показашъ благость, Творцемъ къ Самарянкѣ показанную.

Но, можешъ быть, система А. Смита, какъ Сигаліонъ, наложила на уша его пальчикъ.

Закроемъ же Шехеразаду.

Не худо бь было разсказашъ тебѣ разговоръ Екашеріны II съ Сегюромъ, о Дидрошѣ, о системахъ имъ и другими, для управленія, предлагаемыхъ; но это не уйдешъ.

•

А я скажу мое мнѣніе: — Писатели системами вселенную опушали такъ, какъ пушашъ съшиями лѣсъ, когда по насшу ловяшъ медвѣдей.

Но безъ системъ, поспрудись, прочитай Имянной указъ 1746 года 23 Февраля.

Въ семь указъ Императрица говоришь о капиталѣ полпрешья милліона денегъ, необходимыхъ для предполагаемой тогда торговли. Но чтобы сіи полпрешья милліона составишь прудомъ шой торговли, того въ указъ нѣшь. Такъ думали тогда, когда заблужденія не горѣли, что прежде нужны деньги, а пошомъ уже прудъ.

И Пешръ Великій думалъ такъ же. Онъ для пруда далъ 30 т. на три года безъ процентовъ.

Ты спросишь: кому? на что? Не запирай библиотеки. Самъ бы зналъ. Не лѣнись, чишай и сыщешъ. Я послѣ еще скажу о манифестѣ 1786 года 28 Іюня.

Моя голова шупа и не можешъ поняшь, какимъ образомъ прудъ безъ денегъ можешъ составишь богатство? Лопари, Самоѣды и Чукчи удословѣряють меня, что безъ денегъ не можешъ бышь богатства. Нѣшь у нихъ денегъ, безъ которыхъ нельзя купишь ни соли, ни хлѣба. Потому-то и цащакшя гнилою и смрадною рыбою.

О времена! о нравы! восклицалъ Цицеронъ. Сіи восклицанія означали худыя времена. А я воскликну: о счастливыя времена! Давно ли было, что Галилея заставляли проклинашь истину, а нынѣ истину призываютъ къ шрону. Сіе доказываешь книга Г. Вирша.

Теперь сравнимъ Бланки съ Полевымъ. Но помни, что я не Плущархъ, и сравниваю не Цицерона съ Демосееномъ.

„Спрямленіе къ усовершенствованію рода человѣческаго есть оплщительная черта нашего вѣка.“ Такъ началъ рѣчь Г. Бланки, и продолжалъ:

„Всѣ просвѣщенные народы стараются опередить одинъ другаго. Въ семь благородномъ подвигѣ, Франція участвуешь если не болѣе, то и не менѣе другихъ Державъ. Она указала другимъ націямъ разсвѣсть сѣвпошу невѣжества, спрасши, предрасудки. Въ сію самую минушу, когда я обращаю къ вамъ мое слово, народы трудолюбивые возстають, а лѣнныя ускоряють свое паденіе.“

Г. Полевой оканчивалъ рѣчь, чѣмъ началъ Г. Бланки, и говорилъ:

„Вещественность мертва безъ невещественности. Все величіе, все превосходство являешся въ образованіи и просвѣщеніи,

„Кто вразумишь чловѣка въ его обязанности? Кто изъяснишь ему и благо, и средства для пріобрѣтенія блага? — умъ! Высокая цѣль ума просвѣщеніе.

„Мысль, что просвѣщеніе развращаетъ нравы, есть мысль безумная. Смѣло скажемъ, что развращъ гнѣздишься шамъ, гдѣ обитаетъ невѣжество.“

Мысль о просвѣщеніи такъ справедлива, что не требуетъ доказательствъ. Но есть люди съ предрасудками. И сосѣди твои будутъ противорѣчить тому, что развращъ не гнѣздится въ деревняхъ, гдѣ еще есть остатки невѣжества. Расскажи имъ то, что я знаю опытно, и видѣлъ въ официальныхъ бумагахъ.

До времени Петра Великаго, въ его время, послѣ него, не шло въ деревняхъ, но и въ городахъ, совершались ужасныя злодѣйства. По рѣкамъ, по дорогамъ, разбои, убійства, и грабежи.

Вѣшали разбойниковъ, рубили имъ головы, но ничто разбоевъ не прекращало. На Волгѣ и понынѣ еще помнишь техническое слово: сарынь на кичку. Помнишь и имя славнаго разбойника — Галанки. Сей злодѣй, въ извѣстномъ всей Россіи селѣ Ворошынцѣ, нагрѣвалъ гнѣздо 20 лѣтъ.

Но что говоришь о дорогахъ и рѣкахъ? Въ Москвѣ, у Каменнаго моста, и подь мошомъ, было жилище публичныхъ воровъ и мошенниковъ. И не было проходу ни днемъ, ни ночью.

Но въ царствованіе Екашеринны Великой, когда духъ просвѣщенія началъ сильнѣе разливаться, и люди узнали обязанности, то разбой безъ висѣлицъ начали исчезать, и исчезли.

Я самъ, съ Чувашиами, Черемисами, Мордвою, Вошыками, Ташарами, ѣздаль зимою и лѣшомъ, одинъ одиноконекъ, и спалъ и въ саняхъ, и въ шезлѣгахъ крѣпкимъ сномъ, о чемъ прежде и подумашъ было невозможно.

И шакъ чего прежде не испребляли казни, то испребило просвѣщеніе. Это всякой просвѣщенный человекъ признаешъ, а невѣжа не поймешъ.

Припомни мои слова о роскоши. Она, она испребляешъ злодѣянія. Ибо просвѣщеніе — роскошь, — роскошь — просвѣщеніе. Одно безъ другой ни шагу.

Г. Бланки послѣ просвѣщенія рассказываешъ о послѣдствіяхъ просвѣщенія.

„Мудрые законы, говоришь Бланки: остроумныя изобрѣшенія, суть источники народнаго благососудія.“

Пошомъ нечислаетъ мануфактурныя издѣлія, машины, сравниваетъ свое Государство съ другими, не скрываетъ недоспашковъ своего отечества, объявляетъ о упадкѣ земледѣлія. Лошади у земледѣльцевъ — не лошади, а клячи. Опровергаетъ неосновательныя требованія земледѣльцевъ и фабрикантовъ, въ запрещеніяхъ привоза и вывоза, и говоритъ: „всякъ ищетъ защиты подъ вглагою шарифа.“

Похвалаетъ Министра Коммерціи, не молчитъ объ обремененіи пошлинами важной промышленности — виномъ. „И кто бы повѣрилъ, говоритъ Бланки, что Французскія вина въ самой Франціи продаются дороже, нежели гдѣ либо въ свѣтѣ?“

За симъ съ прискорбіемъ рассказываетъ о худыхъ дорогахъ и каналахъ, чему едва бы и повѣришь было можно, если бы это говорено было не предъ лицомъ 2500 зрителей и зрительницъ.

Дороги шакъ худы, что у самаго Парижа опрокидываются кареты, а по каналамъ нѣтъ судоходства; и хлѣбъ для Парижа изъ Средиземнаго моря везуть вокругъ Гибралтара.

Говоритъ о морскихъ разбояхъ на Средиземномъ морѣ, къ стыду просвѣщенныхъ націй существующихъ и персидскихъ.

Сравниваете кораблеплаваніе Франціи съ кораблеплаваніемъ Англіи. Въ 1826 году, говоритъ Бланки, 3,730 кораблей Англійскихъ вышло въ Балтійское море, а Французскихъ только 81. Въ 1827 году Англійскихъ 5,199, а Французскихъ 106. „Прискорбно слышать сіе. Я (Бланки) думаю, не худо объ этомъ подумать.“ Тѣмъ заключилъ рѣчь свою Г. Бланки.

Послѣ описанія Франціи, посмотримъ, что нашъ ораторъ говорилъ о Россіи.

Я читалъ, перечитывалъ, давалъ другимъ читать, не просмотрѣлъ ли я. Но ничего не нашелъ ни словечка, чтобы упомянуто было о томъ, что въ Россіи есть.

Неужели у насъ нѣтъ кораблей? неужели у насъ нѣтъ каналовъ, рѣкъ, барокъ, судовъ? И какъ будто бы нѣтъ людей, земледѣльцѣвъ, фабрикъ, купцевъ!

Неужели у насъ изъ купцевъ нѣтъ подобнаго въ добросердечіи господину Терно? Прискорбно будешь, если не окажется.

И такъ, ни о Россіи, ни о торговлѣ, въ Коммерческой Академіи ничего не говорено.

Кто же можешь показашь, что есть въ Россіи? Непросвѣщенному ничего неизвѣстно. Да если бы кто что-нибудь и

зналъ, шо, кшо повѣришь расказамъ про-
фана? —

Но — день, сказала Шехеразада.

N. N.

Царское Село.

III.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

I.

Плѣнь Англійскаго матроса на Маркизскихъ Островахъ.

Въ 1824 году киполовное судно, *Графиня Морлей*, находясь передъ Маркизскими осп-
ровами, нуждалось въ продовольствіи. Ка-
питанъ онаго приказалъ старшему по себѣ
чиновнику *Жефрею* (Jeffrey), отправившись
на берегъ съ нѣсколькими мапросами, и вы-
шребовать у жителей сихъ оспрововъ, въ
обмѣнъ на другіе предметы, сѣвсныхъ припа-
совъ. При исполненіи сего порученія, Жефрей,
по неосмотрительности, вошелъ въ одну хи-
жину дикихъ и былъ ими захваченъ. Казалось,
они задержали Жефрея не съ пѣмъ, чшобы
причинить ему какой-либо вредъ; но почи-
шая его начальникомъ Экипажа, они надѣя-

лись получишь за него значный выкупъ, заключавшійся въ оружїи и порохъ, единственныхъ предметахъ, коихъ они желали и кои готовы были взять въ замѣнъ требуемой у нихъ провизїи. Товарищи Жефрея, видя, что дикіе собрались во множествъ, и что спаранїя ихъ выручишь его будущъ щещны, удалились на шлюбку и поплыли къ своему судну.

На другой день послѣ сего неудачнаго предпрїятїа, мапрось *Грифитсъ* (Griffiths), просилъ позволенїа выйти на берегъ съ небольшимъ числомъ вооруженныхъ людей, и освободить плѣнника. Всѣ одобрили сіе предложенїе, и немедленно, наполнивъ двѣ лодки людьми, отправили подъ распоряженїемъ Грифитса на островъ. Лишь только пристали они къ берегу, островиане, увидѣвъ ихъ, прибѣжали съ своимъ плѣнникомъ, и предлагали возвратитъ его за порохъ и ружья. Во время переговоровъ, Жефрей, участвовавшій въ оныхъ, сказалъ своимъ товарищамъ, что опасно полагаться на совѣсь дикихъ, и что освобожденїе его зависить вѣрнѣе отъ внезапнаго на нихъ нападенїа. По сему совѣту Грифитсъ съ товарищами бросились на дикихъ, кошорыхъ сначала испугали и привели въ безпорядокъ. Но вскорѣ къ симъ послѣднимъ сбѣжались

новых шопы остроумианъ, вооруженныхъ пращами и кольями. Англійскіе мапросы, осыпавые каменьями и угрожаемые непрерывно возрасшавшимъ числомъ дикихъ, принуждены были ошсупить и обратиться къ своимъ лодкамъ. Самъ Гриффисъ, пораженный камнемъ въ голову, упалъ безъ чувствъ въ воду, и былъ за-мертво покинутъ товарищами. Въ пылу драки, Жефрей искусно ускользнулъ, и присоединяся къ своимъ, сѣлъ въ лодку. Такимъ образомъ свидѣствіемъ Гриффисова предпріятія были собшвенный павъ его и освобожденіе Жефрея.

Удаляся ошъ берега, товарищи Гриффиса увидѣли съ ужасомъ, что дикие, вышавивъ его, повѣсили за ноги на ближайшемъ деревѣ. Остроумиане, подобно имъ, считали его мершвымъ, и каждый шребовалъ уже своей часши: они намѣрены были изрубить его на куски и раздѣлить между собою. Сіе ужасное дѣло гошгово было совершиться; но начальникъ сихъ *каннибаловъ*, замѣшивъ въ злополучномъ мапросѣ ошпапокъ жизни, вздумалъ, если не ушло еще время, спасти несчастнаго, и обратиться услуги его въ пользу. И шакъ ошъ представилъ своимъ шоварицамъ, что сей человекъ конечно умѣетъ обращаться съ

огнестрѣльнымъ оружіемъ, и можешь чис-
пипть и починашь шо, кошорое они имѣ-
ють на островѣ; а пошому предложилъ
имъ сняшь его съ дерева, и, какъ онъ былъ
еще живъ, спарашься привесши его въ чув-
ство. Предложеніе сіе было принято не-
медленно, и машросу возвращена была жизнь.

Начальникъ, кошораго Гриффисъ изоб-
ражаемъ почтеннымъ осьмидесятилѣтнимъ
спарцемъ, съ длиною бородою, велѣлъ пе-
ренести его въ свою хижину, забоиася о
немъ, и, казалось, считалъ его съ шого вре-
мени своимъ сыномъ. Семейство спарика
было также сосрадапельно къ нему, да и
всѣ дикіе сего племени обращались съ нимъ
весьма хорошо. Во все пребываніе его на
островѣ, онъ поручали ему не только смо-
трѣніе за оружіемъ, но употребляли еще
во всѣ работы, коими онъ, по своему знанію,
могъ особенно занимашься; онъ научилъ ихъ
лучшему строенію лодокъ, помогалъ имъ
вязать и поправлять сѣши; ходилъ съ ними
на рыбную ловлю и даже на войну противъ
ихъ непріятелей; но ни въ какомъ случаѣ
они не позволяли ему удалятьсѣ, и когда
какое нибудь судно показывалось въ морѣ,
шо немедленно ошсылали его во внутрен-
ность острова. Лищенный всего платья,
въ кошоромъ прѣбылъ на островѣ, онъ хо-

диль нагой, подобно новымъ своимъ товарищамъ. Скоро здоровье его распрострилось отъ сей причины, какъ равно отъ грубой и недоспащочной пищи: онъ питался одними плодами и кореньями, и пилъ только воду. Впрочемъ, онъ не перялъ швердости, и надьялся, что еще возвратишь себъ свободу. Одинъ мапрось, по имени *Экстеръ Дикъ*, взяшый въ одно съ нимъ время, и опведенный на другой конецъ острова, успялъ уже уйши. Другой; *Михайла Диль*, скрылся также, посавъ весьма продолжительнаго павна.

Островъ *Руагуга* (Rouagouga), (шакъ называютъ его жители), по словамъ Гриффиса, гористъ и весьма дьвиситъ. Онъ лежилъ подъ девятымъ градусомъ южной широты и подъ сто тридцать девятымъ градусомъ двадцатью семью минутами западной долготы. Почва земли его необработана, но хлѣбное дерево, кокосы, папушникъ, банана и прочія распушъ шамъ сами собою. Изъ жившныхъ водятся однѣ свиньи, кошорыхъ убиваютъ и дьятъ по случаю какого нибудъ шоржества, какъ то, смерти жреца или начальника, и въ шакихъ случаяхъ число убишыхъ свиней опредьяется соразмѣрно важности умершей особы. Оружя островишанъ собственно сушь: дубина, копые и

праць, коимъ владѣющъ они съ большою ловкостью, и когда на войнѣ умерщвляшъ или захватывашъ въ плѣнъ непріятелей, то пригошовающъ изъ нихъ ужасныя для себя угощенія. Они имѣютъ нѣсколько шарыхъ ружей, и чрезвычайно дорожатъ ими; всѣ сіи ружья собрали и заспашили Гриффитса перечислишъ и исправилъ. Таковая услуга доспашила ему большое уваженіе въ глазахъ сихъ варваровъ.

Въ послѣднее время пребыванія машроса сего на островѣ, онъ часто бесѣдовалъ съ престарѣлымъ начальникомъ, кошорый спащъ ему жизнь и продолжалъ ему покровительствовашъ. Старикъ много спрашивалъ объ его ошчизнѣ: о пространствѣ и могуществѣ Англіи, о томъ, каковы ея произведенія и какъ велико число ея жителей. Пораженный ошвѣщами Гриффитса, и чудесами, представляемыми ему воображенію, онъ неоднократно повторялъ, что если бы не былъ шакъ дряхлъ, то непременно посѣтилъ бы сію необыкновенную землю. Жители сего острова всѣ идолопоклонники, и таб) (1) составляетъ

(1) См. въ *Сѣверномъ Архивѣ*, 1827, Но 20 и 21, спашью подъ заглавіемъ: *Плаваніе къ Сандвичевымъ островамъ корабля la Blonde*. Спашья сія заключашъ въ себѣ подробности о семъ странномъ

главную часть ихъ богослуженія. Куири капищъ, власть жрецовъ и начальниковъ и вообще всѣ кладбища суть для нихъ священны. Запрещенія и повелѣнія *табу* исполняются ими строго, и малѣйшія нарушенія оныхъ наказываются смертію.

Не смотря на хорошее обращеніе престарѣлаго начальника и семейства его съ Гриффисомъ, онъ не переставалъ сокрушаться о потерянной свободѣ своей, и уже послѣ одиннадцати-мѣсячнаго цѣнна, успѣвъ наконецъ возвратити ее, убѣжавъ къ неприступеламъ того племени, у котораго находился, ибо зналъ, что они имѣютъ сношеніе съ ближайшими островами. Принявшій новыми повелѣніями своими благосклонно, Гриффисъ старался внушити имъ, что онъ способенъ вести переговоры съ вѣшними народами, и можеть приобрести для нихъ чрезвычайныя выгоды. Онъ скоро предложилъ имъ достать съ соседнихъ острововъ огнестрѣльное оружіе и порохъ, любимѣйшіе предметы сихъ дикихъ и цѣнные имъ

установленіи, которое принято почти на всѣхъ островахъ, извѣстныхъ нынѣ, по новому раздѣленію въ Географіи, подъ общимъ названіемъ *Полинезіи* (*Polynésie*).

Пр. Русск. Пер.

выше всего. По поводу сему онъ получилъ лодку и отправился на островъ Святой Хриспины, лежащій около пятнадцати миль отъ *Руагуи*.

Англійскія и Американскія суда осматривающіяся иногда у сего острова для снабженія себя жизненными припасами. Тамъ ожидалъ онъ съ нешерпѣишемъ случая уйти. По двадцати-дневномъ пребываніи на острове Св. Хриспины, замѣнилъ онъ наконецъ въ открытомъ морѣ корабль подъ Англійскимъ флагомъ; немедленно бросается къ берегу, садится въ лодку и спарашся на гребль подѣхашь къ сему судну. Доспигнувъ благополучно, онъ объявилъ себя экипажу Бришанскихъ подданныхъ, и былъ дружески принятъ на корабль. Судно сіе, называвшееся *Элиза*, недавно оставило Англію, и должно было до возвращенія во свояси обѣхашь полуденныя моря. Счастливымъ машпросъ служилъ на корабль *Элизъ* во все остальное его пушешествіе, и наконецъ прибылъ на немъ за нѣсколько предъ симъ дней въ Плимутскую гавань.

Изъ Plymouth Telegraph.

Иванъ Бутовскій.

Мыза Спрѣльна,
1827.

**ИСТОРИЯ ДВУХЪ МАТРОСОВЪ, ОСТАВЛЕННЫХЪ НА
ОСТРОВЪ АМСТЕРДАМЪ.**

(Изъ Калькутской Газеты.)

Въ Воскресенье, 4 Ноября 1827 года, Англійскій корабль Пальмира находился прошивъ оспрова Амспердама, или Св. Павла, лежащаго съ другимъ необишаемымъ оспровомъ подъ $77^{\circ} 5'$ западной долготы и подъ $37^{\circ} 57' 37''$ южной широты. Сии два оспрова означаются на картахъ подъ сими именами безъ различія; мореходецъ Вламингъ открылъ овыя въ 1697 году, и назвалъ оспровъ лежащій болѣе къ сѣверу Амспердамомъ, а лежащій къ югу оспровомъ Св. Павла; послѣдній больше, берега его приступише, и вообще оныя извѣстнѣе перваго. Впрочемъ оба подъ однимъ меридіаномъ, оспроются одинъ ошъ другаго на 17 миль, и въ ясную погоду видны за 20 миль.

Пальмира приближалась къ сѣверному оспрову. На разстояніи пяти миль ошъ берега, матросы замѣшили густою дымъ. Капитанъ рѣшился итти впередъ, полагая, что спасіется отъ кораблекрушенія даюшъ знанъ о своемъ бѣдствіи. Въ миль ошъ берега экипажъ увидѣлъ, что два человека

стояли на возвышеніи, и казалось, выжидали прибытія корабля. Одинъ изъ офицеровъ немедленно сѣлъ въ лодку, что бы узнать въ точности о состояніи сихъ людей и, если нужно, подашь имъ помощь. Не прошло часу, какъ лодка возвратилась съ двумя незнакомцами.

Длинные бороды и спрашная ихъ наружность, съ перваго взгляда возбуждали жалость и удивленіе. Вешная одежда ихъ вычинена была тюленьей шкурою, нижнее платье и обувь сдѣланы были изъ кабаньихъ шкуръ. Одинъ имѣлъ 22 года отъ роду и назывался Яковъ Пенъ; другой былъ 40 лѣтъ, имя его Робертъ Прудфушъ; оба родились въ Единбургѣ, служили мажорантами, и обитали на семь острову четырнадцать мѣсяцевъ.

Несчастные сіи вышли изъ Иль де Франса на шестидесяти - тонной шкунѣ Говерноръ Гуншеръ, отправленной изъ Фанъ Дименовой земли на тюленью ловлю. Въ Сенябрь 1826 года судно сіе прибыло къ сѣверному острову, который мы назвали Амстердамомъ. Сіи корабли обыкновенно оставляющъ часть экипажа на разныхъ островахъ, гдѣ водятся тюлени и морскіе львы; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвращающся за ними, и добышу ворвань и шку-

*

ри погружаютъ на корабль. Согласно се-
му обычаю, шкиперъ дослалъ лодку съ
кошломъ, чугунною печью, съ разными
съвсными припасами, и съ большимъ ко-
личествомъ соли для соленья шюленьихъ
кожъ. Пенъ и Прудфушъ были высажены
со всею провизіею на берегъ, гдѣ они на-
шли двѣ довольно хорошія хижины, покры-
тыя дерномъ, вѣроятно служившія жи-
щемъ другимъ морякамъ. Лодка отправи-
лась обратно къ шкунѣ — взявъ новой про-
визіи и еще чепырехъ машросовъ; но едва
прибыла къ своему мѣсту, какъ поднялся
ужасный вѣтеръ; корабль былъ ошнесенъ
далеко въ море и исчезъ изъ виду. Такимъ
образомъ два машроса оставлены были на
произволь судьбы.

На другое утро, осмашривая свою про-
визію, они увидѣли, что весь почти при-
пасъ соли былъ испребленъ волнами, и ни
у одного изъ нихъ не было ножа (случай
весьма рѣдкій). Пенъ позабылъ свой ножъ
на лодкѣ, а Прудфушъ ошдалъ свой на вре-
мя одному машросу. Вся ихъ одежда огра-
ничивалась тѣмъ, что было на нихъ. Они,
какъ кажешся, были очень бережливы на
провизію, ибо пользовались оною пять мѣ-
сяцовъ; но по прошествіи сего времени,
досшавали себя дишу разными способами.

Разумѣется, что въ семь несчастномъ положеніи, они, первый мѣсяць, день и ночь сперегли, не пройдушь ли корабли, и хотя замѣтили многіе, но они проходили на большемъ разстояніи отъ острова. Последній былъ Гоце, шедшій въ фанъ-Дименову землю. Въ Ноябрь 1826 года судно сіе было за нѣсколько миль отъ острова, и послало шуда лодку для ловли морскихъ звѣрей. Пенъ и Прудѣушъ потчасъ побѣжали къ берегу, и окликая лодку, дали знашь о своемъ положеніи; офицеръ отвѣчалъ имъ, что увидишь о томъ своего Капитана, и будешь дѣйствовашъ согласно предписанію начальника. Офицеръ повхалъ обратню къ кораблю, но несчастные съ горестію увидѣли, что лодка была подняша, и корабль продолжалъ свой пушь. Они еще не опчаявадись, поелику сіе случилось въ первые мѣсяцы, когда еще съвспныхъ припасовъ у нихъ было довольно. Съ того времени до появленія Пальмиры, шо есть, въ продолженіе цѣлаго года, ни одинъ корабль не проходилъ мимо острова Амстердама. Вышеупомянушій начальникъ шкуны, вѣроятно, ошибся въ островахъ; ему нужно было бы производишь ловлю на южномъ островѣ, шо есть Св. Павла, гдѣ морскіе звѣри находяшся въ изобиліи; на сѣверномъ же Пенъ

и Прудфушь убили только семь тюленей въ печеніе 14 мѣсяцевъ. Сіи два мапроса также думали, что находясь на островѣ Св. Павла; желая открыть Амстердамъ, часто смотрѣли къ сѣверу, и удивлялись, не примѣчая онаго, пошому что въ ясную погоду сіи два острова видны. Заблужденіе сіе послужило имъ ко вреду; если бы наши мапросы перѣехали на островъ Св. Павла, то нашли бы шамъ горячіе источники, температуратура коихъ сподъ высока, что можно варить въ нихъ рыбу, которую легко ловить въ ближнемъ источникѣ. Джонъ Коксъ былъ на семь островѣ въ 1790 году, и замѣшилъ, что Фарентейшовъ термометръ поднимается въ сихъ источникахъ на 190 градусовъ; вкипавъ его, наловивъ рыбы на взморѣ, кидалъ ее шощасъ въ источникъ; чрезъ пять минутъ она была сварена. Пенъ и Прудфушь не имѣли сихъ средствъ; они лишены были даже всякихъ орудій, но судьба имъ помогла: на одной скалѣ нашли они иглу, старый ножъ и большой гвоздь; прицѣпивъ къ веревкѣ, употребляли оный вмѣсто уды, и начали заниматься рыбною ловлею; но такимъ образомъ ловили они одинъ родъ рыбы, называемый мапросами шрубою, изъ раковинъ доспавали они только *блюдечко* (Ieras). Въ водѣ

былъ большой недоспашокъ. На каменншомъ оспровѣ, покрышомъ шолько двумя или шреми слоями земли, не было испочниковъ; они принуждены были искашь дождевыхъ лужъ, и иногда бѣжали нѣсколько миль для уполенія жажды.

Въ семь оспровѣ водншся много кабановъ, но наши два машроса во все время убили шолько пяшь. Они должны были преслѣдовашъ ихъ бѣгомъ и убивашъ палками. Однажды поймали нѣсколько поросяшь, которые не умѣли догнашь своихъ машокъ. Сей день былъ большимъ праздникомъ для нашихъ двухъ Робинзоновъ.

Время считали они, дѣлая ежедневно знаки на обручѣ; но ошиблись двумя днями: по ихъ счешу было вшорое число Ноября, а Пальмира прибыла чешвершаго.

Большая гусшая шрава (шузанъ) мѣшала имъ ходишь по земля: они зажгли ее, и говоряшь, что пожаръ распросшранился по всему оспрову.

Наши Робинзоны пробовали дѣлашь лужи и спрѣлы, но вѣшви кушпарниковъ были слишкомъ хрупки. Все досшавали руками; рыбы не могли сохраняшь долго, по недоспашку соли, и дищу употребляли безъ всякихъ приправъ. Иногда по шри дни ничего не ѣли.

Они имѣли кремень; но когда шрушь вышла, шо не могли замѣнить онаго никакимъ распеніемъ; въ последнее время они весьма заботились о сохраненіи огня въ хижинѣ, особенно ночью, ибо никакими средствами не могли бы добыть его, если бы онъ пошухъ.

Священный огонь сей былъ причиною всегдашняго спора; младшій изъ нихъ всегда засыпалъ, и Прудфушь долженъ былъ сидѣть у очага. Когда они оба уходили изъ хижины, шо покрывали оный дерномъ, иногда уносили съ собою зажженный шурѣ.

Гогебургъ увѣрялъ, что островъ сей имѣетъ 12 миль въ окружности, но мапросы полагаютъ 20 миль: ибо обошли оный не менѣе, какъ въ день. Однажды взошли они на самую высокую гору, и удостовѣрились, что она была пошухшая сопка: жерло ея имѣло 100 ярдовъ въ діаметръ, а глубину неизмѣримую. Островъ покрытъ правою и густымъ кустарникомъ; сухая шрава служила нашимъ мапросамъ постелью.

Зима была холодна, но безъ снѣга; очень часто были изморози и падалъ градъ. Они во все время были здоровы; одинъ только разъ Прудфушь упалъ въ рышвину и ушибъ себѣ ногу, что заставило его пролежать чешыре мѣсяца.

Изъ птицъ ловили они пепредей; мясо ихъ было сухое и ошзывалось рыбой; но яйца были хороши; мясо кабановъ было также жестко и безъ жира. Албашросы высиживали яйца въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ, гдѣ невозможно было доспавать оныхъ.

4-го Ноября машросы наши съ великою радостію замѣтили Пальмиру. Пенъ предчувствовалъ минушу своего освобожденія. Прудъушъ, менѣе легковѣрный, смѣялся щипешной надеждѣ своего шоварица.

Однако жъ, видя приближеніе корабля, они сошли съ холма, на кошоромъ находились, и что бы дашь знашь о своемъ положеніи, развели большой огонь. Нельзя описашъ радости нашихъ машросовъ, когда корабль поднялъ флагъ; наконецъ увѣрились они, что насшупила минуша ихъ освобожденія: сильный бурунъ препящшвовалъ кораблю приблизиться къ берегу. Рулевой на лодкѣ окликнулъ нашихъ Робинзоновъ. Пенъ узналъ голосъ своего щшурмана. Къ счастью, они имѣли довольно длинную веревку, кошорую кинули къ лодкѣ: шакимъ образомъ прищанули ея къ берегу и вошли въ оную.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВЫЯ ПОЛЬСКІЯ КНИГИ.

1 8 2 8.

25. *Melitele, powrocznik. Wydany przez Antoniego Edwarda Odyńca. Мелителе, книжка на новый годъ, изданная Антоніемъ Эдвардомъ Одынцемъ. Варшава, въ шип. А. Галензовскаго и ком. 255 стр. въ 12.*

(Подъ симъ заглавіемъ вышелъ въ Варшавѣ новый Польскій Альманахъ на сей 1829 годъ. *Мелителе* было имя Флоры Липовской. — Издашеть сего Альманаха, или *Новогодника*, самъ отличный Поэшь, собралъ въ своей книжкѣ лучшія новѣйшія произведенія Польскихъ Музъ. Между сими цвѣтами Липовской Флоры, красующся и благоухающъ пяшь прелестныхъ цвѣшковъ Адама Мицкевича, перваго изъ Польскихъ Поэшовъ нашего времени. Особенное же замѣчаніе заслуживающъ его *Фарисъ*, Арабская повѣсть или *Кассида*, и *Засада* (*Czaty*), Украинская-Баллада. Изъ прочихъ Поэшовъ Польскихъ, самъ Издашеть Г.

Одмнецъ, также Гг. Юліанъ Нѣмцевичъ, Іосифъ Залвскій, Стефанъ Вишвицкій, А. Ходзько и еще нѣкошорые другіе принесли также прекрасныя дары богинѣ Мелишелѣ. Изъ прозаическихъ пѣсень особенно замѣчательны двѣ повѣсти, изъ коихъ первая сочинена Г-жею Таньскою, сочинительницею прекрасной книги: *Память Доброй Матери*, извѣстной и у насъ по весьма хорошему переводу одной дамы; а вторая (*Подданный*) сочинена Г. Игнашіемъ Ходзько. Всѣхъ стихотвореній въ этомъ Альманахѣ болѣе 60; прозаическихъ пѣсень только 6; именъ сочинителей (включая въ то число двухъ дамъ) 22. Наружный видъ сей книжки не соотвѣтствуетъ внутреннему ея достоинству: она напечатана некрасивымъ шрифтомъ, на весьма посредственной бумагѣ; форма же также слишкомъ велика для Альманаха. Приложенныя къ нему, портреты Польскаго Стихотворца Іосифа Липинскаго и при вида развалинъ древнихъ Липовскихъ замковъ (Новогрудскаго, Троцкаго и Виленскаго), литографированы не весьма искуснымъ художникомъ и ошпечаны дурно. — Кромѣ литографир. картинокъ, въ Мелишелѣ есть еще noch одной пѣсенки на два голоса, положенной на музыку извѣстною виршуозкою, Г-жею Шимановскою. Аль-

манахъ сей можно безъ всякой напѣжки сравнишь съ шѣми людьми, копорые не ма- няшъ къ себѣ наружноспью, но привязыва- юшъ прочно и надолго превосходными ка- чествами ума и сердца.

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

1 8 2 8 .

П о э з і я .

38. *Стихотворенія Ивана Козлова. С. П. бургъ, въ шип. Депарш. Народн. Просв. 1828. 142 стр. въ 8.*

Тихая горестъ, шерпѣливо и безропом- но сносящая бѣдспвіа, но уныло выражаю- щаяся въ томныхъ звукахъ; порою воспо- минанія о минувшемъ, о лучшихъ дняхъ жи- зни; чувство испинное и глубокое, азъкъ вездѣ правильный и благородный, спихосложе- ніе плавное и сладко-звучное — вошъ оплщи- щедьныа чершы собшвенныхъ произведеній

И. И. Козлова. Поэтическія его предложенія (изъ Тасса, Байрона, В. Скопша, Т. Мура, А. Шенье, Мицкевича и проч.) замѣчательны, кромѣ достоинства стиховъ и слога, по той вѣрности, съ какою Поэшь нашъ умѣешь схватить и передашь духъ каждаго стихотворенія чужезычнаго. Для примѣра приведемъ одно мѣсто изъ Тасса (*явленіе усопшей Клоринды Танкреду.*)

„Объ ней зарей и вечеромъ объ ней
Крушился онъ и плачешь и спенаешь:
Такъ въ шемну ночь шоскуя соловей,
Когда ловець жестокой похищаешь
Его еще невскормленныхъ дѣшей,
Поешь и боръ печально оглашаешь.
Въ помлени силъ невольно легкимъ сномъ
Забылся онъ передъ румянымъ днѣмъ.

Выпишемъ эту самую *оттаву* подлинника, чшобы любители Италіанской Поэзіи могли легче сдѣлать повѣрку, весьма выгодную для Русскаго прелаташеля:

Lei nel partir, lei nel tornar del sole,
Chiama con voce stanca, e prega, e plora;
Come usignuol, cui'l villan duro invole
Dal nido i figlj non pennuti ancora;
Che in miserabil canto, afflitte, e sole
Piange le notti, e n'empie i boschi, e l'ora.
Alfin col nuovo di rinchiude alquanto
I lumi; e'l sonno in lor serpe fra'l pianto.

Tasso. *Gerusalemme Liberata.*
Canto XII, ottava 90.

Замѣнить, что предлагатель не придерживался здѣсь въ точности словъ подлинника, но передалъ намъ совершенно и въ той же мѣрѣ впечатлѣнія, когорыя производишь въ насъ сіе мѣсто въ Поэмѣ Тассовой. Чакова, по нашему мнѣнію, должна бышь цѣль поэтическіхъ предложеній; и если цѣль сія хорошо выполнена, то переводъ спихошворенія чужезычнаго смѣло можно назвашь образцовымъ.

Конецъ сто двадцать второй части.

О П Е Ч А Т К И

въ 21 и 22 книжкахъ.

Напечатано:

Читай:

Стр.	сшрок.		
79	16	Краснорѣчя	Краснорѣчіе
—	19	nascitur	nascuntur
85	10	правилами	началами
86	6	изъяснишь	изъясняшь
88	23	главы	слова
91	14	побаловашь	не баловашь
93	26	воспользуюсь	вопрось
94	15	Граμμαшики дол- жна	Граμμαшика дол- жна
97	6	неужели	нужно ли
100	19	поняшія имени	поняшія

О Г Л А В Л Е Н И Е

С О Д Е Р Ж А Н И Е Д В А Д Ц А Т Ъ В Т О Р О Й Ч А С Т И.

	Стр.
I. Изящная Словесность.	
1. Ошрывки из Романа: Врачъ Исповѣдникъ	3
2. Германская Лукреція	193
II. Критика.	
Замѣчанія на книгу: Военное Краснорѣчіе	67
III. Технологія.	
О пишательныхъ вещеввахъ и ихъ сбереженіи	102
IV. Новая Исторія.	
Походъ Наполеона въ Египетъ	128
V. Политическая Экономія.	
Письмо о деньгахъ и шорговлѣ	295
VI. Путешествія.	
1. Пльнь Англійскаго машроса	346
2. Исторія двухъ машросовъ, осшавленнхъ на оспрвъ Амшердамъ	354
VII. Стихотворенія.	
1. На кончину Государыни Императрицы Маріи Феодоровны	180
2. Увядшій цвѣшокъ	184

	Стр.
VIII. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	187
	364
IX. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	184
	362

